

**АԢСНЫ АԢЦААРАДЫРРАҚӘА РАКАДЕМИА
Д.И. ГӘЛИА ИХЪЗ ЗХУ АԢСУАԢЦААРАТӘ ИНСТИТУТ**

**АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Д.И. ГУЛИА**

АԢСУАԢЦААРА АБХАЗОВЕДЕНИЕ

**Археология
Аџоурых
Аетнология**

**Археология
История
Этнология**

**Атыжьра
X
Выпуск**

**Аќәә – Сухум
АБИГИ
2016**

ББК 72.4 (5Абх) я 5
А17

«Абхазоведение» (историческая серия) – сборник научных статей, в основном сотрудников АБИГИ по археологии, истории, этнологии Абхазии.

Сборник рассчитан на специалистов и тех, кого интересует Абхазия в древности и новейшее время.

Редакционная коллегия: Бгажба О.Х. (главный редактор), Авидзба В.Ш.,
Авидзба А.Ф., Джопуа А.И., Салакая С.Ш.,
Цвинария И.И., Чкок-Эшба Э.М., Отырба А.А.

Абхазоведение: Археология. История. Этнология.
Сухум: «Дом печати», 2016. – 248 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

А.И. Цьануа, А.Иу. Скаков

Цьантыхэтәи ацсыжырҭа

7

З.Г. Хондзия

Раннеантичный могильник в посёлке Тасракуа

19

Д. А. Канделаки

Древности Гагрского района Абхазии

22

Р.М. Барцыц

Предметы украшения из раскопок храма в селе Лдзаа,

1989–2013 гг.

32

Н.Н. Гончарова, Е.Г. Кокоба

Обобщенный портрет как источник антропологической информации

(на примере абхазских студентов)

37

ИСТОРИЯ

В.А. Ньюшков

Цебельдинская культура в историко-культурном контексте

позднеантичного мира

46

Г.Д. Гумба

Еще раз о восточной границе Абхазии
в раннем средневековье

54

Н. В. Касландзия

О ситуации в Западном Закавказье в 30–80-х гг. VIII в.
(К вопросу о достоверности сведений грузинского писателя XI в.
Джуаншера Джуаншериани)

62

О. В. Маан

К этническим процессам
в Западном Закавказье в период позднего средневековья

74

Т. А. Ачугба

О «восстании» и депортации абхазов 1877 г.

86

Э.М. Чкок-Эшба

Из истории русского монастыря св. Пантелеймона
на Горе Афон (Греция) XIX в.

93

Т. З. Барциц

Крестьянская реформа 1861 года в России
и сословно-поземельные отношения в Абхазии

102

Г.Н. Колбая

Поиски и находки о Н.И. Воробьеве

108

ЭТНОЛОГИЯ

В.Л. Бигуаа

Хэажэкрыра – культ плодородия у абхазов

116

М. Б. Квициния

Особенности социально-исторического
рефлексиования абхазов

134

А. И. Бройдо

Гумистинская линия фронта как архетип реки – границы миров

143

Е.В. Сангәлиаңха

АТаацәалалара апроблемақәа ҳазтагылоу аамтазы

147

ПОЛИТОЛОГИЯ

А. Ю. Скаков

Религия и традиция на Западном и Центральном Кавказе:
борьба, взаимодействие или симбиоз

155

Э. Р. Агумава

Акт о государственной независимости,
как итог переговорного процесса о политическом статусе
Абхазии (1993-1999 гг.)

162

Д. Т. Ачугба

О грузино-абхазском конфликте и геополитике

189

Э. Д. Эшба

Причерноморье: регион соперничества или сотрудничества?

197

РЕЦЕНЗИИ

Ю.Д. Анчабадзе

Представляет непреходящее значение

211

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

А.Ф. Авидзба

О вкладе академика АНА А. Э. Куправа в отечественное
источниковедение и биографистику

217

А. Р. Гумба

Любовь к народной песне

222

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Л.А. Шервашидзе

Драндский храм.

226

А.И. Цьануа
А.Иу. Скаков

ЦЪАНТЫХЭТЭИ АЦСЫЖЫРТА

Мраҭашәаратәи Нхытц Кавказ абаҭакәа иахьатәи ҭаамтазы имаҭны итҭаауп. «Колхидатәи» «кобантәи» ажәытәрақәа реимадареи реи-хьыпшышьеи инагзаны еилкаам иахьагы. Аматериалқәа рацәаха-цыпхьаза иубартахоит ихьшәоу ацъаз аамтазы «кобантәи» «колхидатәи» акультурақәа рҭны заатәи аиха атыц аман хәа иҭоу агәаанagara аиа-ша ишацәыхароу. Арт еиуацәоу акультурақәа хазы-хазы ишыҭказгы, реиҭыпшышьеи рхәаакәеи ирызку азтаарақәа ртак аҭацаразы иаҭахуп аттааратә ныҭәара ҭыцқәа. Еихаразак, Кавказ ашьхеибаркыра аҭганк инаркны, ашьха иазааигәоу атыцқәа рҭынза. Рыцҳарас иҭалаз, ааигәанза ас иҭаз аусурақәа ахәаа кьаҭқәа ирҭагзан.

Ирацәам аусумта чыдақәа иреиуоуп: 1981, 1983, 1985 шықәсқәа рзы¹ ацсуа археологцәа рыцшаарақәа Цьантыхәтәи ацсыжырҭаҭы. Ари ацсыжырҭа иҭоуп Тҭәарчал ақ. Акармара аҳаблан, Цьантыхә ашьха иазааигәаны, азиас Аалзга армарахьтәи ацшахәаҭы.

1970–1980 ашықәсқәа рзы ари ацсыжырҭа акырынтә архәрақәа ах-тысит атыпantәи ауаапсыреи хылацшрада «итызтаауаз» ааигәа инхоз атәылаҭацәтцааоцәеи рыбзоурала. Урт реизгақәа археологцәа ирытан, аха иҭоуп назаза ибжъазызгы. Инхазаз аматериалгы ашәкә дыргақәа ахьрыҭамыз азы анауказы цәызк иаҭызахеит. Иазгәатәтәуп, VII ашә. х.ҭ. иатәуп хәа ззухәаша ажәытә материалқәа урт ишрыламыз. Ирыцмызт иара убасгы ацсыжратә кьабзқәа ртәи зхәоз аинформациагы.

¹ Шамба Г.К. Раскопки древних памятников Абхазии. Сухуми, 1984; Шамба Г.К., Шамба С.М., Шенкао Н.К. Предварительные итоги археологических работ 1981 года на горе Джантух // Известия АБИЯЛИ. Том XIII. Тбилиси, 1985; Шамба Г.К., Квициния В.К., Шенкао Н.К. Археологические раскопки в бассейне р. Гумиста (Шубара-2) // Известия АБИЯЛИ. Том XV. Тбилиси, 1989.

1980 ашықәсқәа рзы, рацәак инейтыхым археологиатә цшаарақәа раан итцәан х-комплекс. Ашьха ашьапақынтә аҗада-мрацәашәарахьтәи аган ақны ацсыбаҗыртә ажраҗы ицшаан еиҗа изааз ацсыжырта¹. Ацсыбаҗыртә андыргылоз иаазыгьежыны, аццәи еицшыз 1 кв.м. иқаз ацсыжырта рбган. Арақа ижын: ауаҗытәиҗса иитәыз х-хаҗыцки, еил-каам цсаатәк абаҗқәеи, анышәацшь иалхыз агәыгәым аццәи, ахаҗә гәымжытәи, аццәзтә хәдахатцәи, җ-напхатцә хьантәқәеи, зтцыхәақәа еиҗаршәыз анапхатцәи, ацстәхы зхагылоу ақама сахьа змоу ахь-нырхәлеи, апастатә еимхәыц ссеи, асердалик еимхәыц гьежыи. Абақа тызтәаз, ари акомплекс VIII ашә. алагамтәи VII ашә. х.к.² иатәуп хәа шықәдыргылеит. Аха, ацстәхы зхагылоу ақама сахьа змоу ахьнырхәла ақәра уахәацшуазар, иатцәнакуеит VIII-VII ашәышықәсақәа рхәаахь³. Ашәқәы ианызтәоз ирхәеит, ари ацсыжырта аингумациатә ццәкы аман хәа. Хара хгәаанагарала, ари ацсыжыртаҗы х-хаҗыцки, зхыцхьазара мацмыз абаҗқәа унарықәыцшыны, хазтәи цсыжыртоуп хәа ухәар алшоит. Арақа иаарцшыз амаҗарқәеи ацсыжышәеи зынза иеицшуп Уреки захьзу ацсыжырта. Уиала иухәар алшоит, Ингәыр-Рионтәи колхидатәи акультура хь иатцәнакуеит хәа (авторцәа руазәы игәаанагарала).

Затәи ацсыжырта ахахьы иқан ацсыбаҗыртәтә жра. Иааизыхәхәо аформа аман, урыла 5 м., цәуларала 2,2 м. иқан, тыцқәак рқны ахаҗә еиқәтцан, цьара-цьара еилажыын⁴. Ажра атцә иҗахыкшәа ишьтан ицәны иқаз ахаҗә. Ацшаарақәа аҗаҗыгәз авторцәа ргәаанагарала, ари ныхәартан (ацсаса ршьыртә). Ари ахаҗә атцәкы ишьтан ауаҗытәиҗсеи, ацсаатәи, иблызи, ицыҗеызи рыбаҗқәа. Иара ааигәара 5–6 м. набжыаны ицшаан даҗа цсыжыртак. Уи игәғәаны ибгахьан, шәагаала 8 цшь.м. иқан, атцәуларала 1, 2 м. Иқалап егырт реицш, аригьы хәҗә еиқәтцала иҗаганы иқазтгы⁵. Арақа игәәтан ицхастамыз амцәиқәтцартә тыц, шәагаала 0,8 цшь.м. иқаз. Ацшаахқәа рахьынтәи иазгәәтан 12 хкы алак еиқәтцәа зыхьшыбу акыц-лых фрагментқәа, ацьарсахьа змоу ахьнырхәх, агәлатцә, ахәдахатцә, анапхатцә, аимхәыц, ахыц, ацса ахы, асердаликтә еимхәыц, ахәымпал ахы. Арт аамтала еицшымыз аҗнышәынтракгыи рқны иара аҗнытцәкы имҗаҗыргон ацсыбаҗыртәи. Амала актәи ацсыжыртаҗы ицшааз алак

¹ Шамба Г.К., Шамба С.М., Шенкао Н.К. Предварительные итоги археологических работ 1981 года на горе Джантух // Известия АБИЯЛИ. Том XIII. Тбилиси, 1985. – Ад.7, 8. Асахьа 3.

² Шамба Г.К., Шамба С.М., Шенкао Н.К. Предварительные итоги археологических работ 1981 года на горе Джантух // Известия АБИЯЛИ. Том XIII. Тбилиси, 1985. – Ад.10, 11.

³ Скаков А.Ю., Джоуа А.И., Цвинария И.И. Исследования в Абхазии // АО-2005. М., 2007. Асахьа 4.

⁴ Шамба Г.К., Шамба С.М., Шенкао Н.К. Предварительные итоги археологических работ 1981 года на горе Джантух // Известия АБИЯЛИ. Том XIII. Тбилиси, 1985. – Ад.7,11. Асахьа 1,2.

⁵ Шамба Г.К., Шамба С.М., Шенкао Н.К. Предварительные итоги археологических работ 1981 года на горе Джантух // Известия АБИЯЛИ. Том XIII. Тбилиси, 1985. – Ад.18, 19. Асахьа 5,6).

еиқәатқәа зыхьшыбыз акыцлых аоыза аобатәи ацсыжыртаҕы иказамызт. Арт ацсыжыртақәа аныцшааз ииашазамкәа, комплексла еиихшамкәа икәтқаз антқамтақәа ирыхкьаны, аамтала изтқазкуа ахәара залшом.

Цьантыхә ашьхаҕы ипшаан хәа акыпцхь аҕы ицәыртцыз еиуеипшым амзызқәа амоуп. Ицьюшьартәи икән арака ахәаанырцәтәи иаагоу антикатәи акыцлых, VI ашә. х.к. иониатәи абжьара еипш аттикатәи алак еиқәатқәеи¹, иара убасгьы аеллинтәи аамта иатәугьы (II ашә. х.к. ахқатәи ацшьбарак иатәу мегаратәи асаан цейхеи, III-II ашәшә.х.к. иатқанакуа ашьушьеи². Ицьюшьаратәи икән, заатәи аскифтә культура иатәыз амаҕтарқәа жәпакы ари абакаҕы рыказаара. Ари х-ҕык атаны х-кәаккь зхагылаз ацса ахы ауп³, аццшра змоу аихшагатә хацса⁴, акинаққәа⁵, Цьантыхәтәи абака аматериалқәа иаацьюшьартә еипш «колхидатәи» «кобантәи» аказшьақәа рныцшуан.

2005 шықәсазы еиҕацшьахҕеит Цьантыхәтәи ацсыжырта атқара. Ускан ацшыхәрақәа имоацаагаз рыла еилахкаахьан, арт ацсыжыртақәа акыр ирхәызаргьы, иара акрополь атқакыраҕы ихарто алтцшә⁶. Уажәтәи аамтазы Цьантыхә ашьха ахарақыраҕы иалукаар калоит аоада-мраташәаратәи (иара убрака акәын хусурақәа ахымоацысуаз) аоада-магыларатәи аганқәа. Хәарада, ари атыц зегь ацсыжырта иатқанакуан. Арт аганқәа рыбжьара икән ацсыбаоблырта тып⁷ хгәаанагарала, ацсыжырта иахәтакыз. Ацсыжырта аоада-мрагыларахьтәи аган аҕы ипшаан зеиқәхашьақәа еипшымыз асаан хахәқәа пшь-цырак. Уаанза абака тызтқаахьаз зызбахә рхәахьаз. Даеа саантә хахәк афрагментқәа пшаан хә-цсыжыртақәак рхакьы. Арт ахахәқәеи, еиуеипшым акултқәеи, уахь ацсыжрагьы налатқаны, аимадара шрымаз гәыобарыда агәра угоит. Уи аоыза агәаанагара ихәахьан авторцәа руазы А.П. Мошински⁸. Асаан хахәқәа оба пшаан Уллубаганалы-2 ацсыжыртаҕы мраташәара-кобантәи акультура иахьатқанакуа адгьылтқакыраҕы⁹. Аса-

¹ Шамба Г.К., Шамба С.М., Шенкао Н.К. Предварительные итоги археологических работ 1981 года на горе Джантух // Известия АБИЯЛИ. Том XIII. Тбилиси, 1985. – Ад.24. Асахьа 15, 1-9, 11-14).

² Шамба Г.К., Шамба С.М., Шенкао Н.К. Предварительные итоги археологических работ 1981 года на горе Джантух // Известия АБИЯЛИ. Том XIII. Тбилиси, 1985. – Ад.1, 5; 15, 10).

³ Шамба Г.К., Шамба С.М., Шенкао Н.К. Предварительные итоги археологических работ 1981 года на горе Джантух // Известия АБИЯЛИ. Том XIII. Тбилиси, 1985. – Асахьа 8, 11).

⁴ Шамба Г.К., Шамба С.М., Шенкао Н.К. Предварительные итоги археологических работ 1981 года на горе Джантух // Известия АБИЯЛИ. Том XIII. Тбилиси, 1985. – Асахьа 7,4).

⁵ Шамба Г.К. Раскопки древних памятников Абхазии. Сухуми, 1984. – Асахьа 29,2: Ад.25-28. Асахьа 19, 6, 8).

⁶ Скаков А.Ю., Джоупа А.И., Цвинария И.И. Исследования в Абхазии // АО-2005. М., 2007. – Ад.577-578. Асахьа 68).

⁷ Скаков А.Ю., Джоупа А.И., Цвинария И.И. Исследования в Абхазии // АО-2005. М., 2007. – Ад. 47. Асахьа 4, 4).

⁸ Мошински А.П., Скаков А.Ю., Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. МИАР. №3. М., 2001. – Ад.95, 96.

⁹ Козенкова, 1989: Ад.85. Атабл. XXXII, 7.

ан хахэкэа (2 цыракны) иарбан ақыта Пелагиада ацсыжыртаҕы (Шапковски араион аҕы Ставрополь иахьатцанакуа). Арака ауафытэыфса псаҕатэыс дахьыкартоз комплексын. Аамтас иатцанакуан – VI ашэ. х.к.¹.

Икалап, ажэытэзан Цьантыхэ иказтгы анекрополь дузза, ааигэасигэантэи ацсэа ааганы иахьыржуаз.

Хышыкэса рыфнутка Цьантыхэтэи ацсыжыртакны имоапахгаз ажракэа ирылтшэаны итцаан ацсыжыртакэа фба V ашэ. актэи азбжеи III ашэ. х.к. (ацсыжырта 3,4), тыпқэак ркны ибзианы еикэхеит ажра-тецц псыжыртакэа фба IX ашэ. х.к. (2, 3 ацсыжыртакэа). Иалагоуп IX-VII ашэ. х.к. иатэу ацсыжырта атцаара (ацсыжырта 6.).

Ижэытэзатэиу (IX ашэ. х.к.) ацсыжырта аказаашья унарбоит 2006 шыкэсазы итцааз ацсыжырта 4. Уи аоадатэи ахэтэҕы ишьтан ажра-тецц псыжыртакэа фба тбаарыла 1,15–1,2 м., атцаулары 0,5–0,7 м. иказ, аганаф абсыбафбырта аманы (Асахья 1.) Абасала, итцааз ацсыжыртакэа дара рыпсыжшьатэ таскэа рыла еипшын (ацсыжырта 1) (1985ш.) Арт рышэагаа шакараз ухэар ауеит актэи уахэапшны (ацсыжырта 2), тыпқэак ркны зформа еикэхаз. Аобатэи ацсыжырта (ацсыжырта 3) иатынхеит (атцахьшэа) итыртэааз тыц хэычык 10 см. иакараны. Ацсыжыртакэа рыбжьара 35 см. иреихазамызт. Анышэынтракэа рхэымкэа инхеит ирташьыхыз анышэапшь иабзоураны. Архэцэа уи иарфашьеит, атэҕы инеиз цьыршьан, иакэытцит ажра².

Аобатэи ацсыжыртаҕы ицшааз агэлатцеи, акамеи, ахэыдхатцеи, иара убасгы ахпатэи ацсыжыртаҕы ицшааз акамеи аорганикатэ материал илахэан. А.А. Голиева (Урыстэылатэи агеография аинститут) леилыргарала ари акама иакэыршаз аба аорганикатэ масса иалхын. Мачк абажэ баагы алан³. Уи акама анапкырта злыхыз акэхарын. Иара убас абри атыцаҕ икан еита зхала ибааз ацстэы органика (ацэа, ахэыц, аласа). Ахаскыных ара атыц аман, аха даара имачны. Амаэтэркэа аба илахэаны рыжра атыц аман егырт колхидатэи ацсыжыртакэа ркынгы. Арт ацсыжракэа ирыцу амаэтэркэа иреипшу ахыкоу Ингэыр-Рионтэи колхидатэи акультураҕы ауп. Амала ицьяшьатэу архаикатэ маэтэрны икоуп ирхэоу агэлатца. Иара ипаны, иаум ассиметриатэ орнаментла ихкэыршоуп. Типла еипшу агэлатцакэа фба цшаан Нигвзиани ацсыжыртаҕы. Агэтатэи Колхида аобатэи ахронологиатэ ҕыгхарахь иатцанакуеит. Иныкэырпшны иухэозар, ари иатцанакуеит VIII ашэ. х.к. Иагыа ус иказаргы, еиха иархаикатэу XI-IX ашэышыкэсакэа раантэи агэлатцакэа ахьуцыло Кавкази, Кавказныхытци рыгэтакэа рҕоуп. Хэагэлатца иаха иазааигэоу ахьуцыло уброуп.

¹ Петренко, 1984: Асахья 2.

² Скаков А.Ю., Джопау А.И. Джантухский могильник – памятник локального варианта Ингури-Рионской колхидской культуры. 2008 а: 2076.

³ Ерлих В.Р. Меотское святилище в Абхазии // ВДИ. 2004. №1. – С. 222–224.

Ахәйдхатда хьантақәа зтцыхәақәа ырхәаны иҕоу раамтатдакыра тбаауп. IX-VII ашәшә. х.к. иатцанакуеит. Арт амаҕтарқәа реизак мраташәаратәи Кавказ-нхытцка иқәызгалаз Кавказ агәтәнтәи кобантәи акультура ауп. Иазгәахтәп, IX-XII ашәшә. рзы Кавказ акаршәрақәа иахьрытцаркуаз аныр-ра аман даеа қабзк – Ингәыр-Рионтәи акультура иаказшьоу анышәынтра дукәа, ҫынтәны ацсыжшьа тцасс измаз, иналаршәны иара атыпаҕы ацсыбылраггы зцыз.

2007 шықәсазы анышәынра атцака иаарпшын еиҕа ихьшәоу даеа цсыжыртәк. хгәаанагарала, ари ажырта атцакыра 7, 65, 2,85 м, атцаулар 0,2 м. иҕан, аха 2008 ш. хатцарақәа ишахдырбаз ала ари имариам баҕан. Хых иаххәаз ашәагаақәа ахахә еикәтца мацара иатанагзо ауп. Ахшьыра наа иаджылоу анышәынтракны иубоит ҫ-ҕыгхарақәк. Урт аҕыгхарақәа еидызго астерилтә рацәатә ҕыгхарақәа рыбжьоуп. Ари анышәынтра ду ацсыбылра ақабз хазы измаз коллективтә цсыжыртән. Абасала, арака иубартоуп хазтәи ацсыжшьа аколлективтә цсыжшьақәа ишрымадоу (Асахьа 3).

Хыхтәи аҕыгхараҕ ахахәқәа рыбжьара ицшаан ацъаз рхәы иалхыз акылтцәы (асахьа 4, 3), ацъазтә тәтцәа-хьархьар (асахьа 4, 2), зсаса раҳаны ишьтоу ацгәы зну аҕәына, (асахьа 4, 4), иаазыхәхәоу аихатә цыць, (асахьа 4, 5), аҕәына зықәгылоу агәыцә сахьа змоу аҕыуардын, аугә афрагментқәак (асахьа 4, 1). Цақатәи аҕыгхараҕы атцарақәа макьанаггы ицоит. Ицшаан ацъазтә цыць, ишьтоу ацгәы-гыгшәыг асахьа зну, аихатә гәыцә зтагылоу атәтцәа (асахьа 4, 10), асердалики асаркьей ирылху аимхәыцқәеи, ахапсақәеи (асахьа 4, 7, 9), сахьа беиала иҕычоу ҫ-кыртәк змоу акыцлых (асахьа 4, 11). Цақатәи аҕыгхара аамтала VIII ашә. антцәамтәи, VIII-VII х.к. рхәаахь иатцанакуеит, цақатәи аҕыгхара – IX антцәамтәи VIII ашәшә. актәи азбжеи х.к. иатәуп.

Иара ацсыжшьа ахатәи, уа ицшаау амаҕтарқәеи Ингәыр-Рионтәи акультура иапушьыр алшоит. Зыц хырцъацъоу агыгшәыг асахьа змоу аҕәынақәа цшаан хә-нышәынтрак рҕы (2 екз.), Ергет I инышәынтраҕы, Ергет IV ипсыжыртаҕы 1, Уректәи 3 ацсыжыртаҕы, цалуртәи 24 анышәынтраҕы, Кәланырхәатәи ҫ-нышәынтраҕы рҕы. Амаҕтарқәа рыбжакы (ахьархьар, аорнамент зну ацыць аазыгьежь) Колхидазы мацк иаацъоушьартә иҕоуп. Шьтрала иззааигәоу кобан-мраташәарей, кобан-агәтәтәи акультурақәа роуп. Убри ахьархьар еипшу иаазырқәацәны атапқарстақәа змаз ахьархьар цшаан 7(14) Индустріа анышәынтраҕы 1971 ш. Арт ахьархьарқәа еипшымзаара хәычык рымоуп: хара хьархьар атцака иамоуп хәба рақәымкәа цшь-тапқарстақәк, еихшьааланы иалтцуеит мальтәтәи ацъар асахьа акомпозиция. Аикәхәаларта атцака еиҕа еитцытцуеит, акыр ихыжәпааны. Хара хьархьар еиҕа шәагаала имацуп. Ари ацсыжырта В.И. Козенкова VIII ашә. аамта иадылкылоит. Иара уи адаггы, ахьархьар (ацъазтә дац атцыхәа иадкнахалаз) шәагаалеи сахьалеи даара хара хтәы еипшуп, ицшаан Ко-

бан анышэынтрафэы. Кобантэи анышэынтрақәа рфэы ирыпшаахьоу арт иреипшу ахьархьарқәа цыра затцэык акэзам. Амала дара еиха еитцыхуп, иагыжэпоуп. Q-екземплиарки, нас даеа хэтаки Британиатэи амузеи афэы Кобантэи ацызқәа рколлекция хэоуп ишыкоу. Икалап уи абжак Ель-брус азааигэареи Болкариа ашьхареи иртэызар. Иазгэататэуп, ари амузеи афэы икоу ахьархьарқәа амца шырхысхьоу. Еилкаауп арт ацсыбафбылра апроцесс ишалахэыз. Колхида атцакырадгыл иахьатцанакуа арт рфызцэа ахьархьарқәа пшаан Ерет III инышэынтрафэы. Араатэи ахьархьар (Инду-стриати иафурпшуазар) афнытцка агьежь такнахазамызт.

Адыгатэыла VII ашэ. иатцанакуа анышэынтракны ицшаан пшьышь I мацэазшэа итаргэафаз акэына, аха уи иаха итбаан, диаметрала 2,5 см. икан¹. Хара хкэына атцафэы атцдарта амамызт, аха иаанхеит аклатцэы ашьата. Убри азы 6-тэи анышэынтрафэы иахьаз акэына ацьям аамта иатцанакуа аеыуардын ахэтак ауп хэа иазахапхьазар аеуит. Ари афыз аиналукааша апшаах рацхьазатэи бла иабо ршахатгоуп киммериатэи аныкэарақәа Апсны рыкказаара зхэо. Ари апшаах атцанакуеит VIII ашэ. антцэамтэи VII ашэ х.к.алагамтэи.

Арт №3, 4 анышэынтрақәа шырхэызгыи хапшаахқәа реихарак уака ауп иахьахьаз. Дара синхронла еишьтагылоуп. Хкы рацэала ицшаау ахэаанырцэтэи антикатэ керамика зларацэоу ала, иатцанакуеит V ашэ. актэи азбжеи – III ашэ. х.к. Арака хакэшэеит еизаку афбатэи, тыцла ацсыбафбылра змаз анышэынтрақәа. Излеилкааз ала, ацсыжшьа акьабз убри аамтазы акырынтэ аеапсахит. Иазгэататэуп Колхидатэи алакэыра абакақәа ркны ари афыз ацсыжшьақәа ызит, ицэыртцит мрагылареи, афадеи рахь рхы рханы, апсцэа ырхэаны икэырианы рыжра. Абафқәа реихарак идырны ипытцэтцэан. Ицшаау аматэарқәа зегы амца гэгэа рхысхьан. Ажырта аганқэеи атцеи амца рхысхьан.

Цьантыхэтэи ацьюухар акэанч хьынхалақәа. Урт рахьынтэ ф-цырак анышэынтрақәа иртыган. Иалукаар алшоит ф-хкыкҚ зхафэра цьюухару ахьынхалақәа, асолиартэ декор змоу х-кэакны итапкоу, зхафэра арку азеипштэ гэта змоу агьежькэа. Рганқәа цьюухарла амат сахьа, ма атапкарста пшьыркцақәа рнуп. Арт акэаркэашь сахьа змоу ахьынхалақәа типологиала иреипшым егырт кобан агэтатэиқәа. Егырт рганқәа рфэы ашашэа аорнамент рнын. Ацьюухар хьынхалақәа Колхида иамаздоз хэаахэтратэ мфа еилыркаагақэан Пиатигориатэи, Баксантэи, Шэантэылеи, Кэыдри, Егритэи аифахаакхеи ркны.

Колхида ицшаау акэанч сахьа змоу ахьынхалақәа шмачым ала, иухэар аеуит, Цьантыхэ ицшаау аекземплиарқәа, Кавказ ашьхеибаркыра афадатэи анаара акынтэи цьарантэ иаагазам. Ибжыратэу еипшьыган уахэапшыр

¹ Канторович, Ерлих, 2006. – Ад.116. №36.

ауеит Чубертэи (Ларилартэи анышэынтра), Брильтэи ацсыжракэа. Ларилартэи анышэынтра атцанакуеит VI-III ашэш.х.к. Амала уа ицшааз алак еикэатэа зыхышыу аматэаркэа IV ашэ. антэамтэи – III ашэ. х.к. ауп изтазкуа.

Аматэаркэа жэпакы реишьтагыла: х-кэакны итапкоу акэынакэа, акэанч иафызозу ахынхалакэа, апсаатэ орнамент зну ахынхалакэа, аимхэыц хапсакэа. Арт еидыркылоит Цьантыхэи Ларилартэи абакакэа, аха икоуп Кавказ ашьхеибаркыра афадатэи анаарафэи иуцыло еиха ижэытэтэиу аматэаркэа. Ихышэоу Колхидатэи аамта иатцанакуа апсыжратэ қабзкэа рышьтреимдара ахубартоу акультура ашьхареи, ашьхазааигэареи рфоуп. Цьантыхэи Ларилартэи абакакэа агэра злахдырго ала, абракоуп иахыцэырцуа еихарак кобан-колхидатэ таскэа ирзааигэоу ичыдоу аматериалтэ культура. Гэылара цьаргыы игэатам V ашэ. афбатэи азбжеи – III ашэ. алагамтэи х.к. анцыра рыманы иаазеит хэа абарт аматэаркэа: апырцалык асахыа змоу апыцкэа, иаахыкэыршан мацэазшэа икэкакэаны асахыа зну агэлатцкэа, акэанч сахыа змоу, нас ацъарсахыа змоу ахынхалакэа. Абасала, Мраташэаратэи Нхытц Кавказ ашьхара иахыатцанакуа архаикатэ казшыа змоу ақабзкэа еикэханы икан. Иара убасгыы аматериалтэ культура акынгыы. Икоуп даеа чыдарак арт анышэынтракэа рзы. Арака иубартоуп аитатцракэа зказшыаз заатэи амилаткэа ркультурахы иатцанакуаз аматэаркэа ргэыц.

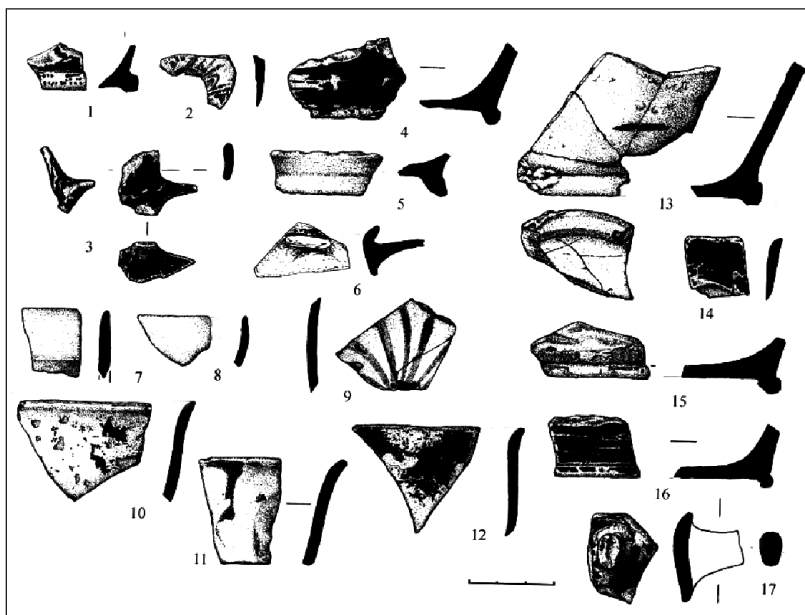
Араатэи аматэаркэа кобантэи колхидатэи аказшыакэа зрымоу, насгыы заатэи аитатц жэлэр ркультура иаказшыоу аматэаркэа рыказаара уеилзыркаауа роуп, абри апсыжырта ахышыштоу атыц акноуп иахымфасуаз ажэытэтэи ахэаахэтратэ мфа. Амфа еиднакылон Колхидеи Кавказ Агэтеи, Аалзгеи, Егри, Накреи реифаақэа инартаршэны. пытк ихышэаны ари амфа иаиуит Мисимиантэи хэа ахыз. Цьантыхэтэи апсыжырта аанзыжыыз ауаапсыра Нхытц Кавкази, Мраташэаратэи Кавказ-аахытц еимаздоз, атцак ду змаз ахэаахэтратэ мфа аусура алдыршон. Абри зегы азгэато, иухэар алшоит, ихышэоу кохидатэи Ингэыр-Рионтэи акультура ахэаакэа иртагзаны икан Цьантыхэ-Ларилартэи алокалтэ вариант хэа. Икалап ари авариант ахы иатцанакуазар Шубара-2 хэа захызуи, Усахелои рыпсыжыртакэа. Аракагыы иубартоуп уа инхоз ауаапсыра хылапшра шрыртоз ашьха хытцыртакэа Колхидеи, Афада Кавкази, аахытци рыбжьара.

Цьантыхэтэи, Ларилартэи абакакэа реилыркаара иуцэырнагоит IV ашэ. х.к. аамтазы Апсны иахыатцанакуа меоттэи акомплекскэа¹ рцэыртцра наукатэ гэаанагарак. М.Ф. Высоцки игэаанагарала, арт меоттэи акультура ахатарнакцэа Диоскуриа қырала инкыланы ирыман, ахэаахычаратэ

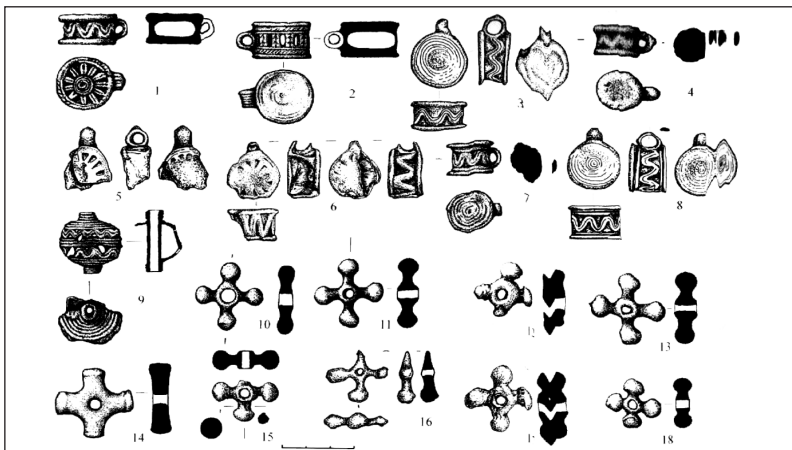
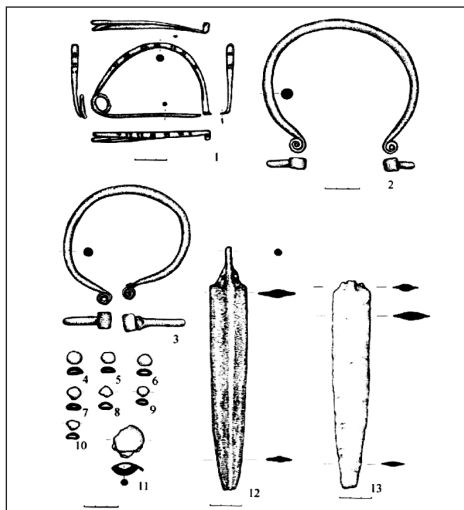
¹ Эрлих В.Р. Меотское святилище в Абхазии // ВДИ. 2004. №1.

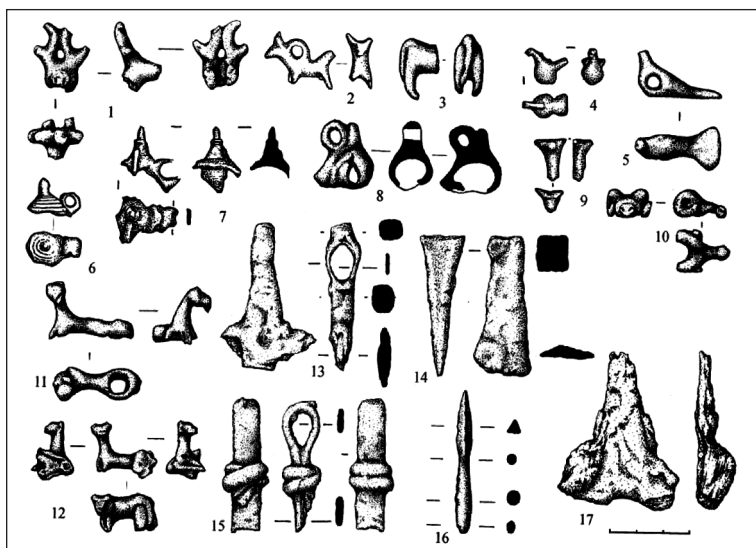
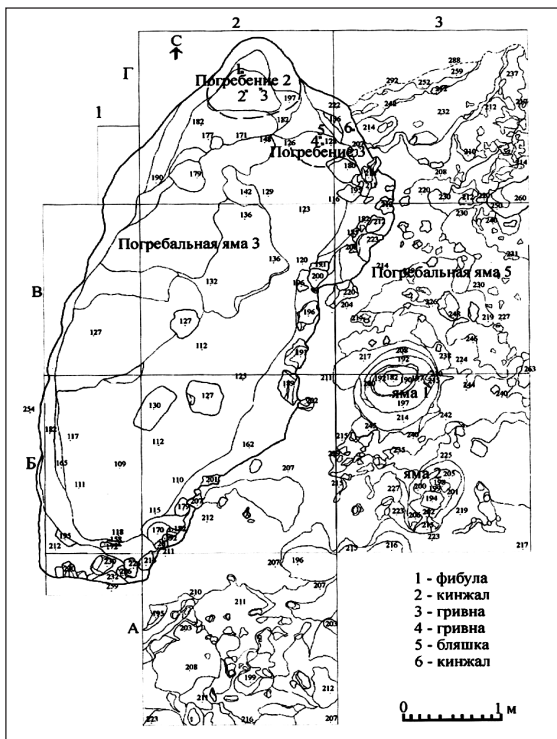
функциякәа рынагзаразы хәа¹. Логикала уахәапшуазар, иухәар калоит, Цъантыхәтәи аңсыжырта аанзыжыыз ауаапсыра хылапшра зыртоз ахәаакәа итцег инейтыхны, Асада-Мраташәара Кавказ-нхытц ашьхара атыц зегь ааннакылон хәа. Урт ахытыртакәа ркны ирымаз ахра Диоскуриа еипш, атыцантәи аихабырагы агәтынчымра рызцәырнагон. Убри акәзаргы калап, IV ашә. х.к. алагамазы абырзен қалақь Гиуенос ағы апстазаара зангылаз. Хатала убри иахкыаноп иахыатәи аамтазтәи Апсныка меоттәи арконтингент аапхара зроуз. Ускан хымпада дара меоттәи ахылтшытракәа рхатагы интерес ирыман ахытыртакәа еипымкыарада русура. Цъантыхә-Ларилартәи авариант иатәу ахылтшытракәа рығәғәара.

Хгәаанагарала, амеотцәа рыр аапхыан ақалақь ахычараз, насгы дара ара инхо, дара иртәу аныхақәа кәртцә аґагылазаашыа рымамызт. Уи адагы ақалақь Теони IV ашәышықәса нахыс апстазаара аангылеит хәа рхәоит атцарауаа. Аха Цъантыхәтәи аңсыжыртакәа рғы итцег ихышәоу аамта иатәу аеллинцәа рхаан иадхәалоу IV– II ашә.х.к. иказ апшаахкәа хамцыхыашәоит.

¹ Высоцкий М.В. Греческая колонизация Восточного Причерноморья: итоги и перспективы исследования // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XIV. М.-Магнитогорск, 2004. – Ад. 404, 405.

Асахьақәа:

1. Џьантӕхэтәи аҕсыжырҭа аплан.
2. Заатәи аҕсыжырҭақәа рматӕарқәа.
- 3-5. III-V ашӕышықәсақәа рматӕарқәа.
6. Антика аамтӕзтәи акӕцӕлӕеыхақәа.

Резюме:

Памятники горной части Западного Закавказья вплоть до настоящего дня остаются слабо изученными, в результате чего взаимосвязь и взаимозависимость между «кобанскими» и «колхидскими» древностями неясна и по сей день.

Одним из немногих исключений стали работы абхазских археологов на Джантухском могильнике, расположенном на горе Джантух в 1 км. от поселка Акармара (г. Ткуарчал), на правом берегу реки Аалдзга (Галидзга) в горной части юго-восточной Абхазии.

В ходе незначительных по объему археологических работ 1980-х гг. исследовано три комплекса. К северо-западу от вершины горы в 1985 г. под кремационной ямой зафиксированы остатки наиболее раннего погребения. Оно было частично уничтожено при сооружении кремационной ямы и представляло собой округлую яму-колодец площадью около 1 кв.м.

В захоронении были обнаружены три человеческих зуба, несколько мелких костей птицы, донце глиняного сосуда, каменное тесло, бронзовые гривна, два массивных браслета, браслет с заходящими друг на друга концами, кинжаловидная привеска с зооморфной головкой, пастовый бисер, круглая сердоликовая бусина. Исследователи памятника датировали этот комплекс VIII – началом VII вв. до н.э.

Фибула, кинжал и гривна, обнаруженные в погребении 2, а также кинжал из погребения 3, были завернуты в органический материал. По определению А.А. Гольевой темный тлен, покрывавший кинжал из погребения 2 содержит очень много аморфной органической массы и в небольшом количестве мелкий древесный детрит. По-видимому, кинжал был обернут кожей или шерстью.

Вероятно, в древности на горе Джантух находился огромный некрополь, в который свозили усопших со всей округи.

В результате наших трехлетних раскопок Джантухского могильника полностью исследованы две погребальные ямы второй половины V– первой половины III вв. до н.э. (погребальные ямы 3 и 4), два частично сохранившихся погребения в ямах-колодцах IX в. до н.э. (погребения 2 и 3). Оборачивание тканью помещаемых в погребение предметов зафиксировано и на других колхидских могильниках.

Большая часть обнаруженного нами материала происходит из двух погребальных ям (№№3 и 4), к сожалению, в значительной степени ограбленных в недавнем прошлом. Примыкающая к погребальной яме №4 с востока площадка, изучение которой еще не закончено, является, оче-

видно, остатками еще одной погребальной ямы (№5). Погребальные ямы синхронны и по достаточно многочисленному античному керамическому импорту могут быть датированы второй половиной V – первой половиной III вв. до н.э.

Среди античного импорта выделяется фрагмент чернолакового сосуда с необычной петлевидной горизонтальной ручкой под венчиком, датируемый, предположительно, второй половиной V – первой половиной IV вв. до н.э.

З.Г. Хондзия

РАННЕАНТИЧНЫЙ МОГИЛЬНИК В ПОСЁЛКЕ ТАСРАКУА

Летом 2013 г. в пос. Тасракуа с. Абгархук на возвышенной части холма Ауархуа, на восточном его склоне, нами были обнаружены следы черных копателей. Они выкопали яму размером в один кв.м. При осмотре отвала мы выявили множество обломков пластинчатых бронзовых листов толщиной 1 мм. Некоторые фрагменты пластинок были накрашены с помощью заклепок, одни пластины имели орнамент в виде точек и косых линий, другие – рефленную форму. Здесь же обнаружены фрагменты железных копий (втулки двух копий и фрагмент лезвия копья). В перекопанном слое обнаружена ручка бронзового котла. Доследование показало: костяк лежал в вытянутом положении на глубине 50-55 м., головой на юг.

В могильнике обнаружены следующие предметы: в головной части скелета фрагменты бронзовых пластинок (возможно, принадлежали к атрибутам головного убора). Череп был покрыт окисью меди и окрашен синим цветом. С правой стороны скелета в поясной части найден оселок четырехгранной формы, просверленный на вершине, материал – галька.

В грудной части скелета обнаружены две шаровидные бусы, костяная подвеска и бронзовая подвеска. В тленной части костей обнаружены два просверленных кабаньих клыка с распиленным наверху. У ног скелета обнаружен фрагмент сосуда – кувшина светло-коричневого цвета. Он стоял с правой стороны.

В перекопанной части могильной ямы, размеры которой составляют 1х1 были найдены следующие археологические предметы: 1. бронзовый наконечник копья без втулки, лезвие копья сломан на две части и имеет резко выраженное ребро, сохранившаяся часть копья имеет длину 11,5 мм., ширину лезвия – 2 см., толщину сечения 4 мм, копьё имеет удлинённую форму. В могильной яме также найдены в разброс выброшенные черными копателями бронзовые колокольчики с разомкнутым корпусом с ударными механизмами, колокольчики орнаментированы по корпусу. В перекопанном грунте были обнаружены археологические находки изделия из бронзы и железа (аналоги можно встретить на поселении Весёлое ²):

¹ Мимоход Р.А., Скаков А.Ю., Клещенко А.А. Новые материалы о поселениях района Сочи в эпоху раннего железа (по материалам раскопок в Имеретинской низменности) // Проблемы археологии Кавказа: Международная научная конференция, посвящённая 70-летию Ю.Н. Воронова. Сухум, 2011. – С.61.

1. Бронзовая цепь – круглопроволочная.
 2. Бронзовый – втятой круглопроволочный браслет с обломленными и расплюснутыми концами
 3. Бронзовый браслет с круглопроволочными концами, которые расположены в виде удлиненного листа, концы которых заострены.
 4. Фибула – бронзовая дугообразная, средняя часть дуги пластинчатая с орнаментом в виде точек, длина 3,8 мм., высота дуги 2,8 мм.
 5. Фибула – бронзовая дугообразная с зооморфной головкой, напоминающая щупольцы (усы) улитки, длина 4 см., толщина 3 мм., часть головки булавки отсутствует.
 6. Бронзовые пуговицы продолговатой формы, количество – две штуки, с одинаковыми орнаментом в виде штампов (на оттиске). На обратной стороне имеют отверстие для крепления к одежде.
 7. Бронзовая обоймочка в виде кольца в одном экземпляре.
 8. Сердоликовые бусы шаровидной формы, диаметр отверстия: вход – 4 мм., выход – 3 мм.
 9. Костяная подвеска, резьба по кости имеет форму античной колонны, длина – 1,7 мм., толщина – 1 см.
- В могильнике обнаружены также предметы вооружения и быта из железа.
10. Наконечник копья, длина – 21,5 мм., ширина лезвия 2 см., сечение лезвия – 9 мм. – с разомкнутой втулкой с резко воруженным ребром (ковка).
 11. Железный наконечник копья – кончик пера сломлен, сохранившаяся часть – длина – 8 см., ширина лезвия – 2,5 мм., диаметр втулки – 1 см., сохранившаяся часть втулки – 2,8 см.
 12. Наконечник копья (железный), сохранившаяся часть лезвия – длина – 6,5 мм., ширина – 1,9 мм., с резко выраженным ребром.
 13. Железный наконечник стрелы – с втулкой для насадки черенка.
 14. Второй наконечник стрелы с обычной ножкой (круглой формой) и насадочным штырём
 15. Наконечник стрелы с маленьким размером, форма четырехгранная, длина – 2,3 мм., ширина – 1,2 мм., толщина колющей части – 6 мм.
 16. Два ножа железных с прямыми спинками. Длина первого ножа – 8 см., ширина – 1,4 мм., толщина – 4 мм. Второй экземпляр: длина – 13,5 мм., ширина лезвия – 1,5 мм. (сохранившаяся часть).
 17. Железная круглопроволочная шила – 95,7 мм., толщина – 2 мм.

После зачистки могилы, в головной части скелета на расстоянии 2,5 м. черными копателями была выкопана яма размером 70 на 75 см., глубина ямы составила 70 см. Нами был расширен раскоп размером 2 на 3 м., на глубине 50-60 см. обнажились останки животного, дальнейшее углубление ямы и зачистка скелета прояснили, что кости принадлежат лошади,

и относятся к могильному комплексу. В раскопанной грабителями части могилы оказалась голова лошади. Голова лошади, ее челюсть были раскрашены окисью бронзы, возможно краска оставлена принадлежностями уздечки (псалии), которые были изъяты грабителями. Скелет лошади был ориентирован головой на юг, задние ноги коня выпрямлены, уложены аккуратно по направлению на запад, передние ноги коня направлены в разные стороны, передняя правая – на восток в полусогнутом положении, левая передняя – на запад. Возможно, при окоченении туши лошади её передние ноги остались полусогнутыми, в таком положении было совершено захоронение.

Всаднические (конские) захоронения известны в эпоху поздней бронзы в Куланырхском некрополе. По мнению М.М. Трапша, они считаются скифскими и датированы им VII в. до н. э. Данное погребение обнаружено в с. Абгархук на холме Ауархуа пос. Тасракуа (расположено оно на расстоянии 2 км. от абхазского древнего села Куланырхуа). Куланырхуский некрополь, возможно, является отголоском обряда захоронения Куланырхского могильника (VII в. до н.э.), имеет место в данном Абгархукском погребении (V в. до. н. э.)¹. Сравнительный анализ археологических предметов найденных в пос. Тасракуа на холме Ауархуа, с другими памятниками Абхазии встречается в работах абхазских исследователей². Археологическая карта Абхазии Ю.Н. Воронова дает нам возможность определить период и хронологию памятника. Данный могильник пос. Тасракуа на холме Ауархуа относится к раннее античному периоду и датируется V в. до н. э.

Таким образом, можно сказать погребение принадлежало войну мужчине со своим боевым конем (всадническое захоронение).

¹ Трапш М.М. Труды. Том 1. Тб. – С.108, рис. 7.

² Шамба Г.К. Абхазия в первом тысячелетии до н.э. Сухум, 2000. – С. 112. Табл. 42 (А); Гунба М.М. Памятники Цебельдинской культуры. Тб., 1979; Воронов Ю.Н. Археологическая карта Абхазии. Сухум. – С. 53, табл XXX VIII, рис 37.

Д. А. Канделаки

ДРЕВНОСТИ ГАГРСКОГО РАЙОНА АБХАЗИИ (до античного периода)

Гагры – очень сложный в физико-географическом отношении район Абхазии, что, несомненно, нашло отражение и в территориальной концентрации памятников археологии. Статистический анализ территориального размещения, выявил закономерность их группирования в пяти основных зонах, в частности: в междуречье рек Псоу и Хашупсе; в приморской низменности; на холмах и у подножья горы Мамзышхи; высокогорье и массиве Аибга. Несомненно, они отражают экологическую адаптацию и систему расселения общества на протяжении длительного времени и этапы развития общества, строго коррелирующего с основными природно-ландшафтными компонентами района¹.

На данном этапе наиболее древние памятники археологии Гагрского района относятся к раннему (нижнему) палеолиту. Они представляют собой отдельные местонахождения, которые приурочены к хорошо выраженным Карангатским террасам в районе междуречья Псоу и Хашупсе. Аналогичные материалы отмечены небольшими вкраплениями и в других районах Гагр, к примеру, в ущелье рек Псоу, Лапста, Хашупсе, а также в низовьях реки Бзыбь, и села Псахара (Колхида).² Эти местонахождения хронологически сопоставимы с эталонной для Восточного Причерноморья стоянкой Яштух, датируемой приблизительно временем 500-400 тыс. л.н., знаменуя собою среднеашельский этап заселения нашего края древнейшими гоминидами. Проникновение первобытных людей осуществлялось через ущелья рек с последующим продвижением к побережью. Основным стимулом их проникновения, несомненно, был поиск качественного исходного сырья для обработки орудий труда. Но не исключено, по мнению автора, прохождение гоминид и вдоль побережья, в том числе с учетом того, что колхидские леса давали несравненно большее количество пищи. С учетом существующих пока данных следует считать, что среднеашельские памятники оставлены древними гоминидами, относящимися к эво-

¹ Бжания В.В. Гагрские географические зоны и хронологическая шкала памятников // Тезисы докладов XLIX итоговой сессии АБИГИ АНА. Сухум: 2005. – С. 38-41.

² Гумилевский Н. И., Коробков И. И. Местонахождение памятников каменного века у села Хейвани // КСИА. М., 1967. Вып. 111. – С. 91-99.

люционной линии гейдельбергского человека. Следует отметить, что на фоне остальных областей Абхазии последующие мустьерская и верхнепалеолитическая эпохи значительно слабее представлены в Гаграх, что вряд ли можно объяснить одной лишь малоизученностью памятников соответствующих эпох. Скорее это обусловлено в большей мере особенностями рельефа¹. Единственный пункт верхнепалеолитического периода, датированный приблизительно возрастом 28 тыс. л. н., расположен в черте города Гагра в ущелье реки Цихерва, он представлял собою небольшую охотничью базу. Не исключено, правда и то, что во время оледенений берег становился мористее и, вероятно, некоторые верхнепалеолитические и мустьерские стоянки располагались вне пещер, вдоль древних, ныне подтопленных, палеорусел рек. С начавшегося на рубеже геологических эпох плейстоцена и голоцена климатического изменения, которое не могло не затронуть наш регион, происходит общая тенденция к переходу к следующему этапу – среднему каменному веку или мезолиту. Следует отметить, что как памятники предшествующего периода, мезолитические памятники редки для Гагрского района. Подлинный взлет хозяйства в нашем районе происходит уже в постмезолитический период, то есть в эпоху неолита². Памятники неолита или нового каменного века несколько шире представлены у нас в районе. Очевидно, здесь шел процесс формирования земледельческо-скотоводческой культуры. При освоении территории, древние земледельцы руководствовались выбором мест, приуроченных к речным долинам и держались ближе к побережью. Так, в прибрежной низменной части отмечена серия так называемых

¹ Это, кстати, заметно и потому, что, например, в промежутке от реки Хашупсе до реки Жоквары, то есть там, где располагается Гагринский карниз пока так и не обнаружено сколько либо заметных следов пребывания человека не только в раннем или среднем, но и в верхнем палеолите. Хотя, разумеется, эти места периодически посещались древним человеком. (см.: Любин В. П., Беляева Е. В. Ранняя предистория Кавказа. СПб., 2006.; Хварцкия М. Х., Полякова Н. Е., Очередной А. К. Мачагуа – памятник среднего каменного века в Абхазии. СПб., 2005.).

² Такая интересная закономерность в концентрации памятников, и хронологическая лакуна, когда в основном представлены памятники раннепалеолитического и постмезолитического периодов, может быть объяснена особенностью хода геологической истории Гагрского района. Видимо, первоначально раннеплейстоценовые (нижнепалеолитические) памятники были приурочены к прибрежным участкам и низкогорным зонам, тем более что сейчас находки нижнего палеолита расположены не на истинных отметках. С последующими процессами горообразования, имевшее место сплошное простираение низменных прибрежных долин было нарушено. Уже в начале мустье, на месте обширной равнины, тянувшейся от Псоу до Бзыбь, вклинился массив Гагрского карниза (за счет погружения части Гагрского хребта), который привел к формированию двух изолированных и сильно заболоченных Цандрипшской и Пицундо-Бзыбской низменностей, сделав эту местность орографически более усложненной, сильно изрезанной и, вероятно, менее пригодной для обживания. Очевидно, ситуация стабилизировалась несколько позже в голоцене, когда в раннем неолите началось своего рода вторичное узлокальное освоение этой зоны из соседних районов.

дунных поселений, расположенных вдоль побережья. Видимо, эти поселения были аналогичны самому крупному неолитическому памятнику на Кавказе – поселению Кистрик в соседнем Гудаутском районе. Осваивались и речные долины бассейнов Псоу и Хашупсе. Особенно примечательны в этом смысле поселение Нижняя Шиловка и поселение у реки Лапста. В горных долинах можно назвать поселение в Белой пещере и поселение в бассейне реки Пхиста. На данном этапе развития науки, сложившуюся неолитическую культуру Абхазии объединяют общие черты с памятниками на территории соседнего Сочинского Причерноморья и Западной Грузии, что дает право говорить о существовании здесь единой Западнокавказской неолитической культуры¹. Касательно хронологических рамок, а также путей сложения неолитической культуры пока нет однозначной оценки. Большинство специалистов помещают ее в хронологических рамках примерно кон. VIII – нач. VII тт. до н. э. а завершающие рамки примерно концом VI тыс. до н. э.² И, в оценке становления имеются разногласия – в отдельных случаях предполагают, что неолитическая культура не является продуктом местного развития и что основные навыки производящей неолитической экономики привнесены новым населением с южных передовых областей. Сам автор считает, что неолитическая эпоха продукт местного автохтонного развития³.

¹ С учетом объема статьи и обзорного ее характера автор обходит стороной подробный анализ археологических материалов.

² Бжания В. В. Неолит Кавказа. Неолит Северной Евразии. М., 1996. – С. 73. Бжания В. В. Кавказское Причерноморье – зона контакта майкопской, дольменной и протоколхидской археологических культур эпохи раннего металла (IV–II тыс. д. н. э.). Измир, 2007. – С. 6.

³ Ряд специалистов считает, что неолитизации Западного Закавказья и Северо-Западного Кавказа не было. По их мнению, мезолит здесь сразу сменяется поздненеолитическими или раннеэнеолитическими производящими комплексами. Основную причину этого авторы видят в климатических процессах и этот хронологический разрыв связывается с имевшим место в Дриасе I–II резким похолоданием, что привело к уходу с Причерноморья части постпалеолитических людей, а заселение уже происходило позже во время аридизации климата в Передней Азии, что подтолкнуло ближневосточных и анатолийских мигрантов к перемещению на Кавказ, которое принесло сюда производящее хозяйство даже не в неолитическом, а в энеолитическом облике. (См. Трифонов В. А. Существовал ли неолит на Северо-Западном Кавказе? // Адаптация культур палеолита-энеолита к изменениям природной среды на Северо-западном Кавказе. СПб., 2009. – С. 91-92.; Мешвелиани Т. К. К вопросу о возникновении неолита в Западной Грузии // Археология, Этнография и антропология Евразии. 2013, 2 (54). Автор данной статьи отрицает подобный сценарий и считает, что причина «не распознавания» неолита скорее лежит в методике, когда у нас просто не собирался палеоэтноботанический и палеозоологический материал, и большинство специалистов ориентируется на ближневосточные критерии и признаки производящей экономики. Автор данной статьи приводит альтернативную дефиницию понятия неолитическая революция заменяя ее по его мнению, более соответствующим историческим реалиям, понятием «Раннеголоценовая революция». (См. Канделаки Д. А. Неолитическая революция Восточнопричерноморский сценарий (в печати); его же: Доместикационный потенциал Абхазского Причерноморья.).

В Гагрском районе представлены и памятники меднокаменного века или энеолита (древнеземледельческой культуры), который повсеместно у нас начинается примерно в V–IV тт. до н.э. Расцвет земледельческой культуры обозначен у нас в Гагрском районе и практически редко встречающимися в других районах Причерноморья специфическими орудиями земледелия т. н. каменными мотыжками. Они повсеместно распространены и в Сочи-адлерском районе, где впервые и были обнаружены и потому именуется мотыжками «сочи-адлерского» типа. Сейчас ряд специалистов обнаружили и мотыжки «Сухумского» типа. С учетом этого автор приемлет термин мотыжки «Восточнопричерноморского», либо мотыжки «Абхазского» типов. Изучение этих мотыжек, в частности, с помощью столь редкого для Абхазии пока трассологического метода подтвердило факт, что они, несомненно, являются орудиями для обработки земли, и являются индикаторами земледельческой экономики¹. Есть информация, что подобные мотыжки встречены и на Северном Кавказе в районе энеолитического поселения Мешоко, что несколько расширяет наши представления об ареале их распространения². В этой связи симптоматично их совпадение в общих чертах с границей Дарквет-Мешоковской энеолитической культуры³. Следует заметить, что подобные мотыжки встречаются и в ряде других соседних областях и, в частности в Передней Азии на таких памятниках, как, например, Хассунской культуры. В свое время это послужило поводом к сопоставлению широких связей и вплоть до прямых контактов населения и его миграции из Передней Азии в Причерноморье⁴. В

¹ Поплевко Г. Н. Трассологическое обоснование функции мотыжек сочи-адлерского типа (по материалам из фондов музеев городов Адлера и Сочи) // Первая абхазская международная археологическая конференция. Сухум, 2006. – С. 289-295.

² Там же. – С. 289-295.

³ Трифионов В. А. Существовал ли неолит на Северо-Западном Кавказе? // Адаптация культур палеолита-энеолита к изменениям природной среды на Северо-Западном Кавказе. СПб., 2009. – С. 92.

⁴ Скорее можно говорить лишь о конвергентном развитии этих древнеземледельческих технологий и, очевидно, наличие мотыжек «Причерноморского» или «Абхазского» типов есть результат местного развития. К тому же если бы мы могли констатировать факт мощных миграций из южных передовых центров, тогда следовало бы констатировать факт наличия целого комплекса элементов материальной культуры, которая бы обязательно проявилась и в орудийном и оружейном наборе, ювелирных изделиях, домостроительных традициях и т.д., чего не наблюдается. Здесь очень важно отметить, что миграции целых этнических групп всегда предполагают и наличие целого комплекса условий для такого переселения. Здесь важно, во-первых понимание причин этой миграции, а, во-вторых, как шла последующая адаптация этнического коллектива в новых природных условиях. Не следует забывать, что при выборе «новой родины» мигрантами учитываются схожие природные условия и этим собственно и руководствуется мигрирующая этническая группа. Это важно потому, что адаптация к новой экологической среде потребует обязательной ломки в новых природных условиях всех стереотипов моделей системы жизнеобеспечения,

Гагрском районе имеются несколько энеолитических поселений, в частности, такие поселения отмечены у реки Псоу и у реки Лапста в селе Псоу. Такое энеолитическое поселение отмечено в долине реки Хашупсе, в селе Ачмарда. Аналогичные поселения энеолитического облика существовали и у реки Анакуапсы (Анакуапста). Видимо, в эту эпоху, по мнению автора статьи, происходит постепенная интенсификация некоторых отраслей хозяйства, особенно скотоводства и получает развитие отгонно-пастбищное скотоводство. Данные явления отмечены и материальными памятниками, известными как ацангуарта. Они отмечены в альпийской зоне Абхазии, и встречаются на многих пунктах Гагрского района и соседнего Сочи. Так, они встречаются на хребте Ахача между г. Мамзышкой и г. Дзыхча на склонах горы Рихуа на горе Псаю в урочище Бамбей-Яшта. Здесь же, в Гаграх находится единственно близко расположенный к побережью ацангуар в ущелье реки Гагрипша¹. Имеющиеся археологические материалы в основном характерны для периодов раннего Средневековья, правда, в последнее время выявлены отдельные кремневые изделия, которые могут датироваться периодом неолита и бронзы².

С началом освоения технологии производства бронзы Абхазия становится мощным очагом производства оружия и орудий труда, а также других изделий из бронзы. Развитие мощной бронзовой металлургии, условно разделено на периоды ранней, средней и поздней бронзы, знаменует сложение таких культур, как протоколхидская, дольменная, очамчирская и колхидская культуры. В этом отношении примечательна находка в одной из пещер города Гагра недалеко от Приморского парка погребальных останков в оссуариях (кувшинах). Они предположительно датируются концом энеолита и началом ранней бронзы. Эпоха бронзы это и время строительства таких интересных памятников археологии, как дольмены. Абхазия и территория современного российского Причерноморья наряду с бассейном реки Кубань на Северо-Западном Кавказе, являются основной зоной расцвета дольменной культуры. Здесь мы не будем

которые складывались веками. Таких примеров немало. Несомненно, новое население всегда должно археологически фиксироваться со свойственным ему набором элементов материальной и духовной культуры. Они должны носить статистически массовый характер. Вот почему автор с большой осторожностью относится, к примеру, к высказываниям о некой широкой экспансии ближневосточного населения, которое стало катализатором развития блестящих культур энеолита-ранней бронзы Кавказа. Если автор и не отрицает этого влияния, то сводит его лишь к обменно-торговым и культурным связям.

¹ Инал-Ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов (материалы и исследования). Сухум, 1977. – С. 66.

² Джопуа А. И. Ацангуарские сооружения в Северо-Западной Абхазии, и района Большого Сочи // Археология. Этнология. Фольклористика. Материалы международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». Махачкала, 2007. – С. 145.

подробно останавливаться на общих вопросах, связанных с хронологией и материалами археологии, а также происхождением этих памятников. Достаточно сказать, что дольменная культура распространяется примерно до реки Кодор. Причем, для Абхазии дольмены считаются самыми ранними памятниками на всем Западном Кавказе. Большинство их относится к периоду средней бронзы. На территории Гагрского района дольмены встречаются во многих районах. Так, в селе Ачмарда были недавно обнаружены и исследованы плиточные дольмены. В других районах известны и корытообразные дольмены, например, в селе Мкялрипш и в бассейне реки Пхиста. Материалы археологии в основном идентичны находкам и на других памятниках, причем, они характерны и для предшествующего, и для последующего периодов. Вероятно, в будущем будут найдены еще ряд таких объектов¹.

Особенностью данной эпохи являются и обнаруженные многочисленные клады бронзовых вещей. В основном они представлены так называемыми колхидскими топорами «Пиленковского» или правильнее сказать «Цандрипшского» типа. Подобные клады помимо села Цандрипш найдены и в других местах Гагрского района. В черте города Гагра они обнаружены в Старой Гагре и в Новой Гагре. Другой аналогичный клад известен в селе Псахаре (Колхида), а также в Пицунде².

Большое значение имеют и данные по такому эталонному памятнику Восточного Причерноморья, как Гагрский могильник, расположенный в черте г. Гагра. На нем представлено два основных обряда захоронения, ингумация (труположения) и обряд вторичного захоронения³. Причем, оба обряда сосуществуют хронологически синхронно. Наличие материалов погребения свидетельствует, что погребенные в них люди представляют собой единую в этническом и социальном плане группу. Наличие кенотафов свидетельствует о том, что жители, которые оставили этот могильник, очевидно, удалялись от Гагр на достаточно большое расстояние, что не позволяло привозить умершего или погибшего человека обратно. Половозрастной состав погребенных, определенный по археологическому

¹ Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978. С. 45; Бжания В. В., Агумаа А. С., Барцыц Р. М., Бжания Д. С., Бирюков Ю. Д., Канделаки Д. А. и др. Исследования Управления охраны историко-культурного наследия // Археологические открытия 2006. М., 2009. – С. 716-721.

² Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969.

³ Генезис такого уникального феномена, как обряд вторичного захоронения пока не получил однозначной оценки у специалистов. По одной из гипотез его появление как-то связано с традицией сезонного кочевого собирательства древних мезо-неолитических обществ эпохи сложения производящего хозяйства. (См.: Кушнарера К. Х., Рысин М. Б. К проблеме неолитизации Кавказа и Передней Азии. Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб., 2004. – С. 27.).

материалу, дает нам и некоторые представления о палеодемографической структуре популяции древних «гагрцев». Так, отмечается довольно таки низкая детская смертность. Преимущественно превалируют мужские захоронения над женскими. Это очень важный палеодемографический показатель, свидетельствующий о малой доли женской смертности (от родов, антисанитарии). Подобное говорит об относительной стабильности популяции оставивших этот могильник и малом проценте стрессовости группы. Что свидетельствует об относительно спокойном и размеренном ритме жизни и стабильном источнике пропитания. Практическое отсутствие кариеса, также свидетельствует что не было стресса у населения, оставившего Гагрский могильник. К сожалению, отсутствие нормальной сохранности костных останков, мешает проведению комплексного палеоантропологического анализа погребенных и носит приблизительный характер. В целом материал свидетельствует о наличии выраженных грацильных средиземноморских чертах, которые имеют сглаженные смягченные черты в морфологии лицевого скелета. Правда, отмечено наличие как отдельных брахикранных, так и долихокранных типов, имеются и мезокранные формы. Очевидно, перед нами тип южноевропеоидной (средиземноморской) формы с наличием понтийских антропологических черт. Для посткраниального скелета отмечается наличие гармоничного сочетания основных конституциональных параметров, присущих в основном земледельческому населению¹.

Сложно сделать реконструкцию хозяйственно деятельности, древних гагрцев, оставивших этот могильник. В лучшем случае материал позволяет говорить о том, что они занимались подсечно-огневым земледелием, отгонно-пастбищным скотоводством, огородничеством и садоводством. Выходили в море на многочисленных лодках для ловли рыбы, и очевидно, охоты на дельфинов. На протяжении длительного этапа изучения этого интересного памятника, менялось и представление о хронологии данного памятника. Первоначально его датировали временем III тыс. до н. э., то есть эпохой ранней бронзы. В ходе дальнейшего изучения хронологические рамки были отодвинуты по времени переходным от средней к поздней бронзе, то есть примерно с IX до первой половины VIII вв. до н.э.² Сейчас считается, что этот памятник существовал до конца раннего железа.

¹ Квициния П. К. Гагрский могильник. Предварительное антропологическое заключение. // Бжания Д. С. Отчет об исследованиях Гагрского могильника эпохи бронзы. Архив АБИГИ АНА.

² Бжания Д. С. Погребальный обряд финальных этапов эпохи бронзы Северо-Восточного Причерноморья (на примере Гагрского могильника). Измир, 2007. – С. 16; Скаков А. Ю. Погребальные памятники Бзыбской Абхазии X–VII вв. до н. э. РА, 2008, №1. – С. 26.

Очевидно, такая различная оценка обусловлена и постоянно растущим количеством нового материала. Но не следует забывать, что могильник существовал не одномоментно и, разумеется, от начала его функционирования до окончания его использования проходил целый этап и захороненные в могильнике являются представителями нескольких поколений людей. Исходя из количества погребенных, можно заключить, что могильник приблизительно функционировал 100-150 лет и более. Большой интерес представляют находки керамических изделий с отпечатками тканей, которые в специальной литературе именуется «текстильной керамикой». Их появление хронологически падает на время от средней до поздней бронзы включительно. Касаясь хронологических границ становления производства «текстильной» керамики можно сказать, что то сегодня большинство специалистов связывают время их существования от финала ранней бронзы и вплоть до эллинизма, то есть приблизительно со второй пол. III т. до н. э. до нач. VI в. до н. э. включительно¹. В большинстве своем их обнаруживают в прибрежных пунктах, и текстильная керамика носит, если можно так сказать, массовый и серийный характер. Специалисты связывают появление таких сосудов с занятием местного населения производством соли из морской воды. По мнению автора, вряд ли стоит говорить об отдельных специализированных поселениях морских солеваров, так как в большинстве случаев археологические материалы соответствуют типичному набору признаков соответствующих каждой эпохе, где эта керамика представлена. Скорее существовали просто отдельные группы солеваров в каждом отдельно взятом поселке. Бесспорно, что такая специализированная группа солеваров располагалась и в черте старой Гагры, где автором этих строк была обнаружена текстильная керамика в районе крепости Абаата у Приморского парка². Предполагают, что к нач. VII в. до н. э. солеварный промысел постепенно прекращает свое существование, некоторые специалисты это связывают якобы с имевшим место вторжением в Переднюю Азию киммерийцев и скифов. Но скорее, на наш взгляд, угасание этого промысла связано с постепенным появлением здесь греческих колонистов, которые повлияли на ход развития торговли и рыночной конъюнктуры региона.

¹ Джопуа А. И., Мимоход Р. А., Скаков А. Ю., Клещенко А. А. Новые поселения эпохи бронзы – раннего железа на территории Имеретинской бухты и их место в системе поселенческих древностей Северо-Западного Закавказья. // V Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 2009. – С. 91.; Джопуа А. И., Нюшков В. А. Из истории гончарного производства древней и средневековой Абхазии // Абхазоведение. Сухум, 2012, вып. 7. – С. 9.

² Канделаки Д. А. Уникальная находка в крепости «АБААТА». Гагрский Вестник. 2006, 4 декабря, №26 (201).

Переходя к анализу материалов начала эпохи освоения железа, следует заметить, что пока у нас мало материалов, которые могли бы нам освятить период развития эпохи раннего железа. Имеются пока что единичные материалы или попросту подъемный археологический материал. Следует отметить, что в большинстве своем материальная культура Абхазии и Гагрского района, по сути, соответствуют в своей основе предшествующей эпохе раннего железа и поздней бронзы. В некоторых случаях продолжает бытовать бронза. Проблема перехода от поздней бронзы к раннему железу очень сложная и потому сложно найти резкую хронологическую грань между эпохами. Последняя время стали появляться материалы из некоторых восточных районов Абхазии, где обнаружены отдельные железные предметы. Они датируются временем примерно XII в. до н. э., что соответствует эпохе поздней бронзы и даже средней бронзы у нас в Абхазии. Автор не считает наличие предметов железа в столь раннее время основанием для удревнения начала железного века в Абхазии. В какой-то мере эта граница выглядит всегда размыто. И скорее условной границей между эпохами должно быть, с одной стороны, время массового появления новых артефактов, а, с другой, угасания артефактов предшествующего периода. В таком случае переходный этап между поздней бронзы и ранним железным веком будет лежать, где-то в диапазоне от нач. VIII в. до н. э. – нач. VI в до н. э.

Таким образом, время появления, вернее становления раннего железного века, должно быть где-то в начале VII в. до н.э. Более точные данные, скорее говорят о том, что эпоха раннего железа должна попадать на период конца IX нач. VIII вв. до н. э.¹ А в более ранние артефакты происходят как явления спорадические случайные эпизодические и очевидно связанные с южными анатолийскими импульсами и влияниями торговли и обменом. Памятники раннего железного века скорее чаще всего формируются на местах прежних поселений эпохи поздней бронзы. Объяснить это можно лишь тем, что население из поколения в поколение постепенно знакомились с навыками в сфере новых технологий производства железа и через некоторое время, поселение приобретало, в археологическом смысле облик поселения уже относящегося к новой эпохе раннего железного века. Несомненно, к этому времени достигает высокого уровня развитие экономики и торговли местного населения.

Очевидно, уже к этому времени появляются следы первых пока относительно редких случаев посещения нашего побережья представителями Средиземноморья. Здесь постепенно идет процесс складывания протородских центров. Несомненно, с началом освоения первых своих колоний

¹ Бгажба О. Х. У истоков металлургии железа // Абхазоведение. Сухум, 2000, вып. 1. – С. 97.

на побережье Восточного Причерноморья греки руководствовались выбором места пригодного именно для торговли и обмена с местным населением. И, несомненно, первые греческие колонии возникли в местах расположения поблизости от таких протогородских центров, шедших по пути создания и формирования городов. Обычно с появлением здесь, на территории Абхазии, первых греческих колоний (хронологически падает на период нач. VI в. до н. э.) проводят нижнюю границу начала эпохи античности или ранней античности в данном случае. Однако это не умаляет развитие местного общества и ранний железный век не прерывался, продолжая свое развитие и обогащаясь с расширением экономических и торговых связей. С этого момента наша территория уже освещается письменной и литературной традицией. Данный раздел будет рассмотрен автором позже в последующих своих работах.

Р.М. Барцыц

**ПРЕДМЕТЫ УКРАШЕНИЯ ИЗ РАСКОПОК ХРАМА
В СЕЛЕ ЛДЗАА,
1989–2013 ГГ.**

Археологические исследования ведутся с 1989 года. Храм расположен в 500 метрах от моря в открытой местности. Раскопана северо-восточная часть. В 1990 году выявлены захоронения, среди которых богатое женское, а рядом находились предметы: следует выделить золотую диадему в виде подвесок в форме колокольчиков (Рис. 1), серебряных подвесок (Рис. 2), бронзового перстня (Рис. 3), бронзовой заколки (Рис. 4). Все другие захоронения (ок. 20), мужские и при них нет погребального инвентаря.

В 2007 году исследована восточная часть прилегающей к храму территории, раскопано 48 захоронений, среди которых одно, детское. В ходе работ открыта южная стена на высоту до двух метров, не доследована восточная стена, но в завалах вскрыто три захоронения позднего периода. Много строительной керамики, предметов из железа. Однако, предметов украшений нет.

В 2013 году (декабрь), были продолжены археологические исследования этого храмового комплекса.

Первоочередной задачей этого сезона являлась зачистка предполагаемого участка раскопок от мусора, образовавшегося за десятилетия вокруг памятника.

Цель: установить план храма и архитектурные особенности памятника, доследовать восточную прилегающую территорию, занятую под прихрамовые захоронения, раскопки которых проводились в 2007 году. Однако до конца исследовать эту площадь не представилось возможности из-за строительства на этом месте частной гостиницы...

Провели охранные работы для предотвращения дальнейшего разрушения памятника, и сохранения дошедших до сегодняшнего времени его фрагментов храма.

В ходе работ, проводимых нами, были расчищены восточная и южная стены храма, а также частично северная сторона.

С восточной стороны, где расположен алтарь, при зачистке верхней части стены на высоте двух метров, обнаружилось углубление, которое вна-

чале принимали за выступающую апсиду. Пролонг не сквозной, но имеет глубину в 20 см.

В расчищенном от мусора слое встречается большое количество фрагментов строительной керамики (в основном, черепица), фрагменты сосудов, как домашней посуды, так и пифосов для вина. Немало и церковной посуды с нанесенными крестами, в виде украшения и определения их церковной принадлежности.

Погребения:

В первые три дня работы было выявлено всего четыре захоронения, со слабо выраженным остеологическим материалом, без инвентаря. Таких «пустых» захоронений, было вскрыто около двух десятков, все они мужские, соответственно, без инвентарные.

В слое №2, с восточной стороны, в 2,5 метрах от южного угла обнаружено женское захоронение. Вся лобная часть была пропитана патиной, оставшейся от украшений. (Рис. 5). С правой стороны от надбровной дуги, до уха на кости сохранились прилипшие к кости черепа медные полусферы, в количестве 60 штук в четыре ряда (Рис. 6). Диаметр каждой полусферы-2мм. Справа и слева черепа лежали надвисочные кольца-колты, с тремя серебряными шарами, насаженными на медное кольцо (Рис. 7).

В затылочной части черепа обнаружена бронзовая игла-заколка (Рис.8). С правой стороны, в области черепа лежал небольшой железный нож, с обломанным острием (Рис.9). Замечу, что ножи обнаруживались и раньше, и все они небольших размеров, скорее всего женские (чем не украшение?). Там же встречаются обработанные ракушки квадратной формы (Рис.10)

В четырех метрах на север, от угла юго-восточной стены обнаружено еще три захоронения без погребального инвентаря (мужские), а вот рядом, в 50 см. от них, выявлено одно женское захоронение с двумя медными серьгами, диаметр каждой из которых составляет 3,5 см., с проволочной оплеткой в двух местах (Рис. 11.), два медных колокольчика (Рис. 12). По обеим сторонам черепа были расположены заколки из бронзы с колокольчиками на одном кончике. (Рис. 13). В области шеи были рассыпаны бусинки из красного сердолика (12 ед.) и кварца (1 ед.). Все они имеют форму вытянутого эллипса, один фрагмент шарообразный (Рис. 14). В области шеи были обнаружены бусинки из непонятной пасты – 15 ед. (Рис. 15).

По всей территории раскопа встречаются фрагменты скелетов, как человеческих, так и животных. Это подтверждает наше предположение, что почва из-за рыхлости (песок) перемещалась, разрушая порядок расположения скелетов. Возможно, что к этому хаосу приложил руку и человек, так как вокруг исследуемого памятника долгое время жили люди, занимались хозяйством. В одно время (70-е годы прошлого века) рядом с храмом была даже кузня. Один из жителей села Лдзаа сообщил, что в детстве,

играя рядом с памятником, нашел глиняную фигурку, которую со временем потерял (обменял на перочинный ножик)...

Таким образом, в отчетном периоде с 1989 по 2013 гг., нами было выявлено большое количество женских украшений, некоторые из них могут украсить наши музеи. Однако, не могу не отметить, что немало и безвозвратно утерянных предметов старины, из-за варварского отношения людей и слабой, практически не работающей законодательной базы, по отношению к защите нашего историко-культурного наследия.

После первых выявленных предметах украшения (колокольчики, подвески, перстень...), я подумал, что они все могут быть привозными (импортными), но в ходе дальнейших работ, когда аналогичные предметы украшения стали встречаться чаще, появилась мысль о возможности существования соответствующих мастерских по изготовлению женских украшений из дорогих металлов (золото, серебро, бронза...) и полудрагоценных камней (кварц, ракушки...).

При ознакомлении с литературой выяснилось, что такие же серебряные трехбусинные височные кольца (подвески-колты) и подвески-колокольчики, были обнаружены при исследовании христианского храма в Лоо¹, а также при раскопках капищ в районе Зеленчука².

Так что ареол распространения некоторых видов украшений довольно-таки широкий, что позволяет говорить нам о существовании сильного центра мастерских по изготовлению украшений из драгоценных металлов.

Исследования этого памятника включены в долгосрочный план работы АБИГИ им. Д.И.Гулиа АНА и будут продолжены.

Рис. 1 – диадема, золото. Рис. 2 – подвески – колты, серебро, бронза.

¹ Археология, архитектура и этнографические процессы Северо-Западного Кавказа. Екатеринбург, 1997. – С. 13.

² Русанова И.П., Тимошук Б.А. Языческие святилища древних славян. Москва.1993. – С. 39

Рис. 3 – перстень, бронза.

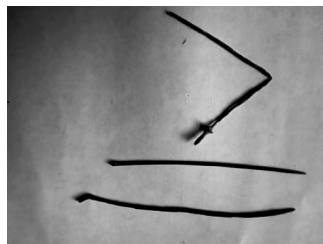

Рис. 4 – заколки, бронза.

Рис. 5 – череп с патиной.

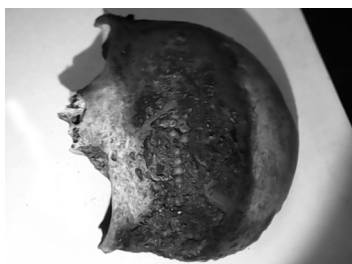

Рис. 6 – череп с полусферами, бронза.

Рис. 7 – колты-подвески поздние.

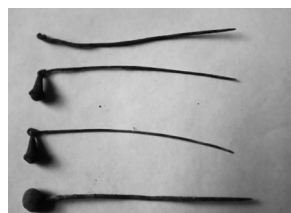

Рис. 8 – иглы-заколки, бронза.

Рис. 9 – нож, железо.

Рис. 10 – ракушечки.

Рис. 11 – кольцо с оплеткой, бронза.

Рис. 12 – медные колокольчики.

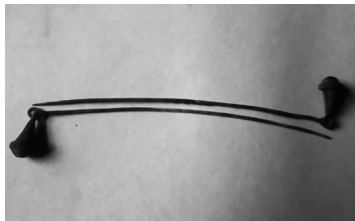

Рис. 13 – две заколки с подвесками, бронза.

Рис. 14 – бусы, сердолик.

Рис. 15 – бусы, паста.

Рис. 16 – крест с образом, бронза.

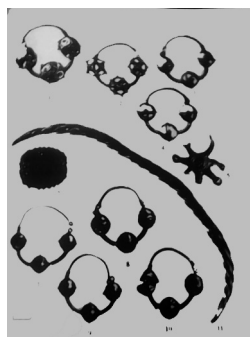

Рис. 17 – колты из Зеленчука.

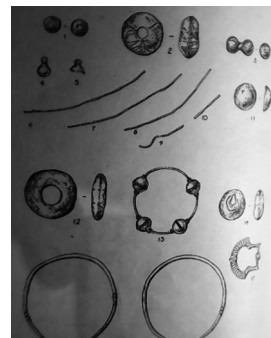

Рис. 18 – набор из Лоо.

Н.Н. Гончарова, Е.Г. Кокоба,
НИИ антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова

ОБОБЩЕННЫЙ ПОРТРЕТ КАК ИСТОЧНИК АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ АБХАЗСКИХ СТУДЕНТОВ)

Введение

В предлагаемой работе рассматриваются возможности метода обобщенного фотопортрета для анализа и визуализации антропологических особенностей абхазов. Однако прежде чем говорить об особенностях методики обобщенного портрета, необходимо отметить возможности физической антропологии в изучении того или иного народа. Физическая, или биологическая антропология ассоциируется, прежде всего, с изучением морфологической изменчивости человеческого тела. Речь идет об анализе всего многообразия человечества во всех его проявлениях, во временном и пространственном континууме. При этом ведущую роль играют в этом различные измерительные и статистические методы. Результаты антропологических исследований применяются в разных областях знания. Так, одно из направлений антропологических исследований – изучение этнорасовых особенностей той или иной группы людей. В результате такого рода исследований появляются различные классификации антропологических типов, входящих в состав как больших, так и малых рас (рас второго порядка). В качестве классифицирующих используются расоводиагностические признаки, к числу которых относятся пигментация глаз, кожи, волос, форма волос, строение головы и лица. Так как любая группа индивидов обладает полиморфизмом, то есть включает в себя самые разные типы лиц, для характеристики группы используются некие усредненные показатели, которые чаще всего имеют табличное числовое выражение и представляют интерес прежде всего для специалистов в области этнической антропологии. Между тем немалую долю информации дает нам визуализация цифрового материала. Антропология за последние полтора века разработала весьма совершенный набор методик, позволяющий анализировать и обобщать информацию о человеческом облике. Одним из таких способов представления информации об ан-

тропологических особенностях группы людей является так называемый «обобщенный фотопортрет».

Применение технологии обобщенного портрета в антропологических исследованиях имеет уже довольно долгую историю, своих сторонников и противников. Основные принципы создания обобщенного портрета были сформулированы Ф. Гальтоном еще в конце XIX века¹, и они интуитивно понятны. В процессе создания обобщенного портрета на один носитель (первоначально это была фотопластинка или фотобумага) накладываются изображения многих объектов, которые определенным образом масштабированы, при этом вклад каждого фотоизображения одинаков, а конечный результат не должен зависеть от порядка наложения слоев. Когда речь идет о совмещении человеческих лиц естественным масштабом выступает межзрачковое расстояние, так как вариабельность этого размера очень мала, в норме он колеблется от 60 до 70 мм, т.е. средняя разница 10 мм. В масштабе человеческого лица это очень незначительный уровень изменчивости, именно поэтому межзрачковое расстояние стало масштабом для совмещения портретных изображений. При таком подходе, по мнению Ф. Гальтона, мы получаем «среднее» лицо некой группы индивидов. Адепты метода и скептики спорят об информативности и научной содержательности получаемых изображений, но само создание обобщенного фотопортрета с помощью совмещения изображений на одном носителе методически и технологически совершенно разработано, накоплена значительная коллекция уникальных обобщенных изображений различных выборок и популяций. При этом экспериментальным путем показано, что наилучшие результаты по части информативности дают обобщения не слишком больших, но и не слишком малых выборок. Так, существуют исследования, которые демонстрируют, что этнически опознаваемыми становятся портреты, содержащие 10 – 15 изображений, а начиная с отметки 40 изображений на одном обобщенном портрете, он перестает изменяться². Дело в том, что в процессе наложения фотографий уменьшается вклад каждого изображения в конечный результат, а это влечет за собой получение все более абстрактного изображения, но вместе с тем и потерю некоторой части информации.

Внедрение в исследовательский инструментарий возможностей цифровых технологий, широкое распространение пакетов прикладных программ позволило сделать многие классические методики более доступными

¹ Galton F. Composite portraits made by combining those of many different persons into a single figure. Journal of the Anthropological Institute, 1879, vol.8, p. 132-148; Galton F. Composite portraiture. Photographic News, 1881, vol. 25, pp.316-317, 332-333

² Павловский О.М., Перевозчиков И.В. Обобщенные портреты некоторых групп населения Средней Азии. – Вопросы антропологии, 1977, выпуск 56. – С.117-125

ми. Это в полной мере касается средств визуализации результатов научного исследования. В частности, возможности прикладного пакета Adobe Photoshop позволяют применять технологию создания обобщенного изображения без трудоемких манипуляций с негативами, фотобумагой и растворами¹. Отметим, что обобщенный портрет некоторой группы людей (этнической, региональной) выполняет несколько функций. Одна из них, как уже говорилось – визуализация некоего образа. Кроме этого, как любой портрет такой собирательный образ имеет эстетическую составляющую, поскольку многими исследователями отмечается, что обобщенные портреты, как правило, очень красивы. То есть привлекательность обобщенных портретов – абсолютная реальность, которая доказана, в том числе социологическими опросами. Объяснение этому феномену лежит в области антропозстетики, проблем восприятия образа и т.д. Но помимо эстетической, обобщенный портрет выполняет еще и информационную функцию, так как он позволяет выделять общее в серии изображений, уводя на второй план индивидуальные особенности. По сути, обобщенный портрет отражает некое среднее, наиболее типичное лицо той группы, которая использована для фотосовмещения. Если речь идет об этнической группе, то обобщенный портрет позволит выявить наиболее типичные антропологические особенности того или иного народа.

Здесь необходимо дать краткую классификацию антропологических типов народов Кавказа. Сразу подчеркнем, что антропологическая классификация представляет собой отдельный самостоятельный тип систематизации данных, зачастую не совпадающий с лингвистической или археологической классификацией изучаемого региона. Интуитивно понятно, что чем больше территория, занимаемая тем или иным народом, тем большее количество локальных антропологических вариантов можно выделить в составе этого народа. Действительно, если рассмотреть, например, Францию, то среди коренного населения этой страны присутствует как минимум три расовых комплекса (конечно, речь идет о малых расах, или расах второго порядка, в составе европеоидной расы первого порядка). Регион Кавказа населен огромным множеством разных народов. Изучению антропологического разнообразия региона посвящали свои работы выдающиеся российские антропологи – Н.Н. Чебоксаров, В.П. Алексеев и многие другие. Составленные разными исследователями классификации выделяют на Кавказе четыре основных антропологических варианта. Так, западные районы заселены в основном представителями средиземноморского, или понтийского, антропологического типа. Они характери-

¹ Беликов А.В., Гончаров И.А., Гончарова Н.Н. Алгоритмы использования оцифрованных изображений для создания обобщенного фотопортрета. // Вестник Московского университета, серия XXIII, Антропология, 2014, вып. 1. – С. 74-83.

зуются высоким и относительно узким лицом, умеренно (по кавказскому масштабу!) выступающим носом, и относительно светлой пигментацией. Второй тип, кавкасионский, представлен в центральной зоне Кавказа. От только что описанного его отличает очень широкое и относительно низкое лицо. Ширина лица в этой группе – максимальна среди европеоидов и встречается еще только на Балканах, где расселены представители динарского антропологического типа. Далее к югу живет темнопигментированное население с узким, резко профилированным и очень высоким лицом, очень сильно выступающим носом своеобразной формы и очень обильным волосяным покровом на лице и теле. Этот вариант называют арменоидным, а по другим классификациям – ассирийским, переднеазиатским и т.п. И наконец, последний вариант, распространенный в Азербайджане и Южном Дагестане – каспийский. Он отличается также узким и невысоким лицом, в чем-то похож на понтийский тип, который характерен для западной части региона, но отличается гораздо более темной пигментацией и в целом – более низким лицом. Важную роль в классификациях играют также пропорции и тотальные размеры тела, однако эти особенности мы не рассматриваем, так как наша работа посвящена только анализу строения лица.

Статус выделяемых антропологических типов различен в разных системах. Так, по мнению Н.Н. Чебоксарова¹, классификация которого наиболее распространена в российской антропологической школе, понтийский и каспийский типы относятся к индосредиземноморской малой расе, а переднеазиатский и кавкасионский вместе с некоторыми другими, распространенными на Балканах, – к балкано-кавказской малой расе. Обе малые расы (индосредиземноморская и балкано-кавказская) по Н.Н. Чебоксарову входят в состав большой европеоидной расы.

По мнению В.П. Алексеева², ставившего во главу классификации географический принцип, все перечисленные антропологические типы относятся к разным объединениям широко распространенной средиземноморской (южноевропеоидной) локальной расы:

- понтийский тип отнесен к западнотсредиземноморской группе популяций;
- кавкасионцы входят в балкано-кавказскую группу популяций;
- арменоидный (ассирийский) является единственным типом в составе переднеазиатской группы популяций;

¹ Чебоксаров Н.Н. Основные принципы антропологических классификаций. Труды Института этнографии АН СССР (новая серия), 1951, Москва, том XVI.

² Алексеев В.П. География человеческих рас. 1974, Москва, изд-во «Мысль», 351 с.; Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. Избранное в пяти томах. Том 5., 2009, Москва, изд-во «Наука», 377 с.

- каспийский включается в большую индо-афганскую группу популяций.

Формат статьи не позволяет детально описать классификации других антропологов – В.В. Бунака, Г.Ф. Дебеца, М.Г. Абдушелишвили. Достаточно сказать, что исследователи спорят о ранге выделяемых типов, однако сходятся в главном – в существовании реальных дискретных антропологических вариантов на довольно небольшой территории. Все выделяемые типы, конечно же, окружены переходными формами, тем не менее, характерные особенности каждого варианта могут быть зафиксированы как измерительными методами, так и с помощью обобщенных фотопортретов.

Материалы.

Основой создания портретов стали фотографии студентов Абхазского государственного университета им. А.М. Горького, отснятые в ходе экспедиционных исследований в Сухуме в 2011 году. Возраст обследованных колеблется в очень узком интервале 18-24 года, в большинстве своем это не жители г. Сухум, а приезжие из разных районов Абхазии. Общий объем выборки составил 70 индивидов обоего пола.

Результаты и обсуждение.

Анализируя полученные портреты (рис.1 и 2), мы должны отметить, прежде всего, что перед нами очень красивые лица. Это явление, как уже говорилось, отмечается практически всеми исследователями, работающими с обобщенными изображениями. Возможно, это связано с исчезновением в обобщенном портрете некоторой естественной асимметрии лица, которая отмечается у каждого индивида. То есть, перед нами возникает, некое идеализированное изображение, в котором отсутствуют случайные проявления изменчивости.

Рисунок 1. Обобщенный портрет абхазского юноши.

Другим важным свойством портрета является большая или меньшая размытость контура лица, линии подбородка, нижнего края носа и линии смыкания губ. Это явление происходит из-за различий в пропорциях лиц, которые при совмещении масштабируются только по межзрачковому расстоянию. Можно видеть наличие как бы второй линии подбородка на портрете юноши и (в меньшей степени) девушки. На портрете девушки также заметна вторая линия, маркирующая кончик носа. Все это означает, что в рамках одного морфологического комплекса можно выделить разные варианты строения лица.

Рисунок 2. Обобщенный портрет абхазской девушки

Проиллюстрируем сказанное на примере морфологических типов абхазских юношей (рис.3). Нами выделены четыре основных варианта пропорций лица. Достаточно редко в мужской выборке (20,7%) и более часто в женской – (27,6%) встречаются лица, небольшие по своим абсолютным размерам, у которых и «нижний этаж» лица невысокий (т.е. невысокая нижняя челюсть), и средняя часть лица (от нижнего края бровей до линии смыкания губ) относительно небольшая. Такой тип отображен на рис.4а. Еще более редки лица, у которых при небольшой высоте средней части лица отмечена высокая (массивная) нижняя челюсть (17% в мужской выборке, 13,6% в женской). Такой тип лица представлен на рис.4б. Следующий морфотип характеризуется большими абсолютными размерами лица, как среднего, так и нижнего «этажа» – рис.4в. Встречаемость этого типа в мужской выборке 20,7%, в женской – 17,8%. Но самым распространенным типом, как в мужской, так и в женской подгруппе стал морфологический вариант, у которого средний этаж лица достаточно высокий, а

нижняя челюсть – небольшая. Его встречаемость 41,3% у девушек и 41,5% среди юношей. Именно этот вариант внес наибольшее влияние в обобщенный портрет, что можно видеть на рис. 1 и 2. Но наличие других типов с более высокой нижней челюстью и другими пропорциями лица как раз и привело к появлению отчетливо выраженной второй линии контура лица. Те же закономерности отмечены и при анализе женских лиц.

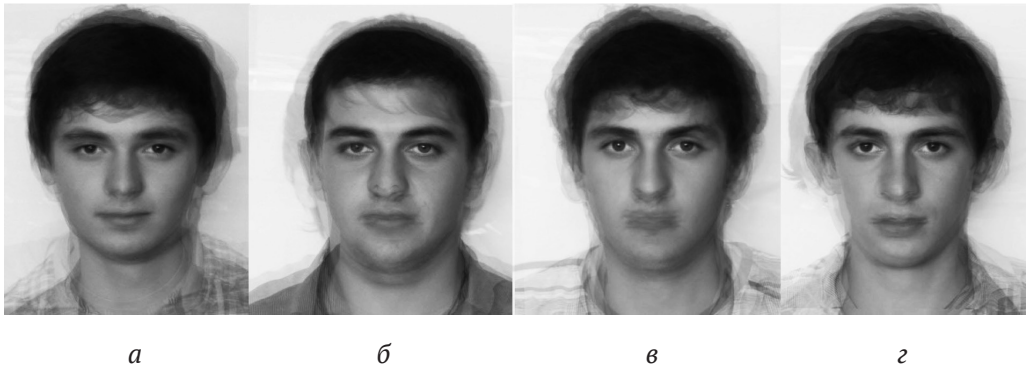

Рисунок 3. Морфологические варианты строения лица (пояснение в тексте)

Так как в антропологических классификациях большое внимание уделяется пигментации, необходимо рассмотреть изученную выборку с точки зрения частот встречаемости цвета глаз. В антропологии существует большое количество шкал для оценки цвета глаз. Наиболее логичной представляется так называемая шкала В.В. Бунака, в которой все многообразие цветов радужной оболочки сводится к двенадцати типам пигментации, сгруппированным в три группы – темные глаза (все оттенки карих), светлые глаза (серые, голубые, синие) и смешанные – зеленые, серые или голубые с вкраплениями коричневых элементов. Рассмотрим нашу выборку (таблица 1, рис. 5,6).

Таблица 1. Соотношение трех вариантов цвета глаз в изученной выборке (в %).

Цвет глаз	Условное обозначение	Мужчины N=30	Женщины N=30	Суммарно по выборке N=60	
Темно-карие	Т	20,0	40,0	30,0	68,3
Светло – карие		46,7	30,0	38,3	
Смешанные	СМ	26,7	10,0	18,3	18,3
Светлые	СВ	6,7	20,0	13,3	13,3

Табличные данные, как и рисунок 4, показывают, что подавляющее большинство изученной группы составляют индивиды с различными ва-

риантами карих глаз. Их количество – 68,3%. Светлые и смешанные глаза встречаются реже и в сумме составляют 31,6%. При этом в подгруппе девушек чаще встречаются светлые или темно-карие глаза, а вот среди юношей преобладают смешанные и светло-карие глаза (рис.5).

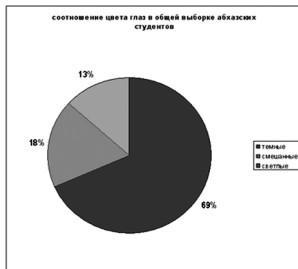

Рисунок 4. Соотношение типов пигментации глаз в выборке абхазских студентов.

Объяснить такое распределение затруднительно, да это и не входит в задачи данного исследования. Нам необходимо лишь оценить насколько велики или малы полученные цифры соотношения цвета глаз в абхазской выборке при сравнении с остальными народами Кавказа.

Рисунок 5. Соотношение типов пигментации глаз в мужской и женской выборке. Внутренняя диаграмма – юноши, внешняя – девушки.

По многочисленным исследованиям антропологов на территории Кавказа выделяется три крупных зоны, различающиеся по пигментации (рис.6). К зонам наиболее светлых глаз в рамках Кавказа относятся территории расселения абхазов и адыгов в западные районы Грузии. То есть наиболее светлые глаза характерны для западных районов Сев. Кавказа и Черноморского побережья. Эта территория в общих чертах совпадает с территорией расселения понтийского антропологического типа. Наиболее темные варианты пигментации наблюдаются в южных и восточных зонах Кавказа, т.е. на территории Азербайджана и Армении. Центральная Грузия, северные районы Армении и территория Дагестана относятся к зоне промежуточных вариантов пигментации глаз (и всего комплекса признаков, связанных с пигментацией). Что имеется в виду под понятием

«зона светлой пигментации»? Дело в том, что на территории Кавказа частота светлых типов глаз колеблется от 2 до 20%, так вот в зонах «светлоглазости», эти проценты выше и приближаются к 20.

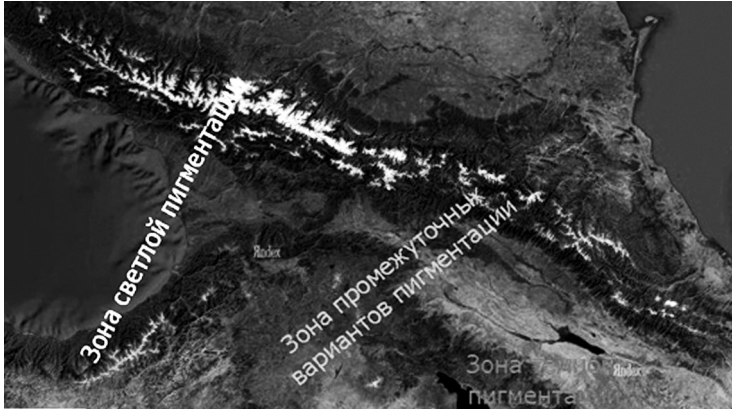

Рисунок 6. Распространение различных вариантов пигментации в пределах Кавказа.

Наблюдаемое нами распределение цвета глаз в изученной случайной выборке абхазской молодежи абсолютно соответствует ожидаемому для данного региона.

Заключение.

Обобщенный портрет современной абхазской молодежи (студенты) позволяет однозначно верифицировать антропологический тип изученной выборки как **понтийский** вариант, относящийся к индосредиземноморской малой расе (по Чебоксарову) или к западнотеррасной группе популяций южноевропейской малой расы (по В.П. Алексееву). Отмеченные особенности типа, строение лица и пигментация глаз абсолютно соответствуют уже имеющимся данным об особенностях антропологии абхазов. Необходимо отметить, что все варианты пропорций лица не выходят за рамки нормального полиморфизма однородной выборки.

В женской подгруппе изученной выборки отмечено повышение долей темно-карих и светлых глаз, в мужской подгруппе основную долю составляют светло-карие и смешанные глаза. Объяснение этого факта лежит за пределами возможностей биологической антропологии.

Авторы считают своим долгом выразить благодарность руководству Абхазского государственного университета в лице проректора по учебной части В.И. Маландзия, декана экономического факультета Б.В. Барателиа, обеспечившим сбор материала, и добровольцам, давшим согласие участвовать в обследовании.

В.А. Ньюшков

ЦЕБЕЛЬДИНСКАЯ КУЛЬТУРА В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО МИРА

В эпоху начавшегося очередного Великого переселения народов в IV в. народы и племена, проживавшие на евразийских просторах, пришли в движение. Этот процесс сильно изменил этно-территориальное аборигенное пространство не только в Восточной Европе, но и затронул тот регион Северного Кавказа, где обитало родственное абхазскому адыгское население. Как известно, «Евразийская Степь практически постоянно в течение более 2500 лет выталкивала и перемешивала различные, как правило, кочевые этносы. Северо-Западный Кавказ, будучи Западной окраиной Евразийской степи, был затронут почти всеми этими коллизиями»¹. Подкуранные катакомбы и подбои, равномерно распространённые в долинах Северного Кавказа, с первого века нашей эры уже свидетельствуют о проникновении из евразийских степей ираноязычных кочевников².

В это же самое время, вслед за готами, у кавказских границ Римской империи появился более грозный противник – это гунны. В связи с этим охрана важных перевалов через Главный Кавказский хребет теперь приобрела для Рима особо важное значение и составляла одну из главнейших обязанностей римского гарнизона в Западном Закавказье (особенно на период Великого переселения народов).

Таким образом, складывавшаяся на то время тревожная обстановка вела, само собой, к вооружению народа. Об этом свидетельствуют археологические данные с некрополей Цабала, Шапки и др. некрополей Цебельдинской культуры. Согласно статистическим данным на территории

¹ Гудаков В.В. Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отношений с древнейших времён до 60-х годов XIX века. СПб., 2007. – С.59.

² Ковалевская В.Б. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху Средневековья. Археология СССР. М., 1981. – С.88.

исторической Апсилии было «исследовано около 100 воинских захоронений V–VIII вв.»¹. Что же касается распространения в местной среде оружия, то оно, скорее всего, было связано, с влиянием «варваризированной римской армии, занимавшей прибрежные опорные пункты на Черноморском побережье Кавказа»². Примером этому могут послужить сведения из ранневизантийских источников. В них, в частности, отмечается, что римские ветераны расселились в значительном количестве среди абасгов.

Так, принято считать, что Цебельдинская археологическая культура³ являлась по своей сути самобытной, своеобразной, отличающейся целым рядом совершенно неповторимых черт, отсутствующих или нехарактерных для любой другой области за пределами Абхазии. Своё отражение она получает в целом ряду специфических для этой культуры вещей. Это одноручные и двуручные глиняные кувшины с чашеобразными венчиками, орнаментированные амфоры также с чашечкообразными венчиками, женские и мужские украшения из бронзы, серебра, золота, железа и т.д. В итоге, как считал ещё М.М. Трапш, наиболее важной и специфической особенностью Цебельдинской культуры, четко выделявшей ее из всего окружения и указывающей на ее самостоятельный характер, являлась определенная группа керамической посуды, а также железные топоры, указывавшие на локальную особенность Цебельдинской культуры⁴.

Вместе с тем, изучая некрополи Цебельды, мы видим, что обитатели данного района Апсилии не были отгорожены от остального мира и, наряду с местными, использовали вещи, попадавшие и в результате происходившего за Кавказским хребтом в это время активного перемещения народов, ведущих кочевой образ жизни. Уже со второй половины II века происходит продвижение «кочевников на юг и юго-восток Северного Кавказа»⁵. Они оседая на территории предгорно-равнинной зоны, мог-

¹ Воронов Ю.Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.) // Проблемы истории, филологии и культуры. Т. XII. М.-Магнитогорск, 2002. – С.340.

² Казанский М.М., Мاستыкова А.В. Эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.) // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. XXV Крупновские чтения. Владикавказ, 2008. – С.175.

³ Данная культура была названа по месту концентрации археологического материала, т.е. Цебельдинской, по району главного проживания апсилийского населения. Это понятие прошло апробацию в исследованиях многих абхазских учёных и не только. По существующей точке зрения одними (М.М. Трапш, З.В. Анчабадзе и др.) представлялось, что могильники Цебельдинской культуры оставлены древнеабхазскими племенами абасгов и апсилов, другие (Ю.Н. Воронов, Г.К. Шамба, О.Х. Бгажба и др.) отстаивают их исключительно апсилийскую принадлежность.

⁴ Трапш М.М. Некоторые итоги раскопок цебельдинских некрополей в 1960-1962 // Труды Абхазского института языка, литературы и истории. Т.33. Сухуми, 1963. – С.258.

⁵ Чеченов И.М. К проблеме периодизации ранней истории тюрок Северного Кавказа (I тыс. н.э.) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения, 1971-2006. М., Ставрополь, 2008. – С.775.

ли оказывать влияние на материальную культуру населения Цебельды, особенно в период Великого переселения народов, и в результате прохождения торговых путей через Апсилию, в том числе, через её главные крепости Цибилиум (Цабал) и Шапки в VI в., когда Северо-Западный Кавказ находился в фокусе интенсивной международной торговли, которая осуществлялась по развитой системе путей и горных перевалов¹. Да и сам археологический материал Цебельдинской культуры, засвидетельствованный на Северном Кавказе (Теберда, Нальчик и др.), указывает на имевшиеся широкие культурные и торговые связи населения, проживавшего по обе стороны Кавказского хребта.

В результате инфильтрационных потоков, взаимодействие не всегда этнически однородного населения, проживавшего по обе стороны Кавказского хребта, исключать нельзя; переселения отдельных семей на Северный Кавказ могли уже быть, начиная с первых веков нашей эры, а «уровень развития автохтонных народов способствовал установлению продолжительных контактов в различных сферах общественной жизни». Например, в верховьях Кубани разнотипные археологические памятники располагаются вперемешку, что может свидетельствовать об определённой этнокультурной интеграции в этом районе Северо-Западного Кавказа².

По всей видимости, географические условия, как отдалённость, сложность горного рельефа и т.д. не являлись серьёзным препятствием для межкультурной сплочённости носителей разных по существу, но близких по этническому признаку культур. Пример тому, материалы из Сочинского района. Там, по последним данным, в III–IV вв. местное население – саниги имело непосредственные связи с носителями Цебельдинской культуры. Свидетельством чему являются аналогии в керамике, известной из ряда разрушенных погребений в районе Красной Поляны, а также и параллели в оружии: мечи, копья, удила. «Всё это находит ближайшие соответствия в вооружении Цебельдинской культуры», т.е., как считают И.О. Гавритухин и А.В. Пьянков, «доступные нам отрывочные материалы из Сочинского района позволяют говорить о связях местного населения с носителями Цебельдинской культуры в III – IV вв.»³. В частности, на Красной Поляне был найден глиняный кувшин, изготовленный в апсильской мастерской в IV–V вв., указывающий «на реальные связи санигов с апсилами»⁴.

¹ Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. М., 1975. – С.124.

² народов Северного Кавказа с древнейших времён до конца XVIII в. М., 1988. – С.111.

³ Гавритухин И.О. Пьянков А.В. Раннесредневековые древности побережья (IV–IX вв.) // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья (IV–XIII вв.), из серии «Археология». М., 2003. – С.190.

⁴ Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времён до наших дней. Сухум, 2007. – С.93

Не приходится сомневаться в том, что, судя по вещественным источникам, носители Цебельдинской культуры всегда имели более широкие этнокультурные региональные, не ограниченные во времени и пространстве связи, находясь в общеисторическом, культурном конгломерате происходивших в циркумпонтийской и средиземноморской зоне различных событий. Так, согласно О. Гей и И. Бажану, «подобные географические условия: с одной стороны – изолированность от внешнего мира, с другой – территориальная близость к понтийскому лимесу, создавали предпосылки для развития здесь высокой самобытной культуры (*т.е. Цебельдинской – В.Н.*), причудливо впитавшей в себя разнородные влияния»¹. Тем самым, эти исследователи, разбив на три хронологические ступени материалы цебельдинских некрополей, проводят последовательную по времени аналогию материалов Цебельдинской культуры с памятниками Крымского п-ова (Инкерман, Ай Тодор и др.), Черняховской, Вельбарской культур. Они исходят из того, что все эти культуры, резко различные по своей окраске, так или иначе были связаны с Римской империей «и вовлечены в общий поток ключевых исторических событий на западных и восточных границах империи, отразившихся и в памятниках археологии». Например, акцент делается на появлении германского и римского оружия, украшений и др.² на фоне общей провинциально-римской унификации материальных культур, куда была вовлечена и Цебельдинская культура. Присутствие такого разнородного оружия в могилах апсиллов может свидетельствовать о их раннем включении в военную систему римско-византийской империи.

Между тем, на общее происхождение Цебельдинской и Черняховской культуры, прослеживаемое в вещах, обратил внимание ещё в своё время также М.М. Трапш. По его мнению, «наряду с позднеантичными и сарматским культурными элементами в Цебельде встречены также вещевые находки, связанные по своему происхождению с Черняховской культурой, представленной на территории современной Украины, Молдавии и далее на Западе, развивавшейся одновременно с Цебельдинской культурой в эпоху Великого переселения народов»³. Можно говорить, что типологически некоторые железные кузнечные изделия (особенно предметы вооружения), а также бронзовые украшения (фибулы, пряжки) близки к синхронному инвентарю Цебельдинской культуры⁴. Надо заметить, что обе эти культуры (Цебельдинская и Черняховская), сохраняя тесные экономические и культурные связи с позднеантичной цивилизацией, находи-

¹ Гей О.А., Бажан И.А. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М., 1997. – С.9.

² Там же. – С.52.

³ Трапш М.М. Культура цебельдинских некрополей. Труды: В 4-томах. Т.3. Тб., 1971. – С.217.

⁴ Бгажба О.Х., Лакоба С.З. Указ. раб. – С.101.

лись в культурном пространстве Римской державы и примыкавшего к ней Барбарикума. Отсюда, встречающиеся в некрополях Цебельдинской долины инородные по своему происхождению, отмеченные выше, предметы «профессионального» вооружения, такие как щиты с металлическими умбонами и рукоятями, бусы, чаще мозаичные или каменные, лежавшие у большинства цебельдинских мечей (V–VI вв.), распространенные сначала у кочевников Восточной Европы, а с Vв. – по всей Европе. Следовательно, общеевропейская мода «эпохи переселения народов» была воспринята не только дунайскими или боспорскими, но и апсильскими воинами¹ из числа привилегированного дружинного сословия.

Между тем вызывает сомнение предложенная М.М. Трапшем, на основании анализа погребального инвентаря и привлечённого сравнительного материала из разных областей Кавказа, Крыма и всего степного юга бывшего СССР, датировка существования цебельдинских некрополей II–V вв. н.э.², так как она не только не соответствует в хронологическом плане апсильским материалам VI–VII вв., но и суживает по времени общекультурную тенденцию развития Цебельдинской культуры уже в ранневизантийский период с его более широкими торговыми связями (напр. Великий Шёлковый путь). Таким образом, заключительный этап периодизации, предложенной М.М. Трапшем, отмечает А.А. Амброз «получает более позднюю дату» в свете новых данных³ и уже датируется по А.А. Амброзу, Ю.Н. Воронову⁴, а также Ю.Н. Вороновым и О.Х. Бгажба⁵, М.М. Казанским и А.В. Мاستыковой⁶ и др. VI–VII вв.

Общеизвестно, что Кавказ, находясь в сфере геополитических интересов римско-византийского мира, имел самые широкие торгово-экономические связи, которые, в свою очередь, повлияли на концентрацию римского и позднее ранневизантийского импорта (в том числе оружия) на данной территории Евразии. Неслучайно «в своих основных чертах боевое снаряжение апсиллов тесно смыкалось с комплексом вооружения, складывавшегося в этот период под непосредственным влиянием римско-византийского культурного мира на огромной территории от Западной Европы до Передней Азии включительно»⁷. Основу же апсильского войска, судя по всему, составляла пехота, вооруженная короткими кинжалами, луком, копьем, мечами, ножами и боевыми метательными топорами.

¹ Воронов Ю.Н. Указ. соч. – С.95.

² Трапш М.М. Указ. соч. – С.218.

³ Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М., 1989. – С.16.

⁴ Воронов Ю.Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V–XIV вв.)... – С.336.

⁵ Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х. Главная крепость Апсолии. Сухум, 1986. – С.48.

⁶ Казанский М.М., Мастыкова А.В. Указ. соч. – С.173–178.

⁷ Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982. – С.121.

В этой связи следует отдельно остановиться на «цебельдинских» топорах, получивших своё название по месту их первоначальной находки. Самые ранние относятся к эпохе второй половины IV и первой половины V в. Они интересны тем, как ещё заметил Б.А. Куфтин, что по своей форме обнаруживают сходство с топорами позднеримского времени в Германии и Богемии¹. Так, в частности, по мнению М.М. Казанского, «цебельдинский» топор соответствует позднеримской форме². «Цебельдинские» топоры, имеющие военное предназначение, сами по себе использовались как универсальное оружие, реже – в хозяйственной деятельности. Внешнее и функциональное соответствие апсильских и франкских топоров той же эпохи, а также интересный факт распространения сходных форм топоров (их прототипом вполне мог быть римский топор) на обширной территории вдоль границ Римской империи от Кавказа до Бельгии, позволяет предполагать в основе формирования цебельдинских топоров те же закономерности, которые обусловили общность и многих других изделий на варварской периферии позднеримского и ранневизантийского мира (умбоны для щитов, поясные наборы, уздечки и др.)³.

Не меньший интерес также представляют позднеримские мечи (короткие и длинные) из сварочной дамасской стали, найденные в местных захоронениях древнеабхазских воинов. К самым ранним для территории бывшего Советского Союза можно отнести 5 экземпляров мечей III–IV вв., исполненных виртуозной техникой сварочного дамаска (дамасская сталь) – вершиной ручного кузнечного ремесла. Судя по анализам сделанных находок, в Абхазии «каждый второй древнеабхазский воин был вооружён подобным мечём»⁴. Их, несомненно, широко использовали в ирано-византийских войнах. Из 10 исследованных мечей из разных регионов Абхазии 5 оказалось из «дамасской стали» (Цабал)⁵. Всё это указывает на сильную военизацию мужской части апсильского общества в римско-византийскую эпоху. Наличие данного оружия у местного населения также может означать, что оно составляло гарнизоны кастеллов, если учесть, что образовавшаяся напряжённая ситуация вокруг Аpsилии способствовала вооружению этого же населения.

Здесь же стоит заметить, контакты между обитателями Цабала (Цебельды) – апсильов с носителями римской культуры происходили не только в центрах концентрации римских воинских частей – в Питиунте и в Себа-

¹ Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Памятники села Герзеул. Сухуми, 1980. – С.15.

² Казанский М.М. Могилы алано-сарматских вождей IV в. в понтийских степях // Материалы по истории, археологии и этнографии Крыма. Вып. 4. Симферополь, 1994.

³ Бгажба О.Х., Воронов Ю.Н. Указ. соч. – С.16.

⁴ Бгажба О.Х., Лакоба С.З. Указ. раб. – С.80.

⁵ Бгажба О.Х. Мечи из «дамасской стали» в Абхазии // Известия Абхазского института языка, литературы и истории. Вып. XIII. Тб., 1973. – С.76.

стополисе, но и, вероятно, на месте строительных работ оборонного значения (сооружение крепостей, прокладка дорог) в долине Цабала, которая была стратегически важным районом на подступах к перевалам, связывающим побережье Понта с Северным Кавказом¹. Поэтому, происходившая внутренняя «милитаризация» апсиров, надо полагать, римлян не сильно тревожила, тем более, что ещё со времён императора Траяна в римских войсках служили и кавказцы². И после Диоклетиана, вернее его военной реформы им даже платили, судя по письменным источникам.

В этой связи, будет уместно сказать о организованной системе обороны восточной границы, которую В.А. Левкинадзе выделил в особый лимес и дал ей название «Limes Ponticus («Понтийский лимес»), по аналогии с лимесами в других регионах империи³. Так, обычно лимесом (*лат. Limes*), чаще всего, называют пограничные оборонительные сооружения в области между Рейном и Дунаем (в Центральной Германии) и между Дунаем и Черным морем (в Добрудже)⁴. В.А. Левкинадзе полагал, что его главной функцией была защита морских коммуникаций в Черноморском бассейне⁵. В то же время сами римляне не использовали данное понятие, т.е. «Понтийский лимес». Тем не менее, оно прижилось в литературе, им пользуются О. Лордкипанидзе, Х. Бракманн, Д. Браунд, другие же авторы, например, К. Цукерман, Н. Ломоури не согласны с данным понятием⁶. Вместе с тем, поскольку функции лимеса более широкие и его строительство было призвано для поддержания римского господства в Восточном Причерноморье, он, скорее всего, вместе с Каппадокийским представлял собой единую кордонную линию «Кавказский лимес», с двумя участками Понтийским и Армянским⁷. «Бесспорно, что в конце I – начале VI вв. в Восточном Причерноморье существовала сложная система прибрежных римских укреплений»⁸.

Таким образом, вершилась политика, направленная на приспособление к тактическим нуждам империи местного населения, делаясь ещё более гибкой. Так, коснувшись восстановления т.н. Понтийского лимеса, О. Гей и И. Бажан остановили своё внимание на федератах, которые приобрета-

¹ Сорокина Н.П. Стекланные сосуды IV–V вв. и хронология цебельдинских могильников // Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего Средневековья. Краткие сообщения института археологии. Вып. 158. М., 1979. – С.63.

² Аджинджал Е.К. Из истории христианства Абхазии. Сухум, 2000. – С.27.

³ Левкинадзе В.А. Понтийский лимес // Вестник древней истории. №2. М., 1969. – С.91.

⁴ Уорвик Брей, Дэвид Трамп. Археологический словарь. М., 1990.

⁵ Там же. – С.91.

⁶ Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья... – С.35.

⁷ Первалов С.М. Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство; Диспозиция против аланов; М., 2010. – С.328; Остахов А.А., Ильюшин Ю.В. Кавказ в эпицентре внешней политики Рима на Ближнем Востоке (I в. до н.э. – III в. н.э.). Пятигорск, 2012. – С.66.

⁸ Габелия А.Н. Абхазия в прединтичную и античную эпохи. Сухум, 2014. – С.372.

ют особое значение при Галлиене (*римский император, сер. III в. – В.Н.*), в связи с его военными реформами. По их предположению, «федератами становится и население Цебельды, главной задачей которого было контролировать стратегически важный район на подступах к перевалам, связывающим побережье Понта с Северным Кавказом»¹. Правда, некоторые исследователи этот политический процесс относят к несколько позднему времени. Так, по мнению М.М. Казанского, быстрому распространению новых типов оружия в среде местного населения, «несомненно, способствовало включение санигов, абасгов и апсиллов в систему обороны Империи, видимо, не позднее первой половины IV в. в качестве «народов – клиентов», выполнявших функции первой линии обороны понтийской границы Рима»². Согласно же данным позднеантичного источника «Нотиица Дигнитатум», местные восточнопричерноморские племена также защищали империю вдали от своих родных мест. В конце III века существовало состоявшее не менее из 300 всадников отдельное воинское кавалерийское соединение абхазов, входившее в состав византийской армии «*Ala prima Abasgorum*» («первое абхазское крыло»), которое квартировалось в Египте, в Хибеосе, в Большом оазисе для обороны этой территории»³.

Можно констатировать, что носители самобытной Цебельдинской культуры Апсилии позднеантичного времени, как и носители периферийных аборигенных культур Северного Кавказа, Восточной и Западной Европы (конец I – начало V вв.) были вовлечены в общий поток тех культурных импульсов, что исходили главным образом от Римской империи, являвшейся распространительницей, в частности, новых видов оружия, что, в свою очередь, наложило определённый отпечаток на их формирование, сближая их в одну общую культурную среду позднеантичной цивилизации римско-византийского образца. В то же время, особые географические рельефные горные условия создали тот благоприятный климат, при котором этническая история и этнокультурная среда апсиллов (оставаясь гомогенной) с начала н.э. стали развиваться без потрясений, на основе своего внутреннего производственного потенциала с самыми широкими международными торговыми связями.

¹ Гей О.А., Бажан И.А. Указ. соч. – С.21.

² Казанский М.М. Позднеримская /ранневизантийская армия и Западный Кавказ // Древний Кавказ: Ретроспекция культур. XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. М., 2004. – С.89.

³ Хотелашвили (Инал-ипа) М.К. Страницы военной истории абхазов // Абхазоведение (историческая серия). Вып. III. Сухум, 2004. – С.169.

Г.Д. Гумба

ЕЩЕ РАЗ О ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ АБХАЗИИ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Определение в исторической динамике этнических и политических границ народа имеет большое значение для комплексного исследования его истории, поскольку при этом наиболее концентрированно и выпукло выявляются происходившие в стране этнические, политические, демографические, социальные процессы. Можно сказать, что они являются индикаторами этих процессов и потому вопросы, связанные с исторической географией, обычно вызывают оживленные дискуссии в научной литературе. Не составляет исключения в этом отношении и проблема определения этнических и политических границ Абхазии в древний и средневековый периоды истории, чему уделяется пристальное внимание в абхазской историографии.

К сожалению, из-за отсутствия собственно абхазских письменных источников (если они и сохранились, то пока еще не найдены, а то, что абхазские письменные источники существовали, нет сомнения, поскольку об этом свидетельствует древнегрузинский источник) абхазским исследователям приходится черпать сведения о древней и средневековой этнополитической истории абхазского народа лишь из иностранных источников – греко-латинских, персидских, арабских, армянских, грузинских, турецких и др. Однако, к сожалению, сведения иноязычных источников обычно не полны, весьма отрывочны и, как правило, за редким исключением, всегда субъективны, поскольку, в них отражаются, прежде всего, интересы того государства (или народа), которому принадлежит автор. Поэтому, конечно, опираясь на сведения иностранных письменных источников, довольно сложно представить исчерпывающую объективную картину древней и средневековой истории Абхазии. Вместе с тем, сопоставительный анализ нескольких иноязычных источников, если таковы есть, вкупе с данными других смежных наук, дают возможность более или менее приблизиться к истине по тем или иным проблемам истории Абхазии.

Так сведения о восточной (точнее – юго-восточной) границе Абхазии в раннесредневековый период, сохранены в греко-латинских, армянских и грузинских письменных источниках. Эти свидетельства давно уже введе-

ны в научный оборот и вызывают оживленные дискуссии в научной литературе. Но, несмотря на это, проблема восточных границ Абхазии раннего Средневековья еще не разрешена и остается открытой. Различные точки зрения по рассматриваемому вопросу многократно озвучивались в научной (и околонуучной) литературе и хорошо известны, потому, думаю, нет необходимости вновь их приводить. Отметим лишь, что диапазон ее локализации в современной историко-географической литературе колеблется от реки Келасур (возле Сухума) до реки Рион¹.

Данный вопрос затрагивался также мною и сопоставительный анализ сообщений *Ашхарацуйца* (*Армянская география VII века*), греко-латинских и грузинских источников привел к заключению, что восточная граница Абхазии в V в. проходила по нижнему течению реки Риона – от устья до впадения в нее реки Техур, далее по реке Техур до Эгрисского хребта, отсюда она сворачивала на северо-запад по Эгрисскому хребту до реки Ингура, затем на север до Главного Кавказского хребта². Однако, несмотря на то, что имеющийся материал свидетельствует о прохождении границы Абхазии в V – VII вв. именно по указанной линии, в *Ашхарацуйце* есть сообщение о том, что река Вишав (Дракон), разделявшая Абхазию и Егр (Лазика) течет из Алании. *Аланией* в данном случае называется не центральный район Северного Кавказа, а территория к югу от Главного Кавказского хребта. В 50-х годах VI века византийцы передали Западно-Аланскому объединению крепость Бухлоон (соврем. Пахулан) на берегу Ингура. Согласно Агафию Миринейскому, это было сделано «чтобы послы более отдаленных народов, собираясь там, получали субсидии и чтобы больше не было необходимости привозящему деньги огибать предгорья Кавказских гор и самому идти к ним»³. С этого времени на территорию к югу от Главного Кавказского хребта до местности Бухлоон и Эгрисского хребта распространяется влияние Западно-Аланского объединения, в связи с чем, в некоторых источниках, в данном случае, *Ашхарацуйце*, она именуется *Аланией*. Такое положение продолжалось с середины VI века вплоть до VIII века, до завоевания данной территории абхазским царем и включения ее в состав Абхазии. Отсюда, истоки реки Дракон, являвшейся границей между Абхазией и Егр (Егерия), должны находиться у подножья Главного Кавказского хребта, а истоки Техура находятся у южного подножья Эгрисского хребта,

¹ Историографию по теме см.: Нюшков В.А. Апислы и Апислия в историографии последних десятилетий // Учёные записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН. Т. 1. Абхазия. М., 2013.

² Гумба Г.Д. Об истоках исторической концепции грузинского историка XI века Леонтия Мровели // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. Вып. II. Сухум. 2003. – С. 124; Гумба Г.Д. К вопросу идентификации р. Эгрис-цкали Джуаншера Джуаншерияни // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. Вып. III. Сухум. 2004. – С. 88.

³ Агафий Миринейский, III, 15.

что ставило под сомнение проведение юго-восточной границы Абхазии по реке Техур.

Однако не во всех сохранных рукописях *Ашхарацуйца* присутствует указание о том, что река Дракон течет из Алании. При описании границ Егры (Егерия, Лазика) сообщается, что «с запада граница Егр проходит по реке Дракон до Кавказских гор, [простирающейся] к той ветви хребта, которая отделяет его от Грузии» («ի մտիցն Դռակոն գետոյ մինչէ ԳՇակաշս լեւան եւ ցնրին րազուկ, որ րաժանէ ընդ նա եւ ընդ Վիրսն»):¹

В данном сообщении армянский географ, следуя Птолемию, *Кавказскими горами* называет горную цепь, тянущуюся с запада на восток до того хребта, которая отделяет Егр (Лазик) от Грузии (Картли), каковым является Лихский хребет. Горная же цепь, тянущаяся от Ингура на западе и упирающаяся на востоке в Лихский хребет, образуется Егрисским и Рачинским хребтами². Соответственно и истоки реки Дракон «Ашхарацуйца» находятся в предгорьях Егрисского или Рачинского хребта, а не Главного Кавказского хребта и по этой причине в тексте источника нет указания о том, что она течет из Алании.

Кроме того, в двух рукописях *Ашхарацуйца*, хранящихся в книгохранилище Ордена армянских Мхитаристов на острове Св. Лазаря в Венеции (Италия) в интересующем нас тексте источника после сообщения о том, что отделяющая Абхазию от Егр (Егерии) река Дракон течет из Алании, следует сокращенная приписка: «Мовсесу Хоренаци об этом не известно»³. Для понимания значения данной приписки следует учитывать, что в средневековый период *Ашхарацуйц* приписывался «отцу армянской истории» Мовсесу Хоренаци, автору V века. Большинство списков труда сохранилось именно под названием *Ашхарацуйц Мовсеса Хоренаци (География Мовсеса Хоренаци)* в качестве приложения его фундаментального труда *История Армении*. Тем не менее, в конце XIX и XX вв. авторство Мовсеса Хоренаци исследователями было поставлено под сомнение и *Ашхарацуйц* был приписан известному армянскому ученому VII в. Ананию Ширакаци. В 1877 г. проф. Петербургского ун-та К.П. Патканов опубликовал перевод отрывка *Ашхарацуйца Мовсеса Хоренаци* на русский язык под названием *Армянская география VII века*, благодаря чему он стал известен русскоязычному читателю как творение VII века⁴.

¹ Ашхарацуйц Мовсеса Хоренаци. Венеция, 1881. С. 26 (на древнеарм. яз.)

² См.: Гумба Г.Д. Граница Азиатской Сарматии с Колхидой и Картли (Иберия) // «Кавказ: история, культура, традиции, языки». По материалам Международной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА 28-31 мая 2001 г. Сухум. 2004.

³ Библиотека Ордена Мхитаристов, Венеция, рукописи №№ 1024, 1289.

⁴ Патканов К.П. Мойсей Хоренский. Армянская география VII в. по Р.Х. СПб., 1877. – С. 5-12; Его же: Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому. ЖМНП, 1883, ч. 226, март – С. 21-32.

В дальнейшем все же было выявлено, что источник содержит также описание более ранних периодов: 1) вторая половина I тыс. до н.э.; 2) III в. н.э. – первая половина V в., точнее до 428 г., т.е. до раздела Армении между Сасанидской Персией и Восточно-Римской империей (Византией)¹.

Однако, в последнее время, известному арменоведу и специалисту по *Ашхарацуйцу* Б.А. Арутюняну удалось убедительно доказать, что труд был создан именно в V веке и автором его действительно является Мовсес Хоренаци, а в VII веке он был отредактирован с внесением новых добавлений со стороны Анания Ширакаци².

Судя по всему, переписчики двух вышеуказанных рукописей, в которых сохранены приписки о том, что Мовсесу Хоренаци неизвестно, что река Дракон течет из Алании, имели под рукой несколько списков *Ашхарацуйца*, по крайней мере, два, один из которых восходил к Мовсесу Хоренаци, где отсутствовало сообщение о том, что река Дракон течет из Алании. Следовательно, в тексте *Ашхарацуйца* Мовсеса Хоренаци, датированном V веком, по интересующему нас вопросу, первоначально было лишь сведение, что река Дракон (Вишап) является границей между Абхазией и Егр, что снимает всякие сомнения в правомерности отождествления реки Дракон *Ашхарацуйца* с рекой Техур и нижним течением Риона.

Сведения *Ашхарацуйца* о границах между Абхазией и Егр (Лазика) вносят ясность и в хорошо известные, до сих пор ставящие исследователей в тупик противоречивые сообщения Прокопия Кесарийского о границах между Апсилией и Лазикой. Согласно Прокопию Кесарийскому «река Фасис, начинаясь с гор Кавказа впадает в середину полумесячного залива Понта. В этом месте река Фасис служит границей двух материков. Места, которые идут налево, если смотреть вниз по течению, являются Азией, а направо лежащие называются Европой. **В той части, которая принадлежит Европе, находятся все населенные места лазов**, на другой же стороне лазы не имеют ни городов, ни укреплений, ни заслуживающего какого-либо внимания поселка» (выделено мной).

Далее, в том же абзаце он же сообщает, что «река Фасис ...впадает в конечную часть Эвксинского Понта, на краях залива – полумесяца, на одной его стороне, принадлежащей Азии, находился г. Петра, **а на противоположной стороне берега, принадлежащего уже Европе, находится область апсилиев...**» (выделено мной)³.

¹ Абрамян А. Научные труды армянского ученого VII века Анания Ширакаци. Ереван, 1944 (на арм. языке); Еремян С.Т. Армения по «Ашхарацуйцу». Ереван, 1963 (на арм. яз.)

² Арутюнян Б.А. «Ашхарацуйц» и проблема четырех Армении. Ереван, 1997 (на арм. яз.); Его же: Система административно-территориального деления царства Великой Армении по «Ашхарацуйцу». Ереван, 2001 (на арм. яз.)

³ Прокопий Кесарийский, Книга VIII, 2.

Как видно, сведения Прокопия Кесарийского действительно противоречат друг другу: в одном месте он пишет, что в той части земли, которая принадлежит Европе, т.е. на правом берегу Фазиса (Риона), находятся все населенные места лазов, но немного далее сообщает, что именно на правом берегу Фазиса, которая принадлежит Европе, находится область апсилон. Однако, если принять во внимание данные *Ашхарацуйца* о границах Абхазии и Егры (Лазики) по реке Техур и нижнего течения Риона, то в сообщениях Прокопия Кесарийского нет никакого противоречия и отображена существовавшая реальная этнополитическая карта. В первом случае, где сообщается о проживании лазов на правом берегу Фасиса, речь идет о территории, лежащей выше впадения реки Техур в Рион, между реками Техур и Квирила. Как известно, греко-латинские авторы, в том числе и Прокопий Кесарийский, часто ошибочно за Фасис принимали реку Квирила, а затем, после ее слияния с рекой Рион, ее среднее и нижнее течение. Впадающие же в Фасис реки Главк и Гипп путали с верховьями Риона и Цхенисцкали¹.

И в данном случае Прокопий Кесарийский Фасисом называет Квирилу и на ее правом берегу, включая также и правом берегу собственно Фасиса (Рион) от места слияния с ней Квирилы до впадения в нее Техура, размещает основные поселения лазов, что полностью соответствует известным нам к настоящему времени историческим реалиям позднеантичного и раннесредневекового периодов. В античный и раннесредневековый периоды река Квирила служила границей между Егр (Лазика) и Картли (Грузия) и в древнегрузинских источниках она называется Эгрисцкали². Именно территория, лежащая к югу от Эгрисского и Рачинского хребтов между Квирилой (Фасис, Эгрисцкали) и Техуром, являлась собственно *Егр* (*Егревике*) *Ашхарацуйца*, *Внутренняя Эгриси* грузинских и *Мохерезис* греко-латинских источников, где и проживали лазы.

В сообщении же Прокопия Кесарийского о проживании апсилон на правом берегу Фасиса (Рион) имеется в виду правом берегу нижнего течения Риона от места впадения в нее Техура до моря. Таким образом, сведения Прокопия Кесарийского считавшиеся до сих пор необъяснимыми, становятся понятными и приобретают логическую ясность.

Итак, по данным Мовсеса Хоренаци и Прокопия Кесарийского в V–VI вв. юго-восточная граница Абхазии пролегла по нижнему течению Риона до впадения в нее реки Техур, затем по реке Техур до Эгрисского хребта, по Эгрисскому хребту до реки Ингур, отсюда сворачивала на север по левобережью Ингура, по правому притоку Ингура – Накра до перевала Накра на Главном Кавказском хребте.

¹ Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959. – С. 75.

² Гумба Г.Д. К вопросу идентификации реки Эгрис–цкали Джуаншера Джуаншерияни // Абхазоведение, вып. III, Сухум. 2004.

Сведения письменных источников о границе между Абхазией и Егр (Лазика) по указанной линии согласуются, правда, с более ранними данными археологии. Так могильники апсидов II-III вв. н.э. найдены, например, в ущелье реки Хоби (с. Чхороцку), в с. Лиа Целенджихского района¹.

Что касается, сообщения об истоках Дракона из Алании, то, скорее всего, ее авторство принадлежит Ананию Ширакаци (VII в.), который отразил сложившуюся политическую ситуацию во второй половине VI и VII вв. после передачи византийцами мисиминской крепости Бухлоон Западно-Аланскому объединению. Именно к этому периоду относится установление влияния Западно-Аланского племенного объединения на южные склоны Главного Кавказского хребта до крепости Бухлоон и Эгрисского хребта. Ранее это не могло быть, т.к. самого Западно-Аланского племенного объединения еще не существовало, а позднее VII века уже вся территория Западного Закавказья входила в состав абхазского государства, и, естественно, не могла называться Аланией.

Вместе с тем, остается открытым вопрос идентификации р. Дракон, но уже, которая течет из Алании и отражает границу Абхазии и Егры в VII в. Для ответа на этот вопрос следует исходить из происходивших в позднеантичный и раннесредневековый периоды этнических, социально-политических и культурных процессов, направленных на объединение абхазских земель. В результате закономерного внутреннего развития был достигнут сравнительно высокий для того времени уровень развития материальной и духовной культуры, который неотвратимо вел к слиянию абхазских этнополитических образований и созданию централизованного абхазского государства. Из скудных источников мы знаем, что борьба абхазов за независимость и объединение всей Абхазии происходила в условиях жесточайшего сопротивления внешних сил, прежде всего, Восточно-Римской империи (Византия). Письменные источники сохранили до нас скудные отголоски той неравной героической борьбы, которую вели абхазы в раннем Средневековье за свою независимость против Византии и Арабского Халифата.

Продолжавшаяся борьба за независимость и объединение абхазских земель вокруг Абазгии – политического и культурного центра всей Абхазии, к VII в. достигает значительных успехов. Так, согласно *Ашхарацуйцу*, абазги и апсиды уже представляют собой единое целое и живут в стране Абазов – Псин (А-псны) («...Апшилы и Абазги (живут) в приморской стране Абазов – Псин». «...*g*᠒᠒᠒᠒᠒᠒᠒ ᠒᠒᠒᠒᠒᠒᠒᠒ ᠒᠒᠒᠒᠒᠒ ᠒᠒᠒᠒᠒᠒᠒, ᠒᠒ ᠒᠒ ᠒᠒᠒᠒᠒᠒ ᠒᠒ ᠒᠒᠒᠒᠒᠒᠒»)².

Такие периоды, как известно, обычно сопровождаются не только бурным экономическим ростом, политической активностью все большего

¹ Воронов Ю.Н. Научное наследие. Т. I. Сухум, 2006. – С. 306.

² Ашхарацуйц Мовсеса Хоренаци. – С. 25.

числа населения, всплеском этнического самосознания и т.д., но и т.н. демографическими взрывами. Источники свидетельствуют о том, что в VI–VII вв. Абхазия представляла собой густонаселенную страну и наблюдаемый в этот период рост производительных сил способствовал дальнейшему росту населения,¹ что неизбежно подводило к необходимости (мирным или военным путем) освоения новых территорий. Поэтому, трудно сомневаться в том, что в этот период происходило не сокращение территории Абхазии, а ее расширение. По-видимому, в VII в. границы Абхазии, скорее всего, были отодвинуты от реки Техура на восток до реки Цхенисцкали, а истоки последней находятся у подножья Главного Кавказского хребта, т.е. в Алании. Данное положение и отразилось в редакции *Аихарауиуца* Анаиния Ширакаци.

Таким образом, в V – VII вв. восточная граница Абхазии пролегла по нижнему течению реки Рион – от ее устья до слияния с ней Техура, отсюда шла по Техур до Эгрисского хребта, далее по вершинам последней до реки Ингура, затем по левобережью Ингура до слияния с ней реки Накра и по реке Накра до Главного Кавказского хребта. К VII веку восточная граница Абхазии была расширена до реки Цхенисцкали, а в VIII веке, после завоевания и включения всей западной части Южного Кавказа в состав абхазского государства – до Лихского (Сурамского) хребта и реки Чорох.

¹ Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976. – С. 397.

Н. В. Касландзия

О СИТУАЦИИ В ЗАПАДНОМ ЗАКАВКАЗЬЕ В 30–80-Х ГГ. VIII В. (К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ СВЕДЕНИЙ ГРУЗИНСКОГО ПИСАТЕЛЯ XI В. ДЖУАНШЕРА ДЖУАНШЕРИАНИ)

Поход арабов в Западное Закавказье в 30-х гг. VIII в. и последовавшие за ним события оказали огромное влияние на политические процессы в регионе. При их реконструкции историки, как правило, обращаются к произведению грузинского писателя XI в. Джуаншера Джуаншериани «Жизнь Вахтанга Горгасала». Однако нарративная ценность данного источника весьма сомнительна, на что неоднократно указывалось рядом специалистов.¹ Скептицизм в отношении достоверности фактов, излагаемых автором или авторами, рассматриваемого произведения усугублен большим количеством хронологических несоответствий.

Главной целью вторжения арабов в Западное Закавказье, согласно Джуаншеру, было преследование правителя Картли и его сыновей, укrywшихся в Лазике, а позже перешедших в Абхазию. На самом деле, этот поход был направлен против союзников Византии в регионе, тем самым арабы надеялись ослабить позиции империи в крае. М. Н. Кривов отмечал: «Византийцы нередко вторгались на территорию Халифата, а арабы — на территорию Византии, но эти вторжения имели характер простых набегов и не вели к закреплению на вражеских землях. Границы в Закавказье, как они сложились в первые два десятилетия VIII в., в целом, пересмотру не подвергались».²

Военная акция арабов представляла серьезную угрозу для всего населения региона. После вторжения арабов в Лазик, сыновья правителя Картли, по сообщению источника, сочли за благо укрыться в Анакопийской крепости. Для Джуаншера Джуаншериани центральным событием в повествовании о военных действиях арабов, становится осада Анакопии. Он определяет ее в качестве местопребывания Арчила и Мира. Следуя Джуаншеру, грузинские исследователи акцентировали внимание на том, что

¹ Джавахишвили И. А. Древнегрузинская историческая литература. Т. VIII. Тбилиси, 1977. – С. 192; Кекелидзе К. С. Историк Вахтанга Горгасала и его история. Этюды из истории древнегрузинской литературы. Т. IV. 1955. – С. 187-199 (на груз. яз.); Новосельцев А. П. Генезис феодализма в странах Закавказья (Опыт сравнительно-исторического исследования) М., 1980. – С. 32.

² Кривов М. В. Византия и арабы в раннем средневековье. СПб., 2002. – С. 127-128.

именно благодаря стойкости и военному таланту сыновей картлийского владыки, арабы так и не смогли закрепиться в «южной и юго-восточной частях бассейна Черного моря».¹ Но подобный вывод вступает в противоречие с данными византийского источника, которому ничего неизвестно, ни об Арчиле и Мире, ни тем более об их руководящей роли в организации отражения арабской угрозы. Следует также обратить внимание на то, что в исторических произведениях: анонимном «Обращение Картлии» и «Истории и повествовании о Багратионах» Сумбата Давитисдзе, которые содержат довольно обстоятельные сведения о правителях Картлии, в ранге «эрисмтаваров», начиная с середины VI в. отсутствуют какие-либо упоминания об Арчиле и Мире, а также сыновьях Арчила – Джуаншере и Иоване. Деятельность многих картлийских эрисмтаваров нашла отражение в эпиграфике. Но данных о правителях Арчиле и Мире нет и в эпиграфических материалах. Византийским и армянским источникам, сообщающим о картлийских властителях, чаще всего, в связи с их военной или внешнеполитической деятельностью Арчил и Мир не известны. Это тем более странно, если учитывать их заслуги в борьбе с арабами, которые, согласно Джуаншеру, были весьма значительны и отмечены византийским императором. Настораживать исследователей должно и то обстоятельство, что Джуаншер относит поход арабов, руководство которым он приписывает Мервану Глухому, ко времени служения картлийского католикоса Тора, а оно приходится на 20–30-е гг. VII в. Создается впечатление, что называя отцом Арчила и Мира Стефаноза автор имел в виду современника Тора эрисмтавара Стефаноза II, который правил Картлией в первой половине VII в., отмеченном началом экспансии арабов в Закавказье. Сложная история взаимоотношений картлийцев с арабами в течение второй половины VII – начала VIII в. Джуаншером практически опущена, тогда как она была насыщена значительными событиями, в том числе и рядом военных столкновений, о чем известно из других источников. Повествование о Мире и Арчиле следует у Джуаншера сразу за пространным пассажем о военных мероприятиях в Закавказье императора Ираклия, имевших место в 20-х гг. VII в. Отметим и тот факт, что автор агиографического произведения «Мученичество Арчила царя Картли» Леонтий Мровели считал Арчила современником этого византийского императора. В беседе с арабским полководцем Асимом Арчил говорит: «... был я юным тогда, когда царь Ираклий прошел через эту страну (Картлию – Авт.)».² Поход византийско-

¹ Цулая Г. В. «Летопись Картли» и некоторые вопросы истории политического объединения Грузии // В кн.: Летопись Картли / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982. – С. 38. Прим. 1.

² Леонтий Мровели. Мученичество святого великомученика царя Грузии Арчила / Перевод М. Д. Абашидзе. // В кн.: Картлис Цховреба (История Грузии). Тбилиси, 2013. – С. 136.

го императора Ираклия в Закавказье, как известно, состоялся в 626 – 627 гг. Он поставил главой Картлии Адарнасе. Последнему наследовал его сын Стефаноз (637/642 – 650 гг.). Обратим внимание на полное единодушие грузинских источников: «Обращение Картлии», «Истории и повествования Багратионов» и «Жизни Вахтанга Горгасала» в отношении начальной части списка картлийских эрисмтаваров, четвертым главой Картлии в них как раз значится Стефаноз сын Адарнасе. Если два первых автора продолжают список правителей Картлии, то последний перейдя к описанию арабского нашествия, прерывает его на деятельности Арчила, которого считает сыном Стефаноза. Однако, будучи сыном последнего, Арчил не мог принимать участие в событиях 30-х гг. VIII в.

Подобного рода анахронизмы, сознательный или непреднамеренный отход автора от последовательного расположения фактов во времени заставляет с большой осторожностью относиться к достоверности сообщаемых Джуаншером сведений. По нашему мнению, Джуаншер или Псевдо-Джуаншер в рамках единого повествования о нашествии арабов мог связать разновременные события и исторические личности. В условиях военной угрозы со стороны халифата правители Картлии и их домочадцы находили убежище на подвластной ромеям территории Западного Закавказья, в том числе и в Абхазии. Известно, что попавший в немилость к арабам эрисмтавар Картлии Нерсе в 80-х гг. VIII в. отправил свою семью и имущество в Абхазию, а позже и сам пребывал здесь некоторое время. Один из подобного рода эпизодов, сдобренный авторскими домыслами, на которые «Джуаншер оказался столь способным»,¹ и лег в основу повествования грузинского писателя.

Мощная крепость – Анакопия, наряду с другими укреплениями, без сомнения стала объектом арабской агрессии. Попасть на страницы сочинения Джуаншера она могла, как нам кажется, по той причине, что стала единственным оборонительным сооружением, не покорившимся арабским войскам. Поэтому летописец определил её в качестве местопребывания сыновей картлийского правителя, а устранив главу Абасгии от участия в событиях, связанных с её обороной, в которых он как «воевода кесаря» обязан был принимать самое активное участие, приписал все заслуги в войне с арабами Арчилу и Миру. Деятельность братьев, со слов Джуаншера, была высоко оценена византийским императором, он прислал им два царских венца.

В сражении с арабами у Анакопии старший сын правителя Картлии Стефаноза – Мир получил смертельное ранение. Накануне кончины он сделал

¹ Цулая Г. В. Джуаншер Джуаншерияни и его исторический труд // В кн: Джуаншер Джуаншерияни. Жизнь Вахтанга Горгасала / Перевод, введение и примечания Г. В. Цулая. Тбилиси, 1986. – С. 20.

распоряжения относительно своего наследства. По его воле был произведен раздел Картлии между Арчилом и воеводами, за которых были выданы дочери Мира. Надо отметить, что сведения о реформах Арчила в Картлии грузинские историки относят к числу легендарных. «Исследователи не без оснований считают, что эта легенда возникла в кругу грузинских эриставов и была направлена против той ожесточенной борьбы, которую вела централизованная власть против сепаратистов-феодалов ... в X–XI вв.».¹ Грузинский писатель вкладывает в уста Мира следующие слова, обращенные к младшему брату: «...бывшую у меня долю главы рода я отдаю тебе, да прибудет она у тебя в качестве главы рода нашего ... оставайся тут и дружи с греками, покуда не рассеется тьма сущая».² Из беседы Арчила с братом, суть которой передает Джуаншер, следует, что Мир на правах главы рода владел «Эгриси (Лазика – Авт.), Сванетией, Таквери, Аргвети и Гурией»,³ а после его смерти эти области «в качестве (также) доли главы рода», должен был унаследовать Арчил. Но источник не содержит прямых свидетельств о передаче указанных областей Западного Закавказья Арчилу и Миру в наследственное владение, ни до, ни после нашествия арабов. Джуаншер считал Арчила и Мира владельцами этих территорий, исходя из того, что они являлись потомками Вахтанга Горгасала. Такой подход автора предопределен внутренней логикой повествования. Он – от имени Мира – говорит об Эгриси, Сванетии, Таквери, Аргвети и Гурии как о «доле главы дома нашего», потому, что этими землями в результате обмена с младшим братом Мирдатом, якобы стал владеть Дачи, старший сын главы Картлии Вахтанга Горгасала, правившего во второй половине V в. Согласно «Жизни Вахтанга Горгасала», правитель Картлии, после похода на Северный Кавказ, завоевал крепости Абхазии, «ибо царь греков – великий Леон – в ту пору был занят в войне с персами, почему и не мог он отправить в Абхазию войско (против Вахтанга). За три года (Вахтанг) забрал все крепости Абхазии вплоть до самого Цихе-Годжи».⁴ В результате переговоров Вахтанга с византийским императором, последний, «отписал земли между Эгрис-цкали и Клисурой (в качестве) приданого, а прочую Абхазию Вахтанг вернул грекам».⁵ После смерти супруги – персидской царевны Балендухт – правитель Картлии не сразу «улучил время, чтобы взять в су-

¹ Бердзенишвили Н. А. Вопросы истории Грузии. Т. IV. Тбилиси, 1973. – С. 88. (на груз. яз). Цит по: Цулая Г. В. «Летопись Картли» и некоторые вопросы истории политического объединения Грузии // В кн: Летопись Картли / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982. – С. 35-36.

² Джуаншер Джуаншеряни. Жизнь Вахтанга Горгасала / Перевод Г. В. Цулая. Тбилиси, 1986. С. – 105.

³ Там же. – С. 105.

⁴ Там же. – С. 67.

⁵ Там же. – С. 78.

пруги дочь царя греческого».¹ Лишь спустя три года посланники Горгасала «прибыли ... в Константинополь. Царь поднес им многочисленные дары, и дочь свою именем Елена отдал в супруги Вахтангу и отрядил ей в сопровождение великую рать до рубежей Армении».²

Однако свидетельство Джуаншера о передаче на исходе V в. ряда областей Западного Закавказья византийскими властями главе Картлии и установлении границ между «Грецией и Картлией» в результате заключения брака Вахтанга Горгасала с дочерью императора не находит подтверждения в трудах византийских (Приск Панийский, Малх Филадельфиец, Кандид Исавр, Евагрий Схоластик, Иоанн Малала), армянских (Лазарь Парпеци, Мовсес Хоренаци), сирийских (Иешуа Стилит, Иоанн Эфесский) авторов V–VI вв. Неизвестен этот эпизод и более поздним арабским и персидским писателям и хронистам, использовавшим при освещении событий V в., арабский перевод пехлевийской книги «Хвадай-намак» – официальных погодных записей, которые велась при дворе Сасанидов. Не знает о них и хронист Феофан (IX в.). Византийский император Лев Макелла, современник Вахтанга Горгасала, названный Джуаншером «великим Львом», правил в 457–474 гг. Его деятельность довольно подробно освещена источниками. У основателя династии Львов и его супруги Верины было трое детей: две дочери Ариадна и Леонтия и умерший во младенчестве сын. Ариадна была выдана замуж за полководца исаврийского происхождения Тарасикодиссу, позже принявшего имя Зенон, в будущем византийский император, другая дочь – Леонтия сочеталась браком с сыном императора Западно-Римской империи Антемия, Маркианом.³ Оба брака были продиктованы политическими причинами. Стоит отметить повышенный интерес византийских источников к супругам дочерей Льва Макеллы, который объясняется тем, что по сложившейся традиции, в отсутствие у императора сына, высока была вероятность наследования трона его зятем. Известно, что помолвка одной из дочерей Льва – Леонтии с Юлием Патрикием в 470 г. была расторгнута из-за беспорядков в Константинополе. Жители столицы были недовольны тем, что зятем императора может стать арианин. В свете вышесказанного, совершенно невозможным представляется факт отсутствия в византийских источниках сведений о дочери Льва Макеллы, по имени Елена и его зяте, правителе Картлии. Такое знаковое событие,

¹ Там же. – С. 79.

² Там же. – С. 90–91.

³ Византийские историки (Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Меландр, Кандид, Нопнос, Феофан Византиец) / Перевод С. Дестуниса СПб., 1860. – С. 475–476; Летопись Византийца Феофана / Перевод В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского. М., 1884. – С. 88–91; Церковная история Евагрия, схоластика и почетного префекта / Перевод И. В. Кривушина. СПб., 1853. – С. 45.

как установление династических связей между Картлией и Византийской империей, значительные геополитические изменения в Закавказье почему-то не нашли отражение и в армянских и сирийских источниках. Известно, что византийских царевен выдавали за правителей-иностранцев крайне редко и не охотно, как правило, отправляя им в жены представительниц знатных аристократических семейств. А случаи передачи в качестве приданого за византийской царевной земель, подвластных василевсу и вовсе не известны.

По крайней мере, в 60-х гг. V в. Приск Панийский фиксирует в Лазике местную правящую династию. Глава Лазики Губаз в 465 г. посетил Константинополь и вызвал благосклонность императора Льва I, ношением христианских символов. Три года спустя, византийцы оказали помощь лазам против восставших сванов, которых поддерживали персы.¹ В целом, период правления Льва Макеллы и его преемника Зенона отмечен мирными отношениями Византии и Ирана и войн между ромеями и персами, героем которых Джуаншер сделал Горгасала попросту не велось. Исследователь Г. В. Цулая вынужден был констатировать, что «домысли Джуаншера Джуаншеряни здесь превзошли всякие мыслимые пределы».²

При реконструкции более или менее достоверной картины политических событий в Картлии второй половины V в., грузинские исследователи вынуждены опираться не на «эпическое повествование» Джуаншера, а на сообщения армянского автора V в. Лазаря Парпеци. Его сведения о положении Картлии, деятельности Вахтанга Горгасала, общей обстановке в Закавказье коренным образом отличаются от данных Джуаншера Джуаншеряни. Надо констатировать, что сообщение грузинского писателя XI в. о переходе под контроль Картлии некоторых областей Западного Закавказья не отражает реалий политической истории Закавказья V в. и их следует считать вымыслом. Последнее обстоятельство ставит под удар всю конструкцию автора о Картлии и Лазике как едином политическом пространстве под эгидой правящего дома первой.

Ощущая шаткость концепции о политическом единстве Картлии и Лазики в начале VIII в., построенной на сообщении Джуаншера, грузинские специалисты, пытались подкрепить ее ссылками на материалы эпиграфики, прежде всего, на фресковую надпись из Атенского Сиона, которая гласит о том, что некий правитель (мампал) Стефаноз, названный вла-

¹ Сказания Приска Панийского / Перевод С. Дестуниса // Ученые записки второго отделения императорской академии наук, Книга VIII. Вып. 1. СПб., 1861. – С. 84, 92, 97.

² Цулая Г. В. Джуаншер Джуаншеряни и его исторический труд. В кн.: Джуаншер Джуаншеряни Жизнь Вахтанга Горгасала. /Перевод, введение и примечания Г. В. Цулая. Тбилиси, 1986. – С. 9.

дыкой «эриставов картвелов и мегрелов» скончался на 29 году княжения.¹ В упомянутой надписи, Стефаноз не назван эрисмтаваром («эриставта мтавари»), а именуется владыкой воевод «упали эриставта», поэтому твёрдой уверенности в том, что речь в данном случае идет именно о главе Картлии нет.

В сочинении Джуаншера Джуаншериани в качестве места погребения Стефаноза вначале фигурирует Мцхета: «А честной прах его упокоили в Мцхете, в епископате, в погребальнице епископской»². Затем автор сообщает, что отец Арчила и Мира Стефаноз «помер и был погребен в Эгриси»,³ во время бегства их из Картлии. Рассказывая о последних днях Мира, Джуаншер свидетельствует о том, что старший сын Стефаноза просил брата упокоить отца «в Кутаисской церкви»⁴. Налицо значительные противоречия о месте последнего пристанища правителя Картлии. Примечательно, что в этом качестве ни разу не упомянут Атенский Сиони. Девятистрочная надпись о кончине Стефаноза Мампала в октябре 739 г. в Атенском Сиони сделана его сыном Георгием. Согласно Джуаншеру, сыновей Стефаноза звали Мир (Михр) и Арчил. Мира следует признать усопшим, по крайней мере, к 738 г. Нет оснований полагать, что Арчил мог носить второе – христианское имя «Георгий», поскольку ему посвящено известное произведение религиозного характера «Мученичество Арчила», автор которого в обязательном порядке упомянул бы об этом. Интересно, что грузинские исследователи оставляют без объяснения использование в титуле Мампала Стефаноза этнонима «менгрелы», а не «лазы» или «эгры».

По данным «Жизни Вахтанга Горгасала», вслед за изгнанием «сарацин», «пришел Арчил и утвердился в Эгриси до самого Шоропани»⁵, вскоре он вынужден перейти в Кахетию, с которой и была связана вся его последующая деятельность, и где он был упокоен после трагической гибели от рук арабов. Интересно, что в примечаниях к русскому переводу «Летописи Картли» М. Д. Лордкипанидзе отмечает, что в одной из поздних рукописей летописного свода «Жизнь Грузии» имеется приписка, указывающая на год кончины Арчила – 718 г.⁶ О причинах оставления им Лазики не общается. Умалчивает Джуаншер и о ситуации в лазских землях по отбы-

¹ Мамулия Г. Очерки по истории церковно-политического объединения Грузии (VIII – XI вв.) // Историко-культурный журнал «PPROMETHEUS», № 6. <http://chechen.org/archives/152>

² Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала / Перевод Г. В. Цулая. Тбилиси, 1986. – С. 101.

³ Там же. – С. 103.

⁴ Там же. – С. 105.

⁵ Там же. – С. 106.

⁶ Матиане Картлиса / Перевод, введение и примечания М. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1976. – С. 63. Прим. 4.

тии Арчила. «Летопись Картли» свидетельствует, что после мученической смерти Арчила, один из его сыновей Иован с матерью и двумя сестрами отправился в Эгриси, другой – Джуаншер, остался «в стране Картлийской и Кахетинской»¹. Авторам «Обращения Картлии» и «Истории и повествования о Багратионах» о деятельности правителя Картлии Джуаншера ничего не известно. Согласно данным «Мученичества Або Тбилисского», во второй половине VIII в. картлийскими эрисмтаварами являлись Адарнасе куропатат, затем его сын Нерсе, а после, племянник Адарнасе, сын Гургена эристава – Стефаноз². Сообщение этого автора особенно ценно, поскольку он был современником указанных лиц.

Отличный от Джуаншера и «Летописи Картли» сценарий развития событий в Западном Закавказье и в Лазике во второй половине VIII в., представлен в «Истории халифов» вардапета Гевонда. Армянский историк свидетельствует о том, что византийцы чувствовали себя в Лазике довольно уверенно, по крайней мере, до конца 70-х гг. VIII в. По словам Гевонда, Лазика стала прибежищем для Артавазда Мамиконяна – одного из организаторов антиарабского восстания 774-775 гг. в Армении. Поводом к нему послужило убийство Мамиконяном арабского сборщика податей в селении Кумайр. «Когда в Двин дошла весть о восстании сына Гмаяка (Артавазда Мамиконяна – Авт.), Махмет (арабский полководец – Авт.) собрал сильное войско и вместе со спарапетом армянским, Смбатом, сыном Ашота, и с другими нахарарами, пустился за мятежниками и нагнал их в Иверии, в области Самцхе. Овладев проходами (через которые они должны были пройти), Махмет возвратил часть добычи, а самих изгнал из Армении. Те бросились в страну Егерев и укрылись там, а Артавазд получил господство над Егериею и Вериею...»³. Если верить армянскому автору, то в отличие от бежавшего в Лазик в 703 г. ишхана Армении Смбата Багратуни, в качестве местопребывания, которого византийцами был определен Фасис, Артавазду Мамиконяну имперскими властями была передана в управление вся Лазика, и вероятно, земли в Тао. Остается не ясным, чем были мотивированы действия ромеев? Есть ли основания сопрягать назначение главой Лазики знатного армянского нахарара с возможным изменением статуса лазских земель после арабского нашествия 30-х гг. VIII в.? Известно, что пребывание Артавазда Мамиконяна в Лазике было непродолжительным. Уже во второй половине 70-х гг., при императоре Льве IV, он вливается в ряды высшей военной аристократии

¹ Летопись Картли / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. Тбилиси, 1982. – С. 47.

² Иоанн Сабанидзе. Мученичество Або Тбилиели // В кн.: Древнегрузинская литература (V – XVIII вв.). Тбилиси, 1982. – С. 58.

³ История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII в. / Перевод К. Патканьяна. СПб., 1862. – С. 96.

Византии – становится стратигом крупнейшей византийской фемы Анатоликон¹. Гевонд сообщает об участии Артавазда Мамиконяна в битве при Германикии 778 г.². Эти сведения дублируются «Хронографией» Феофана³. Тот факт, что управление лазскими землями было возложено на иноземца, а также, весьма короткий срок пребывания Артавазда в Лазике, и дальнейшее продолжение его карьеры в качестве стратига Анатолийской фемы, с большой долей вероятности, позволяют предполагать, что к середине 70-х гг. VIII в. Лазика была преобразована имперскими властями в территорию с провинциальным режимом. Таким образом, после военной экспедиции арабов 738 г. контроль со стороны империи над Западным Закавказьем не был утрачен или ослаблен. Пользуясь тяжелым положением разоренной арабскими завоевателями Лазики, византийцы попытались окончательно инкорпорировать ее в состав империи.

Между тем, «сложившаяся после победы над арабами благоприятная политическая ситуация способствовала выдвижению правителя Абасгии Леона I, в то время как другие области Колхиды были опустошены и обескровлены»⁴. Апсилия и Мисиминия серьезно пострадали от нашествия арабов. Апсилы лишились своего правителя. Из этнополитических образований Западного Закавказья после 738 г. только в Абасгии сохранилась местная правящая династия. Признавая сюзеренитет императора, ее представители сумели, последовательно отстаивая свои интересы, добиться большей самостоятельности, не в последнюю очередь, благодаря установлению связей с Хазарским каганатом. «... В результате политического объединения Абазгии и Апсилии образовалось раннефеодальное Абхазское княжество. В дальнейшем к нему присоединяются Мисиминия и Санигия»⁵. Реакция византийцев на эти события неизвестна, возможно, Константинополь решил до поры не противодействовать усилению Аносидов, нельзя исключать, что в расчет брались и родственные отношения последних с Македонской династией. Образовавшееся под эгидой абасгской династии – Абхазское княжество открыло путь к качественно новому этапу развития, становлению независимого государства – Абхазского царства.

В течение VIII в. власть Аносидов распространилась на все Западное Закавказье. В состав Абхазского княжества были инкорпорированы лаз-

¹ Харанис П. Армяне в Византийской империи / Перевод А. Р. Устьян. 2009. Лиссабон. 1963. – С. 15.

² История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII в. / Перевод К. Патканьяна. СПб., 1862. – С. 108

³ Летопись Византийца Феофана / Перевод В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского. М., 1884. – С. 330–331.

⁴ Искусство Абхазского царства VIII–XI веков. Христианские памятники Анакопийской крепости. СПб., 2011. – С. 10.

⁵ Абхазы. (Народы и культуры). М., 2007. – С. 65.

ские земли. Дата и характер присоединения Лазики к Абхазскому княжеству остаются предметом дискуссий специалистов. С. Н. Джанашия склонялся к тому, что включение Лазики в состав Абхазского княжества произошло в результате завоевания¹, однако большинство ученых, возражая против «тезиса» о насильственном характере присоединения Лазики к Абхазии отстаивали мнение о том, что он происходил мирным путем и был санкционирован империей². З. В. Анчабадзе писал: «византийское правительство рассчитывало, по-видимому, освободиться от всех забот по непосредственному управлению Лазикой и возложить их на Леона Абхазского»³. Касаясь же вопросов датировки данного события, он отмечал: «Присоединение Эгриси к Абхазии, скорее всего, могло произойти около 778 г., когда византийские войска одержали большую победу над арабами при Германикии и чувствовали себя достаточно сильными, чтобы разрешить Леону Абхазскому расширить подвластную ему территорию за счет Эгриси»⁴. На наш взгляд, византийцы не склонны были ослаблять свой интерес к столь важному для них региону, передоверяя контроль над Лазикой Леону, тем более желать усиления Абхазского княжества за счет лазских земель. Подобные действия входили бы в противоречие с основополагающими принципами внешнеполитической доктрины Византийской империи. Создание крупного политического образования, охватывавшего все Западное Закавказье, не могло соответствовать планам ромеев, грозило империи ослаблением её позиций в регионе, тем более в условиях сближения Абхазского княжества с Хазарией. Действительно, накануне образования царства в 80-х гг. VIII в. «степень зависимости абхазского владетеля от Византии была ... слабее, чем во времена Леона I»⁵.

Грузинские исследователи «факт объединения Абхазии и Эгриси» рассматривали как «явление исторически обусловленное» и видели в образовании Абхазского княжества, а затем и царства продолжение традиций по сплочению всего Западного Закавказья, заложенных Лазским царством⁶. Акцентировалось внимание на родственных связях абхазских правителей с наследниками Арчила, о которых говорится в

¹ Джанашия С. Н. Труды. Т. I. Тбилиси, 1949. – С. 89 (на груз. яз).

² Гунба М. М. Абхазия в первом тысячелетии н. э. (социально-экономические и политические отношения). Сухуми, 1989. – С. 230-231; Воронов Ю. Н. Колхида на рубеже Средневековья. Сухум, 1998. – С. 192.

³ Анчабадзе З. В. Избранные труды (в двух томах). Т. I. Сухум, 2010. – С. 335.

⁴ Там же. – С. 335.

⁵ Там же. – С. 337.

⁶ Цулая Г. В. Абхазия и абхазы в контексте истории Грузии (Домонгольский период). М., 1995. – С. 60-61; Очерки из истории Грузии. Абхазия с древнейших времен до наших дней. Тбилиси, 2009. – С. 130.

ряде источников. Присоединение Лазики к Абхазскому княжеству «Летопись Картли» связывает со смертью Иована и старостью Джуаншера, при этом ее автор ни Арчила, ни его сыновей не именовал царями. Согласно Вахушти Багратиони, подчинение Лазики Леону произошло еще при жизни Иована «и подчинялся [ему] весь Эгриси из-за родства с царем и относились к нему с честью. И после смерти Иованэ и Джуаншера отложился сей второй Леван и с помощью тех же хазар и при повиновении [жителей] Эгриси захватил весь Эгриси от Лихской горы до моря...»¹. Остается не ясным, по какой причине еще при жизни лазского царя, коим грузинский историк считает Иована, Лазика перешла в подчинение его родственника – правителя Абхазии. В то же время, в цитированном нами ранее агиографическом произведении «Мученичество Або Тбилисского», мы не находим свидетельств об «эгрисском царе» Иоване, брате правителя Картли. Грузинскому писателю Иоанну Сабанисдзе, приближенному картлийского правителя (эрисмтавара) Нерсе, лично побывавшему в Абхазии в 80-х гг. VIII в., Иован не известен. Сведения анонимной «Летописи Картли» о переходе Лазики по наследству от Арчила к его сыну Иовану и об осуществлении последним власти над лазскими землями в конце VIII в., противоречат и сообщению армянского историка Гевонда, о передаче Лазики Артавазду Мамиконяну византийцами. Таким образом, источникам VIII в., ничего не известно о картлийских правителях Лазики.

Для раннесредневековых летописцев и писателей история страны оставалась историей царской власти, и прошлое выступало как источник легитимации власти. На страницах летописей обосновывались исторические права династий, правивших в пределах созданных ими государств и политических образований. С этим и связана попытка грузинских средневековых авторов представить правителей чуждой им династии Аносидов наследниками картлийских царей в Лазике. Как уже было сказано выше, сведения о превращении в течение VIII столетия Лазики в наследственное владение картлийского правящего дома носят спекулятивный характер. О том, что ни основатель Абхазского царства, ни его преемники никоим образом не связывали получение власти над Лазикой с наличием родственных уз с правившей там ранее династией, указывает их титулование. Как представители дома Леонидов, так и первые Абхазо-Багратиды именовались исключительно «царями абхазов». Скорее всего, на момент перехода под власть Аносидов, Лазика уже была лишена собственной правящей династии и институтов самоуправления. Присоединение ее к Абхазскому княжеству произошло военным путем. Территория Лазики была оттор-

¹ Вахушти Багратиони. История царства Грузинского / Перевод Н. Т. Накашидзе. Тбилиси, 1976. – С. 220.

гнута от Византии Леоном II, воспользовавшимся внутривосточными неурядицами в империи.

Обратим внимание на сообщение «Летописи Картли» о том, что выход Западного Закавказья из подчинения византийских властей и образование Леоном II независимого Абхазского царства произошло при участии хазар. Очевидно, что, только располагая значительными военными силами, можно было решить триединую задачу, по установлению контроля над Лазикой, удержанию её в случае византийской агрессии и успешному противодействию попыткам повторного вторжения арабов в Западное Закавказье. Осуществление столь сложного военно-политического замысла было осуществлено при военной и политической поддержке каганата. «Абхазское царство стало первым независимым государством в Закавказье»¹.

¹ Кривов М.В. Византия и арабы в раннем Средневековье. СПб., 2002. – С. 128 .

О. В. Маан

К ЭТНИЧЕСКИМ ПРОЦЕССАМ В ЗАПАДНОМ ЗАКАВКАЗЬЕ В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В первой половине XIV века мегрельские мтавары Дадиани, по сведениям Вахушти, заняли территорию современной Юго-Восточной Абхазии и даже пытались включить в состав своего княжества новую территорию вплоть до реки Бзыбь. Дело осложнялось вмешательством Османской империи: с середины XVI в. мегрелы, признав над собой власть османов и получив от нее существенную военную помощь, возобновляют войну против абхазов и джигетов¹. Однако попытки правителей Мегрелии овладеть и западной частью Абхазии успеха не имели. Письменные источники подтверждают, что к 60-м годам XVII века мегрельский правитель Леван II Дадиани с помощью имеретинского царя и поддержки турецкого правительства, сумел установить границу своего княжества по нижнему течению р. Кодор. Это нашло отражение на карте «Азии, разделенной на свои главные регионы, и где простираются империи, монархии, царства и государства, составляющие современную Азию» 1695 г.²

Прохождение во второй половине XVII в. военно-политической границы между Абхазским и Мегрельским княжествами по р. Кодор, письменными источниками достаточно четко определяется исчислением расстояния до северо-западной этнической границы Абхазии того периода. Так, Жан де Лукка о местоположении Абхазии писал: «Абхазы населяют горы, простирающиеся до страны черкесов. На запад от них лежит Черное море, на восток – Мингрелия. Абхазия... простирается на 150 миль... Абхазы рассеяны до морского берега»³. Указанное расстояние (150 миль) следует

¹ Подробнее см.: Агрба Р. О. Абхазия и Высокая Порта // Абхазоведение. Вып. I. – Сухум. 2000. – С. 104 – 107.

² Карта «Азии, разделенной на свои главные регионы, и где простираются империи, монархии, царства и государства, составляющие современную Азию». 1695 г. Парижская нац. библиотека, Ge С. 8008 (1). Издано в Париже в 1696 г.

³ Джованни Лукка. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин // Кавказ: европейские дневники XIII – XVIII вв. Сост. В. Аталиков. – Нальчик. 2010. – С. 37 – 39. См. также: Табагуа И. М. Грузия в архивах и книгохранилищах Европы. Т. III. – Тб., 1986. – С. 155 – 171 (на груз. яз.).

отсчитывать от реки Кодор (Малый Кодор)¹, где согласно тому же автору, был расположен «первый пункт Мегрелии Скурча»², что составит, приблизительно расстояние до Туапсинского сектора. Здесь же нужно добавить, что по данным Дортелли Д. Асколи расстояние между кодорским мысом и Маметкале (близ Туапсе) составляло 160 миль³.

О прохождении в первой половине XVII в. этнической границы между абхазами и приморскими адыгами в районе мыса Кодощ, близ Туапсе, писал также Эвлия Челеби⁴.

В то же время, многие авторы северо-западные этнографические границы Абхазии отодвигали значительно дальше Туапсе⁵. Так, по утвержде-

¹ Это положение нуждается в определенном уточнении, так как еще во второй половине XIX – начале XX вв. основным руслом Большого Кодора служил Малый Кодор, – в районе нынешнего пункта Куараш (См.: Успенско-Драндский общежительный монастырь в Абхазии, на Кавказе, близ г. Сухума. Историко-археологическое описание Епископа Агафодора. – Ставрополь. 1894. – С. 5 – 6; Пахомов А. Исторические записки по истории Абхазии и князей Шервашидзе // Исторический вестник. Т.7. – Тб., 1957. – С. 298; Мачавариани К.Д. Описательный путеводитель по городу Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. – Сухум. 1913; – С. 226; Топографическая карта Сухумского округа. Хранится в фондах Управления по геологии, геодезии и картографии Республики Абхазия; Маан О. В. Очерки истории и культуры населения низовьев реки Кодор. – Сухум. 2004. – С. 8–10).

² Здесь также необходимо уточнить, что под пунктом Скурча, имеется в виду местность, расположенная у мыса Искурия (аналогичная местность Скурча в прошлом располагалась и в районе устья Малого Кодора). Расстояние же от мыса Искурия до мыса Кодор, по дорожной карте доходит – до 8 км., по морю, – исходя из современного состояния морского берега, – до 9 км.

³ Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). – Сухуми. 1959. – С. 299; Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. – М., 1973. – С. 52.

⁴ Челеби Эвл. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 3. – М., 1983. – С. 108. См. также: CHARTE LAN DERAM Caucasus nach den besten vor handenen Charlen, Reisen und astronomischen J. C. N. Reinecke». Weimar. 1810 // Отдел картографии Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

⁵ Боденштедт Ф. По Большой и Малой Абхазии. О Черкесии. (Редактор, предисловие, комментарии, послесловие Д. Чачхалиа). – М., 2002. – С. 151; Пейсонель М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 годах (В изложении Е.Д. Фелицина) // Материалы для истории черкесского народа. – Краснодар. 1990. – С. 29; Новый полный географический словарь Российского государства или лексикон. Ч. 1. 1788 г. – С. 2–4; Гамба Ж. Ф. Путешествие в Закавказье. Т. 1. – Тб., 1987. – С. 87; Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч.1. – М., 1823. – С. 58; Хан Гирей. Записки о Черкесии. – Нальчик. 1978. – С. 57, 76, 82; Карта «Россия в XV – XVII вв.» // Из атласа Е. Замысловского. – СПб., 1869; Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми. 1965. – С. 357; Ачугба Т. А. Этническая история абхазов. XIX–XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты. – Сухум. 2010. – С. 28–29, 78; Кварчия В. Е. О северном и северо-западном пределах Абхазии в XVII–XX вв. // Джигетский сборник. Вып. 1. – М., 2011. – С. 186 – 189. А в первой половине XVI в. источники зафиксировали абхазские поселения «...при реке Кубани» (Герберштейн С. Записки о московитских делах. – СПб., 1908. – С. 32; Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел... – С. 34).

нию М. Пейсонеля, абазы в его время проживали между Суджуком (Новороссийском) и Мегрелией¹. На карте Гамба, составленной в 1819 г. и приложенной к его сочинению, «Большая Абазия» занимает почти всю территорию от Ингура до Геленджика.

О широком распространении населения абхазского этнического корня по побережью Кавказа на севере, свидетельствуют также данные Гюльденштедта, Гамба², барона И. К. Аша³, Хан Гирея⁴, Люлье, Дж. Белла, С. Броневского и др. В состав «абазы» иногда включали и адыгов⁵, но, как правило, их не смешивали с абазой, подчеркивали ее этнокультурное своеобразие⁶. Так, М. Медичи, отметив, что «Абазы обитают от Сухума до Анапы»⁷ (считая тем самым западных адыгов абазой), подчеркнул, что «абазы, обитающие в районе Анапы, отличаются от остальных»⁸. По свидетельству Хан-Гирея, в первой половине XIX в. границы Черкесии с Абхазией простирались в 30-ти верстах юго-восточнее Геленджикского залива⁹.

Столь широкое распространение этнографических границ Абхазии на северо-запад объясняется, очевидно, тем, что термины «абхаз», «абаза», «абадзе», которыми обозначался этнически однородный массив, занимавший почти все Черноморское побережье Кавказа, имели общее, собирательное значение: так назывались у черкесов все «племена» абхазские в самом широком смысле слова, включая сюда и убыхов, объединявшиеся родством языков и культуры и жившие к югу от черкесов¹⁰. Вместе с тем, когда речь в источниках идет о проживании собственно абхазов до устья Кубани, они, очевидно, воспроизводили старую византийскую традицию времен существования «царства Абазгов», когда северная политическая граница царства действительно могла достигать Кубани.

Расселение абхазов в этот период далеко на северо-запад от Абхазии упоминается не только письменными источниками: об этом в одной из

¹ Пейсонель М. Исследование торговли на Черкесско-Абхазском берегу Черного моря... С. 29. См. также: Фрагмент Генеральной карты земель, между Черным и Каспийским морями лежащих. Автор: ген.-майор А. И. Хатов. – СПб., 1819 г.

² Гамба Ж. Ф. Путешествие в Закавказье... – С. 87.

³ Инал-ипа Ш. Абхазы... – С. 357.

⁴ Хан Гирей. Записки о Черкесии... – С. 57.

⁵ Анчабадзе Ю. Д. Абаза (К этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа) // КЭС. VIII. – М., 1984. – С. 143.

⁶ Там же. С. 144.

⁷ Меликсет-Беков Л.М. Pontica Transcaucasica Ethnica. По данным Миная Медичи от 1815–1819 гг. // СЭ. №2. – С. 170, 172.

⁸ Там же. – С. 172 – 174; Анчабадзе Ю. Д. Абаза (К этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа)... – С. 143 – 144.

⁹ Хан Гирей. Записки о Черкесии... – С. 57.

¹⁰ Генко А. Н. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанта. – М., 1955. – С. 7, 8; Инал-Ипа Ш.Д. Абхазы... – С. 357–358.

своих поэм («Абатаа Беслан») абхазский поэт начала XX в. И. Когониа говорит: «Живший в Шапсугии Зосхан Ачба, в свое время был большим человеком. Своей страной и народом правил он единолично»¹. Этот факт можно объяснить тем, что в древности контакты между адыгами и абхазами были более тесными и близкими; благодаря этому среди адыгов жили и абхазы².

Письменные источники свидетельствуют, что абхазы не просто расселялись на территории Шапсугии, но и приняли участие в исторической судьбе шапсугов, что подтверждается материалами первой половины XIX в. Так, согласно С. Броневскому, шапсуги образовались «от смешения черкесов, абхазов и частью татар...»³. В настоящее время считается общепризнанным, что этногенез адыгов в Шапсугии проходил в форме абхазо-убыхо-адыгского синтеза⁴. Также считают, что «в XVI – XVII вв. на территории шапсугов произошла массовая инфильтрация апсуаязычных элементов абазов и абазин, которые полностью ассимилировались среди них к концу XVIII в.»⁵ Правда, исходя их вышеприведенных источников о широком распространении абхазского элемента далеко на северо-запад от Абхазии, абхазы, по-видимому, и ранее проживали на территории расселения шапсугов. Хотя, и, несомненно, в связи с внешними угрозами, внутренними междоусобицами, межплеменными браками и т. п., имели место частые передвижения абхазских и адыгских локальных объединений на этой территории, тем более, что границы и рамки «племен» не были закрытыми. При этом, шапсуги периода позднего Средневековья, перемещавшиеся в Абхазию, еще до своего переселения, уже владели абхазским языком⁶ (и часть бжедугов, еще в середине XVII в., согласно Эвл. Челеби, разговаривала на абхазском языке)⁷. В качестве одного из примеров миграции адыгского населения в сторону Абхазии можно сослаться на то, что древний натухайско-шапсугский дворянский род Бирджь⁸ даже оставил свое имя в названии поселка Бырць в селе Кяласур в нынешнем Гулрышском районе

¹ Когониа И. А. Сборник стихов и поэм. – Сухуми. 1955. – С. 65.

² Бигуаа В.А. Садзы в абхазском фольклоре и литературе // Джигетский сборник. Вып. 1. – М., 2012. – С. 209.

³ Новейшие известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. В 2-х т. – СПб., 2004. – С. 152.

⁴ Надюков С. А. Шапсуги в культурно-историческом пространстве Северо-Западного Кавказа. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Майкоп. 2006. – С. 14.

⁵ Там же. С. 17.

⁶ Маан О. В. Абжуа. Историко-этнологические очерки Очамчирского района Абхазии. – Сухум. 2006. С. 390.

⁷ Челеби Эвл. Книга путешествий. Вып. 2.... – С. 53. Эвл. Челеби писал также о том, что в походе на Астрахань участвовало 3 тыс. абхазов. По возвращении из набега, они были поселены в Черкесстане. Поселенцы общались между собой на абхазском языке и поддерживали связи с родственниками из Абхазии (Челеби Эвл. Указ. раб. – С. 54).

⁸ Люлье Л. Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи. – Перемышль. 1990. – С. 21.

республики¹. Предполагается также абхазское происхождение отдельных шапсугских и абадзехских родов (С. Хотко)².

В любом случае, совершенно очевидно, что абхазы сыграли заметную роль в судьбе шапсугов, вследствие чего, не случайно, надо полагать, «шапсуги в свидетельствах XVIII в. и ранее (например, у Эвл. Челеби)..., включались в абазинский массив»³ (под абазинами здесь следует иметь в виду собственно абхазов, так как абaziны, по мнению Ш. Д. Инал-Ипа, не только в указанное время, но и значительно раньше в основном жили уже на Северном Кавказе)⁴. Причислять шапсугов к адыгам начали с конца XVIII – начала XIX вв.⁵

На протяжении XVII – XVIII вв. происходило систематическое сокращение северных этнических границ и ареала расселения абхазов к югу, что было связано с черкесской миграцией на юго-восток⁶ и ассимилятивными процессами (уменьшение границ Абхазии происходило и по причине постепенного наступления со стороны Анапы, по побережью в южном направлении турок-османов). В результате этих процессов на северо-западной окраине Абхазского княжества в XVII–XVIII вв. формируется смешанный абхазско-«черкесский» этнический массив, с тенденцией сокращения в нем ареала распространения абхазов и абхазского языка.

Между тем, некоторые современные авторы «крайней южной границей Черкесии» называют р. Бзыбь⁷. По их мнению, «земли севернее р. Бзыбь грузинские источники называли Джигетией, происходящей от этнони-

¹ Кварчия В.Е. Историческая и современная топонимия Абхазии (Историко-этимологическое исследование). – Сухум. 2006. – С. 137.

² Так, среди абадзехских фамилий Л. Люлье ещё в XIX в. упоминал Ту (ср. с абх. Туйба), Нашь (абх. Нашаа, Анашба, Аншба), Бат (Абатаа), Бгане (Бганба), Хаху (Ахахуба, Хахубиа), Кудь (Кудба), Куадже (ср. с Куджба) и т.д. (Люлье Л. Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи... – С. 20). При этом, сам термин «абадзехи» (адыг. «абзэх», каб. «абзэх»), как видно, вполне созвучен адыгскому названию абхазов «абазэ» и эндоэтнониму «апсуа». Эти данные, по словам Р. Бетрозова, говорят о том, что окончательное формирование части адыгов (абадзехов и др.) происходило под сильным языковым и культурным воздействием этнически и географически близких им абхазов (Бетрозов Р. Этническая история адыгов. – Нальчик. 1996. – С. 199).

³ Сивер А. В. Шапсуги: этническая история и идентификация. – Нальчик. 2002. – С. 7.

⁴ Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы... – С. 360, 371.

⁵ Сивер А. В. Шапсуги: этническая история и идентификация...С. 7. Небезынтересно отметить, что в Шапсугии встречаются пастушеские собаки, которые известны под названием «абхазская собака» (Кварчия В. Е. Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке. – Сухуми. 1981. – С. 100).

⁶ Кварчия В. Е. О северном и северо-западном пределах Абхазии в XVII–XX вв... – С. 187.

⁷ Надюков С. А. Шапсуги в культурно-историческом пространстве Северо-Западного Кавказа... – С. 20; Кагазеев Ж. В. Борьба адыгов (черкесов) за национальную государственность: исторический аспект (XIV – первая половина XVI вв.). Автореф. дисс. на соиск. учен. ст. канд. ист. наук. – Нальчик. 2009. – С. 18. Его же. Территория расселения адыгов в XIV – XV вв. //ВИ, №1. 2009. – С. 155.

ма джих(зих) – адыг»¹. Следует подчеркнуть, что территория Джигетской Абхазии или Садзена, между р. Бзыбь (чаще – к западу от совр. Гагры) и Сочи, получила свое название по имени территориальной группы садзов (джигетов) – одной из составляющих абхазский этнос². Если в грузинских и византийских источниках этноним джихи (зихи) выступает иногда как собирательное наименование адыгских, а нередко и шире – абхазо-адыгских племен, то, по мере уточнения сведений об этнической ситуации в регионе (с XVI в.) им стали обозначать только абхазскую народность садзов³. Так, К. Ф. Ган «Джигетией» называет «страну, населенную джигами» – племенем, жившим между убыхами и абхазами и родственным последним⁴. По словам И. Шницлера, «абазами являются авхазы, самурзаканцы, цебельдинцы или цамбал, садзуа или джигеты...»⁵. Утверждения со ссылкой на Л. И. Лаврова о том, что «р. Бзыбь старики абхазцы считают исторической границей Абхазии, а жившие за Бзыбью племена асадзуа не признаются ими абхазами»⁶, противоречат всем основным историческим источникам, в которых, в частности, Садзен, не случайно называется «Малой Абхазией»⁷, в отличие от остальной, т. е. «Большой Абхазии», простиравшейся от р. Бзыбь до Ингура⁸. Важно в этой связи подчеркнуть, что джигеты, кроме того, что называли себя садзами (асадзуа, садзуа) именовали себя также «азегами»⁹, т. е. названием абхазов, встречавшимся в этнографической литературе XIX века¹⁰.

¹ Кагазежев Ж. В. Борьба адыгов (черкесов) за национальную государственность. Там же.

² Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его Кавказские материалы... – С. 110. Его же. Труды. I том. – Сухум. 2014. – С. 138.

³ Инал-Ипа Ш. Д. Садзы. Историко-этнографические очерки. – М., 1995. – С. 18, 131; Маан О. В. К этнической ситуации в северо-западной Абхазии и прилегающем регионе в XVIII – первой половине XIX вв. // Четвертая Абхазская Международная археологическая конференция. Тезисы докладов. – Сухум, 26 – 30 ноября 2013 г. – С. 68 – 70.

⁴ Цит. по: Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. – Нальчик. 1974. – С. 173. См. также: Ковалевский Е. П. Очерки этнографии Кавказа // Вестник Европы. Т. III. – СПб., 1867.

⁵ Шницлер И. Царская империя с точки зрения современной науки. Т. II. – Париж-Страсбург. 1862. – С. 664 (на франц. яз.).

⁶ Лавров Л. И. Этнография Кавказа. – Л., 1982. – С. 86; Кагазежев Ж. В. Территория расселения адыгов в XIV – XV вв... – С. 155.

⁷ Дьячков-Тарасов А. Н. Гагры и их окрестности (в историко-географическом отношении) // ЗКОИРГО. Кн. XXIV. Вып. 1. – Тифлис. 1903. – С. 3, 42.

⁸ Инал-Ипа Ш. Д. Садзы... – С. 55.

⁹ Дьячков-Тарасов А. Н. Гагры и их окрестности... – С. 76.

¹⁰ См. ст. анонима «Абхазцы. Азега» // ССКГ. Вып. VI. – Тифлис. 1872. Л. Я. Люлье назвал свою работу так: «Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми Черкесами (Адыге), Абхазцами (Азега) и другими, смежными с ними» (1857). А немецкий автор Ф. Боденштедт, лично изучивший эти края в середине XIX в. относительно этнической принадлежности и самосознания садзов писал: «Жители Абхазии (т. е. «Большой Абхазии» – О. М.) и Джигетии сами себя называют апсуа, а свою общую страну – Апсне» (Боденштедт Ф. По Большой и Малой Абхазии. О Черкесии... – С. 127). См. также:

Некоторые авторы заявляют и то, что анализ образцов «садзского (джигетского) языка показывает, что они являются адыгскими»¹. Другие, со ссылкой на Вахушти, пишут, что, хотя по грузинскому историку «Джикети является страной «по всему абхазской», но в это «все» не включен язык»². Но вряд ли здесь историк счел нужным отдельно выделять абхазский язык, так как его Вахушти, очевидно, включал в понятие «страны по всему абхазской» ибо, именно язык является основным признаком, что отличает абхазов от адыгов. Если же садзы говорили на языке, отличающемся от абхазского, то Вахушти это бы подчеркнул. Вместе с тем, хорошо известны документальные подтверждения тому, что садзы-джигеты сохраняли несомненную языковую общность с остальным населением Абхазского княжества³. По свидетельству Ю. Г. Аргун, проживающие в Турецкой Республике садзы-джигеты и сегодня сохраняют родную абхазскую речь⁴. При этом, по утверждению В. А. Чирикба, в садзском «не прослеживается какого-либо значительного убыхского или адыгского влияния, и тем более субстрата»⁵. Обращает на себя внимание и то, что Вахушти рассматривает Абхазию и ее народ не только в определенном этнокультурном и политическом единстве с Джикетией и джиками, но и само двуединое словосочетание «абхазо-джики»⁶.

Согласно Ф. Торнау, население, проживавшее «на реке Саше, или Сочи» «не суть чистые абазины» (в смысле абхазы), а представляло собой смесь «трех сопредельных племен – абхазского, убыхского и черкесского, язы-

Берже Ад. Краткий обзор горских племен на Кавказе. – Тифлис. 1858. С. 6, 8; Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Кн. II. Закавказье. – СПб., 1871. – С. 1.

¹ Бгажноков Б. А. К вопросу о возникновении и рубежных территориях Черкесии // Исторический вестник. – Нальчик. 2006. С. 147; Кагадзе Ж. В. Территория расселения адыгов в XIV – XV вв... – С. 155.

² Хотко С. Джигетия в грузинских источниках. Цит. по: <http://www.tamge.ru/index.php?newsid=60>.

³ Званба С. Т. Абхазские этнографические этюды. – Сухум. 1982. С. 6; Инал-Ипа Ш. Д. Садзы... – С. 49 – 58; Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его кавказские материалы...С. 105. Его же. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. – Сухум. 1958. – С. 19.

⁴ Аргун Ю. Г. Об этнической ситуации между Сочи и Гагрой в начале XIX в. // Джигетский сборник. Вып. 1. – М., 2012. – С. 17.

⁵ Чирикба В. А. Расселение абхазов и абазин в Турции // Джигетский сборник. Вып. 1. – М., 2012. – С. 31.

⁶ Картлис цховреба. Т. IV. – Тб., 1973. – С. 30 (на груз. яз.); Абхазия и абхазы средневековых грузинских повествовательных источников. Грузинские тексты на русский язык перевел, предисловием и примечаниями снабдил Г. А. Амичба. – Тб., 1988. – С. 163. Следует также подчеркнуть, что абхазские владетели не только имели большое влияние на Джигетию, но последняя иногда даже входила в Абхазское княжество, хотя бы формально, как это имело место, например в 1841 г., вскоре после образования Джигетского (Садзского) приставства, причисленного к Абхазии (Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке... – С. 17 – 19).

ками которых и говорят»¹. Вследствие постоянных непосредственных контактов и интенсивных смешений, местные жители, и особенно мужчины, несомненно, хорошо владели как родным, так и соседними языками. Упоминание в цитате абхазов первыми свидетельствовало о большем распространении абхазского языка в местности, занятой современным центральным районом г. Сочи.

В местах расселения садзов Ф. Торнау называет топонимы Сочипсы или Облагукуадж (куадже по-адыг. «селение, аул»), Гечкуадже (Гечрыпш), Цанкуадже (Цандрыпш)². Адыгские окончания названий населенных пунктов на территории проживания садзов, приводимые Ф. Торнау, вряд ли, являются, как думают некоторые авторы³, свидетельством компактного проживания здесь адыгов, поскольку, тогда и на территории к юго-востоку от Бзыби, например, в Цебельде, также должны были проживать адыги, ибо он был известен среди черкесов как Херпыскуадж⁴ (аул Хрыпса (Маршан). Разумеется, нельзя исключать проживания в Джигетской Абхазии отдельных групп адыгов, как и другого некоренного населения. Например, в с. Сочипсы (Облагукуадж) проживало небольшое число турок⁵ (пункты между Гагрой и Сочи носили и турецкие названия; так, Гечрипш, помимо адыгского Гечкуадже, по-турецки назывался Гечиллер, р. Сочи – Сучали и т. д.)⁶.

Наличие абхазо-адыгских топонимов в северо-западной Абхазии можно объяснить не только проживанием на этой территории каких-то групп адыгов, двуязычием и многоязычием населения от Гагры и далее, как это имело место в районе р. Сочи, но и тем, что запись указанных топонимов Джигетской Абхазии была осуществлена со слов соседних убыхов или шапсугов. О том, что Геч-Куаджем называли поместье Геч(ба) чер-

¹ Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его Кавказские материалы... – С. 110. Сообщение Ф. Торнау о том, что происхождение владетеля Сочи князя Али Ахмета Облагу «от племени адыга» (Там же. С. 106), скорее всего было записано со слов адыгейцев. Между тем, название Аублаа как Облагу, неизвестно среди представителей абхазской диаспоры в Турции. Там фамилия произносится только как Аублаа. По утверждению О. С. Бейгуаа, «Облагу является производным от абхазской Аублаа (Бейгуаа О. Б. Убыхи... – С. 147. См. также: Хотелашвили-Инал-Ипа М. К. К истории рода сочинских князей Аублаа // Джигетский сборник. Вып. 1. – М., 2012. – С. 143 – 159).

² Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его Кавказские материалы... – С. 105 – 106.

³ http://elot.su/index.php?option=com_content&task=view&id=464.

⁴ Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его Кавказские материалы. – С. 110. Согласно Л. Люлье «Замбал или цебельдинцы, известные у черкесов под названием Хирпсь-Куаджъ». (Люлье Л. Я. Черкесия... – С. 9); Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа... – С. 27.

⁵ Анчабадзе Ю. Д. Абаза (К этнокультурной истории народов Северо-Западного Кавказа). – С. 150.

⁶ Дюбуа де Монпере Фредерик. Путешествие вокруг Кавказа. Т. 1. – Сухуми. 1937. – С. 89, 90; Чачхалия Д. К. Историческая топонимика Большого Сочи середины XIX века // Джигетский сборник. Вып. 1. – М., 2012. – С. 197, 203.

кесы (шапсуги), имеется указание в книге Э. Мартеля¹. Следует указать и на убыхо-шапсугское название речки, впадающей в море к юго-востоку от пос. Лазаревское – Цускуадж (правильно Чухкуадж) или абхазское Чухукт². Абхазское кыта (село) равнозначно адыгскому куадже. Название Чух увязывается с одноименным родом³ (фамилия Чух или Чух-ипа до своего выселения в Турцию в 1864 г., проживала и на территории современного Гулрыпшского района Абхазии)⁴. Обращают на себя внимание и другие топонимы и гидронимы Большого Сочи, например, селение Сумхрипш (еще ранее А. Д. Нордман называл этот пункт «Сумхурипши»)⁵, располагавшееся на расстоянии одного часа ходьбы от моря «по обе стороны р. Удапс» (р. Кудепста, протекающая в Хостинском районе г. Сочи). Сумхарипш относится к кругу абхазских топонимов с элементом «рыпшь», что означает «край, земля, владение» и дословно переводится как «владение рода Самехуа/Самахуа (ср. Гумрыпшь, Гулрыпшь, Звандрыпшь, Дэрыпшь и т. д.). Фамилия Самехуа представлена среди абхазских эмигрантов в Турции⁶; Эшхорипш – «владение рода Эшба»; Хунджа – историческое поместье одноименных дворян, располагавшееся в центре совр. Сочи (антропоним Хунджа следует, по нашему мнению, увязать с ныне абхазской фамилией Мхонджиа); гидроним Фагуркадзе-Фагурхуа-дзы (совр. Дагомыс) досл. значит «речка Фагурхуа» (от фамилий Фагу)⁷; Шхангерипацвареху (возвышенность, спускающаяся к морю справа от р. Сочи к парку «Ривьера», букв. из абх. «холм сыновей Шхангирея»⁸ и др.

Об этническом составе населения Садзской Абхазии свидетельствуют, прежде всего, фамилии проживавшего здесь до выселения в 1864 г. в Турцию населения. Главными фамилиями высшего сословия «Малой Абхазии» являлись Аринба, Арыдба (занимал территорию совр. курорта Сочи), Гечба (в устье р. Псоу и выше), Цанба (в районе совр. Цандрипша), Мкялба (совр. Мкелрыпш), Ачба (Гагры), Хамышь (в бассейне Хосты). В междуречье Бзыби и Псоу также проживали носители следующих садзских фамилий: Аекба, Ачыгуба, Аикуцба, Ацыцба, Чызмаа, Лахуарба, Ашба, Акуджба, Ажваджба, Атрышба, Акшындба, Джишвба, Асамамба, Хакушьаа, Рацв-

¹ Мартель Э. Кавказская Ривьера. Путешествие по югу России и по Абхазии. – М., 2004. – С. 170, 173.

² Кишмахов М. Х.-Б. Проблемы этнической истории и культуры убыхов. – Сухум – Карачаевск. 2012. – С. 155.

³ Инал-Ипа Ш. Д. Садзы... – С. 73.

⁴ Маан О. В. Гулрыпшский район Абхазии. История, этнография. – Сухум. 2013. – С. 109.

⁵ Путешествие профессора Нордмана по Закавказскому краю // ЖМНП, №11. 1838 г. – С. Петербург. 1838. – С. 12. См. также: Инал-Ипа Ш. Д. Страницы исторической этнографии абхазов. – Сухуми. 1971. – С. 283 – 290.

⁶ Там же.

⁷ Там же. – С. 203.

⁸ Там же. – С. 205.

ба, Акитасба, Ашвамейба, Акудба¹, Амаба, Атчаа, Бейа, Гуажба, Каитанба, Лушба, Пашвба, Папба, Патей-ипа, Салихо, Цахуба, Швмейба, Шхараа и др. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы о более чем ста фамилий междуречья Бзыби – Псоу свидетельствуют о том, что подавляющее большинство из них, за редким исключением, носит абхазские фамилии.

Об историческом, культурно-духовном и языковом единстве населения всей Абхазии (Большой и Малой) до массового выселения садзов в 1864 г., свидетельствуют песни и сказания о известных садзских героях – Пшкиач-ипа Манче и Баалоу-пха Мадине, Инапха Киагве, Аджыр-ипа Данакае, которые сохранились в устно-поэтическом творчестве исторической Абхазии и не обнаруживаются в адыгском фольклоре². В то же время садзы, по сравнению с абхазами Большой Абхазии, из-за территориальной близости постоянно общались с убыхами и западноадыгскими субэтносами и обществами, что не могло не отразиться на их языке и образе жизни³.

Что касается распространенного в русскоязычной исторической литературе обозначения садзов и ахчипсы в качестве «южных абазин»⁴, то оно вряд ли соответствует истине. Специалисты-абхазоведы утверждают, что этноязыковое и культурное единство садзов-джигетов, ахчипсы и др. с остальными абхазскими (южнокавказскими) группами легко обнаруживается при общении с представителями данных групп, при изучении их языка, фольклора, культуры и быта⁵. Все это лишает всякого основания употребление искусственного термина «южные абазины» по отношению к этим западноабхазским этнографическим группам⁶.

Некоторые авторы считают, что на территории Абхазии топо-гидронимов с содержанием «псы» к северу от Бзыби большое количество, тогда как к юго-востоку таковые почти не встречаются⁷. По мнению С. Хотко, с учетом показаний по этому вопросу письменных источников XVII–XIX вв., гораздо убедительнее, объяснять этот факт влиянием адыгского языка на территории Садзена – Джигетии и билингвизмом садзов⁸. В этой

¹ Основа данной фамилии обнаруживается в составе топонима Кудепста (букв. ущелье Кудбовых/Акудбовых) (Бгажба Х.С. Этюды и исследования. – Сухуми. 1974. – С. 161).

² Бигуаа В.А. Садзы в абхазском фольклоре и литературе... – С. 212, 214.

³ Там же.

⁴ Лавров Л. И. Обезы русских летописей // СЭ. 1946. №4. Его же. Абазины // КЭС. I. – М., 1955. – С. 8; Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. – М., 1974. – С. 43, 80; Ворошилов В. И. Топонимы Российского Черноморья. – Майкоп. 2005. – С. 15 – 16. Его же. История убыхов. – Майкоп. 2006.

⁵ Чирикба В. А. Расселение абхазов и абазин в Турции... – С. 31– 32; Аргун Ю. Г. Об этнической ситуации между Сочи и Гагрой в начале XIX в... – С. 14, 16 – 18.

⁶ Там же.

⁷ Федоров Я. А. Топонимика Западного Кавказа и некоторые вопросы его этнической истории // Из истории Карачаево-Черкесии. – Черкесск. 1974. – С. 281; Бондарев Н. Д. В горах Абхазии. – М., 1981; Ворошилов В. И. История убыхов... – С. 137.

⁸ <http://www.adygvoice.ru>.

связи следует остановиться на нескольких моментах. Во-первых, знакомство садзов с адыгским языком (по Эвл. Челеби, садзы «свободно говорят на черкесском и абхазском языках»)¹, не удивительно, так как оно было следствием многосторонних этнокультурных контактов² с соседними черкесами, без знания языков которых нельзя было свободно общаться, осуществлять хозяйственные и другие связи. Во-вторых, объяснение наличия в абхазском элемента «пс» влиянием адыгского языка, не может быть признано верным по той простой причине, что основа «пс» является общим достоянием абхазо-абазинского, убыхского и адыгского языков³. Характерно в этой связи абхазское словосочетание «адзы-псы» в значении «вода», говорящее о том, что и абхазы некогда употребляли слово «псы» для обозначения воды⁴. Кроме того, в абхазском, элемент «псы» имеет еще значение «души», «жизни», «смерти» (вообще, специалистами выявлены около 300 словарных единиц на «пс» у абхазов и более 90 словарных единиц на «пс» у адыгов). Следовательно, многозначность «пс», говорит о том, что в абхазском он лучше сохранил свою наиболее архаическую природу⁵. Что касается большего распространения топонимов с основой «пс» в западной и отчасти центральной Абхазии (Анакопста, Агпста, Псырдзха, Гумпсы и др), то это объяснимо большим сохранением названий на «псы» в зоне бзыбского диалекта и далее на северо-запад. В то же время, правда, мы должны подчеркнуть, что имеется немалое количество примеров названий топо-гидронимов и в Юго-Восточной Абхазии, содержащих корень «пс» в значении воды. Таковыми являются: Аджапс (недалеко от Скурчи), Аджупсан (название с. Адзюбжа в письменных источниках), Алкэапста (Алкуапста) – название и реки, и горы; псҚал (предгорная местность), Еграпста (река), Зеикэапста (Дзейкуапста), Мсыбыста (от Мсыбыцста, как и Гумиста – Гумпста), Баркэапста (Баркуап апста), Хыш ицста, Агэрапста (Агурапста) и др. Как отмечает Ш. Д. Инал-Ипа, абхазские названия рек на «пс», «псы», «пста», подтверждают факт использования и в древнеабхазском языке элемента «пс» для обозначения воды и реки, как это мы имеем и теперь в адыгских языках⁶.

¹ Челеби Эвл. Книга путешествия... Вып. 3... – С. 104. См. также: Дьячков-Тарасов А. Н. Гагры и их окрестности... – С. 77 – 78.

² Анчабадзе Ю.Д. Абаза... – С. 153.

³ См. напр.: Аристава Ш. К. К этимологии Мацеста//Труды АГУ. Т. IV. – Сухуми. 1986. С.68; Гублиа Р. К. Очерки по абхазской этимологии. – Сухум. 2013. – С. 321.

⁴ Ср. также: асы-8са – ледник, досл. «снежная вода», а8с-0а – ущелье, досл. «место воды» и др.

⁵ Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухуми. 1976. – С. 360 – 361.

⁶ Там же. – С. 214, 221 – 222; Кварчия В. Е. Историческая и современная топонимия... – С. 44 – 45.

Приведенные сообщения письменных источников дают достаточно оснований сделать вывод о сложных этнокультурных процессах, постепенном сокращении северных этнических границ и ареала расселения абхазов, одной из причин которого были ассимиляционные процессы, интенсивные процессы смешения абхазов и адыгов, в результате чего там складывается полиэтничное население. Это население сложилось здесь в ходе постоянных миграций и чересполосного расселения народов, соседствовавших и контактировавших друг с другом на протяжении тысячелетий¹. Что касается постепенного сокращения северных этнических границ и ареала расселения абхазов, то по этому поводу Н. Я. Марр писал: «...постепенно абхазы оттеснялись не только с севера, но и от моря в горы, и не удивительно, что и приморские населенные пункты южнее, в пределах нынешней этнографической Абхазии, сохранившие абхазские названия, менее всего насчитывают в своей среде абхазский элемент; иногда в них не бывает ни одного абхаза... Чем севернее, тем более оторвано от абхазского населения лежат те приморские пункты, местные названия которых, будучи исконного происхождения, находят свое объяснение в абхазском лингвистическом материале»². К сказанному следует добавить, что процесс сокращения северо-западных этнических границ Абхазии затянулся вплоть до XIX столетия³.

¹ Маан О. В. К этнической ситуации в северо-западной Абхазии... – С. 68 – 70.

² Марр Н.Я. О языке и истории абхазов. – М. –Л., 1938. – С. 399.

³ Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии... – С. 299.

Т. А. Ачугба

О «ВОССТАНИИ» И ДЕПОРТАЦИИ АБХАЗОВ 1877 Г.

В 1877 году в Абхазии был осуществлен последний и самый крупный этап массового выселения абхазов в Османскую империю. В результате, к ранее оголенным регионам исторической Абхазии: Садзен и Псху – в 1864 г., Дал и Цабал – в 1867 г., прибавились опустевшие от автохтонного населения Гума, с городом Сухум, все приморские и большинство предгорных сёл. Древнейшая страна абхазов фактически была опустошена. Однако с депортацией подавляющей части абхазов не завершилась трагедия народа. Оставшиеся на родине абхазы, за исключением жителей Юго-Восточного региона, где стояли российские подразделения, официально были объявлены «виновным» и «временным» населением своей страны, со всеми вытекающими отсюда социально-экономическими и политическими последствиями, а депортированным абхамам в Османскую империю – возвращение на родину было запрещено¹.

Причиной столь жестокого обращения к коренному народу Абхазии, официальные власти объявили факт «восстания» абхазов против российских властей. В действительности же, исследование имеющихся материалов, дает достаточно оснований утверждать, что данная оценка необъективна, и далеко не такая уж однозначная, как это было представлено в донесениях и заключениях властей. Несмотря на сложные отношения между местным населением и военно-чиновничьим аппаратом Сухумского военного отдела, с началом Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг., лидеры абхазского народа предложили военным властям два варианта поведения абхазов, в случае превращения территории Абхазии в театр боевых действий – воевать на стороне российских войск, или же – придерживаться нейтралитета.

В частности, абхазы предложили властям своё сотрудничество в деле обороны страны; подавляющая часть всех без исключения регионов Абхазии, изъявила желание поддержать российские власти, чтобы объединёнными силами оказать вооруженное сопротивление турецким агрессорам. Ещё до начала новой русско-турецкой войны, в ноябре и декабре 1876 года из коренных жителей Абхазии был сформирован Сухумский конно-ирре-

¹ Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми. 1982; Лакоба С. З. Очерки политической истории Абхазии. – Сухум. 1990.

гулярный дивизион (командир – полковник Григорий Чачба-Шервашидзе). Накануне войны речь идёт уже о четырёх сотнях конной милиции, сформированных из числа жителей Бзыбской, Гумской и Абжуйской Абхазии. А самурзаканские абхазы сформировали: 6 сотен конно-иррегулярного полка, 5 сотен конно-иррегулярной милиции и 3 сотни пешей милиции¹.

Безусловно, причин для протеста у абхазов, помимо подавления восстания 1866 г. и массовой депортации соотечественников за пределы родины, было предостаточно – это упразднение Абхазского государства, репрессивный административно-полицейский режим, разоружение народа, неоднозначные результаты реформы, тяжелые для семейного бюджета налоги и штрафы, жесткие методы распространения христианства «людьми неспособными для этого, и на чуждом для абхазцев грузинском языке»². Эти и другие невыносимые условия жизни, выливались в различные формы протеста. Вместе с тем, лица, подозреваемые в совершении противоправных действий, в итоге подчинялись правосудию российских властей. Все это яркое свидетельство того, что в связи с реальной угрозой военных действий на территории Абхазии, идея восстания против политики российских властей перешла на второй план, и надвигающаяся новая угроза на первое место выдвинула проблему защиты Родины.

Однако с первых же дней появления турецких кораблей на побережье Абхазии, российские власти резко стали размежеваться от местного населения. Это, несмотря на то, что абхазское население и в дальнейшем предпочтению отдавало позиции, заключающейся в оказании сопротивления турецкому десанту совместно с русскими войсками. По данным одного из источников, в ночь с 29 на 30 апреля, близ Пицунды, доставленный разведчиками на турецкий пароход местный житель сообщил адмиралу Гусейн-паше, что абхазское население не поддерживает турок. «Держать какой-нибудь совет с абхазцами и просить у них помощи, – говорил он, – не поможет делу, так как большинство абхазского населения решительно за русских»³.

Рассчитывая на русское командование, согласно информации газ. «Русский мир» (1877, №142), только в Сухум из окрестных сёл собралось до 8 тысяч молодых абхазов, для участия в войне против турок, но – безуспешно; российское военное командование открыто игнорировало желание абхазов получить оружие для отражения турецкого десанта⁴. По сообщению А. Н. Дьячкова-Тарасова, абхазы предложили генералу П. П. Кравченко – начальнику Сухумского военного отдела, назначить командиром

¹ Дзидзария Г. А. Указ. соч. – С. 359.

² [Введенский А.]. Письмо об Абхазии. // Газ. «Кавказ». №222, 3 ноября 1877 г.

³ Мачавариани К. Д. Народные смуты в Абхазии. Газ. «Голос». №198, 19 июля 1878 г.

⁴ Мачавариани К. Д. Из моего дневника // Журн. «Моамбе». №9, 1895. На груз. яз.

объединенной абхазской милиции весьма популярного в народе боевого полковника русской армии Алмахсита Маршан¹. Однако глас народа не был услышан.

Тем временем, события 3 мая 1877 года перечеркнули все надежды абхазов на совместное спасение Абхазии и ее народа от новой трагедии. Этот день стал своеобразной точкой отчета абхазо-турецкого противостояния – с одной стороны, и абхазо-российского – с другой. В этот день российские военные подразделения, дислоцированные в Абхазии покинули г. Сухум и другие стратегически важные населённые пункты и направились через Цебельду к берегам р. Ингур, а турецкое командование перешло к активной фазе боевых действий на суше и на море. К сожалению, была повторена практика Крымской войны (1853–1856 гг.), когда российские подразделения также бесславно покинули Абхазию. На этот раз, на произвол судьбы были оставлены не только абхазское население, но и часть чиновничьего аппарата русской администрации и новых русских колонистов².

Сдача Сухума российскими войсками без боя, ими же была использована для усиления ненависти, враждебности военных и колонистов к абхазскому населению. Как сообщала российская пресса, русские солдаты виновными в том, что Сухум без боя был оставлен туркам, считали абхазов, а не генерала П. П. Кравченко. По словам корреспондента одной из русских газет Г. Лебединца, «солдаты были ужасно злые на абхазцев... и постоянно говорили о том, как бы поколотить бунтовщиков»³. На самом деле, в сдаче Сухума, как и в целом в военных неудачах в Абхазии были виновны не абхазы, а командир войск в Абхазии генерал П. П. Кравченко, кутаисский генерал-губернатор Д. И. Святополк-Мирский и командование российских войск на Кавказе, во главе с великим князем М. Н. Романовым. По этому поводу военный министр России Д. А. Милютин открытым текстом писал: «Видно одно – неуверенность и трусливость как в самом главнокомандующем (М. Н. Романов), так и в его помощнике, князе Мирском»⁴. А «вина» абхазов заключалась в том, что они не могли убедить начальство Сухумского отдела вернуть им отобранные в прошлые годы оружие и совместными силами защитить город и всю Абхазию.

В условиях, когда у населения было отнято оружие, а российские войска покинули Абхазию, народ оказался брошенным на произвол судьбы, «в таком случае, что должны были делать [абхазы], как они должны были воевать с врагом? Голыми руками, зубами?» – задавал вопрос историк и

¹ Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.), кн. II. – Сухум. 2008. – С. 685.

² Газ. «Русский инвалид». №142, 1877 г.

³ Лебединец Г. Из Сухума. Газ. «Пчела». №21, 1878 г.

⁴ Дзидзария Г. А. Махаджирство... – С.356.

просветитель К. Д. Мачавариани и сам же отвечал: «Вновь подтвердилась старая и вечно новая истина о том, что «у сильного всегда бессильный виноват»¹.

В дальнейшем ход событий показал, что в незащищенные города и сёла Абхазии практически беспрепятственно вошли турецкие войска и потребовали от местного населения принять участие в войне против русских. Абхазов, лишенных возможности самозащиты, безосновательно объявленных царскими властями «изменниками», турецкие войска нещадно истребляли. Однако, следует отметить, что изначально абхазы не стали подчиняться требованиям турок и категорически отказались воевать на их стороне. Корреспондент газ. «Голос» Г. Церетели приводил слова абхаза, который в беседе с ним в августе 1877 г. излагал причину всех трагических событий. «Мы в этом деле не виноваты; мы не имели против правительства нашего ничего дурного, хотя на нас и старались влиять приверженцы Турции; но когда нас бросили... и [начали] отступать от Сухума, оставляя нас на произвол судьбы, как бы передавая в руки турок, мы невольно должны были подчиниться силе и взяли за оружие, желая тем спасти жизнь и честь как свою, так и наших семейств»². В одном из источников того же периода сказано: «...турки обыкновенно не церемонятся в этих случаях, и если не убеждениями и обещаниями, то угрозами и отобранием заложников, жён и детей – заставят идти против русских»³. Характеризуя трагические события, разворачившиеся тогда в Абхазии, журн. «Отечественные записки» писал, что власти проявили «беззащитность края» и «мирного и наполовину христианского племени», «отсутствие такта и умения обращаться с инородцами»...⁴.

Народ оказался меж двух огней. И что самое трагичное: одной части населения приходилось воевать против турецкого десанта, другой – обороняться от российских подразделений, третьей – защищаться и от тех и от других, четвертой – искать убежище в лесах и горах страны. Поэтому, нет оснований говорить о «восстании» всего абхазского населения против российских властей, тем более об «измене» или «предательстве». Это было проявлением разных форм общенационального вооруженного сопротивления против тех, кто покушался на жизнь, честь и достоинство абхазского народа, свободу Абхазии. Анализируя события в Абхазии после 3 мая 1877 года, профессор Г. А. Дзидзария отмечал: «Восстание 1877 года, несмотря на всю его сложность и на все последующие наслоения, являлось продолжением освободительной борьбы абхазского народа против

¹ Мачавариани К. Д. Из моего дневника...

² Газ. «Голос». №226, 25 сентября 1877 г.

³ Дзидзария Г. А. Указ. труд. – С.358.

⁴ Журн. «Отечественные записки». №13, 1878. – С. 35 – 37.

царского самодержавия»¹. Несомненно, была также освободительная эта борьба и против турецких оккупантов. А царскими властями «всеабхазское восстание» было использовано как «основание» для обвинения абхазского народа в «измене» и организации «антироссийского бунта». Да, и по-другому не могло быть, ибо речь шла о защите престижа самого царского самодержавия, причастного к очередной гуманитарной катастрофе абхазского народа.

Вместе с тем, несмотря на настойчивость и угрозы со стороны турок, подавляющее большинство абхазов все же не приняло участия в боевых действиях ни на одной из воюющих сторон. Однако ни этот факт, как и ни то обстоятельство, что в составе российских войск сражались абхазские подразделения, и абхазское население оказывало разного рода помощь отрядам российских войск, российские власти не стали учитывать, в очередной раз, вынудив к выселению. Несмотря на то, что по вине российского командования турецкий десант беспрепятственно занял прибрежные территории Абхазии и разорил страну, абхазскому населению не удалось избежать кары и со стороны командования российской группировки войск в Абхазии во главе, генералом Алхазовым (Алхазишвили). Об этом российская официальная пресса старалась особо не писать, но скрыть это не всегда удавалось. В частности, ссылаясь на разные источники, газ. «Тифлиссские ведомости» отмечала, что «если верить газетным сообщениям, более 14 000 абхазцев оставили свою родину; население особенно уменьшилось в южной Абхазии, жители которой объятые паникой перед продвигающимся с юга ген. Алхазовым, целыми селениями бежали в Турцию»². А после достижения определенных успехов российских войск за Очамчиры, кутаисский генерал-губернатор ген.-лейтенант Д. И. Святополк-Мирский, принимавший активное участие в выселении абхазов как в 1864 г., так и 1867 г., перед наместником Кавказа поставил вопрос о поголовном выселении абхазов в Османскую империю. «Но теперь, – писал он, – нужно заставить самих абхазцев выгнать их из Сухума и всей Абхазии»³. Видимо, эти слова столь высокопоставленного военного и административного чиновника, соответствовали общему настроению российских властей. Как извещают некоторые источники, российские власти всерьез намеревались избавиться от всего абхазского населения, о чем свидетельствуют соответствующие информации, просочившиеся в периодических изданиях империи. Например, по сообщению газ. «Кавказ» (1877, №222), после восстания абхазов 1866 года власти разрешили всем желающим пе-

¹ Дзидзария Г. А. Указ. труд. – С. 314.

² По поводу последних событий в Абхазии. Тифлис, 9 сентября. Газ. «Тифлиссский вестник». №195, 1877 г.

³ ЦГИАГ, ф. 485, д. 104, л. 116.

реселиться в Турцию. Ни в коем случае, не сожалея о переселении абхазов, та же газета отмечала, что «переселение, происшедшее в настоящее время, осуществлялось бы в 1867 г.». Автор статьи жалеет, что тогда полное выселение абхазов не было осуществлено из-за ограничения «турецким правительством числа переселенцев в 4 тыс. семейств». И что весьма примечательно, по мнению проправительственной российской газеты, тогда, переселение абхазов осуществлялось бы «без всякого вреда для края».

Как известно, такие важные решения как массовая депортация населения за пределы империи, принимались на самом высоком уровне государства. Известно, что все предыдущие этапы выселения абхазов и других кавказских народов, осуществлялись на основании специального решения императора. Кроме того, для претворения в жизнь этой задачи требовалось наличие соответствующего согласия самого турецкого султана. В данном случае, турецкие военное командование не скрывало свое желание забрать из Абхазии как можно больше жителей, а что касается российских властей, то и они были готовы избавиться от «виновного населения». А виновным считали всех абхазов, включая членов семей участников войны на стороне российских войск.

Однако главную роль в насильственном выселении абхазов 1877 г. в Османскую империю, все же сыграли султанские войска. В частности, в конце боевых действий на территории Абхазии, когда чаша весов перевесила в сторону русских, турецкие войска, отступая, стали варварски разорять населенные пункты абхазов, сгонять безоружных людей к морю и на турецких кораблях насильно увозить в Османскую империю. Газ. «Кавказ» ещё 11 августа 1877 года писала: «Из Окума нам сообщают, что турки за Кодором, сосредоточиваясь к устьям Маджарки и Келасури, жгут сплошь все поселения, выбирая весь скот, силою сгоняя абхазцев к берегу и силою же перевозя их в Турцию (как говорят на 25 пароходах). Кто успеет – бежит в горы и леса... на этой стороне Кодора только в Самурзакани... все остались на своих местах». По словам А. Н. Введенского, турки физически уничтожали тех абхазов, которые отказывали переселиться в Турцию. «Трупы нескольких десятков абхазцев, не желавших выселиться и защищавших честь своих семей, страшным образом обезображенные, валяются тут же, на набережной (Сухума. – ред.)»¹. Венское телеграфное агентство 21 августа 1877 года писало, что «абхазцы не хотят отправляться в турецких судах и бегут в лес. Турки сжигают абхазские сёла, чтобы принудить абхазцев к выселению»². «Картина была страшная, и нельзя было смотреть равнодушно на многих, рвавших на себе волосы и проливавших слёзы – сообщала газ. «Голос» от 20 июля 1878 года.

¹ Газ. «Голос». №226, 25 сентября 1877 г.

² Дзидзария Г. А. Указ. труд. – С.358.

Таким образом, победа русских войск на абхазском театре боевых действий и уход турецкого десанта из Абхазии обернулись массовой депортацией абхазов, что стало возможным в результате политики полного игнорирования их судьбы российскими властями по отношению к «восставшему» и «виновному» населению, равно как и турецким военным командованием. Ибо, изначально покидая территорию Абхазии, российское военное командование не могло не понимать последствий вторжения турецких войск и оккупации страны. План, по которому действовало командование турецких войск, состоял из двух частей: программа максимум – овладение и аннексия территории Абхазии и всего Кавказа, программа минимум – депортация максимального количества коренного населения Абхазии в Турцию, что и было осуществлено на практике.

Подытоживая вышесказанное, хочу подчеркнуть, что рана, нанесенная абхазскому этносу в XIX веке, ещё не излечена. Абхазский народ, как и многие горские народы Кавказа, разделенные с того периода на две части, ждут своего часа воссоединения. Это возможно лишь в условиях объективной оценки происходивших в прошлом событий, восстановления Истины и исторической справедливости.

Э.М. Чкок-Эшба

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО МОНАСТЫРЯ СВ. ПАНТЕЛЕЙМОНА НА ГОРЕ АФОН (ГРЕЦИЯ) XIX В.

История русского монастыря св. Пантелеймона на горе Афон в период его наивысшего расцвета, в последней четверти XIX в., представляет, несомненно, для нас научный интерес, т.к. неразрывно связана с историей православия в Абхазии и требует научно-объективного, свободного от политических и конфессиональных пристрастий исследования. Религиозная ситуация, которая сложилась на Афоне, в русском монастыре св. Пантелеймона¹, ускорила процесс реанимирования православия в Абхазии. Братией этого монастыря была основана крупнейшая монастырская инкорпорация в Абхазии – Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь.

Гора Афон расположена в Греции – на одном из восточных отрогов полуострова Халкидики (сев. Греция). Гору называли Аполлониада, Акти, Афос*. В истории греко-восточной церкви значение Афона достаточно велико. Он был центром византийско-восточного монашества и высшей школы христианского подвижничества. Афонское монашество получило начало в глубокой древности, после возникновения христианского иночества на Востоке**.

¹ Основание русского монастыря св. Пантелеймона на юго-западе Афонской горы источники относят к XI в., в период княжения Владимира и сына его Ярослава. Павловский А.А. Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и Афону. – Нижний Новгород, 1907. – С. 21., Карамзин Н.М. СПб. История государства Российского, т.6. прим. 629. 1843. – С.165., Павловский А. А. Спутник русского паломника по св. горе Афону. – М., 1905, гл.6. – С. 21. Епископ Порфирий Успенский. История Афона. Часть I-III. Киев, 1887. Санкт-Петербург, 1892. Цомая С.В., Вольский В.Ф. Новый Афон. – Тбилиси, – 1958. – С.8.

* Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеймона на св. горе Афонской. Изд. 7.– М., 1886. – С. 4. Павловский А.А. Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и Афону. – Нижний Новгород, 1907. ч.II. По Афону, – С.11. См. Путеводитель по св. Афонской горе и указатель ее святынь и прочих достопамятностей с 29 – видами монастырей и скитов и картой Афона. Изд. 7. – М., 1895. – С. 6. – Апполониада – в честь храма Апполона, находившегося на горе Афон и ставшего местом «эллинского почитания». Афос – это название было дано позже, в христианские времена, в честь языческого божества «Афос», «Афон».

** Афониты относят появление христианства на горе Афон ко временам апостольским, начало же монашества относят к временам императора – Антония Каракаллы (211-219 г.). См. Православная Богословская энциклопедия. Изд. под. ред. проф. А.П. Лопухина, т. II. Петроград, 1901 г. – С. 192.

В разные эпохи территория Афона становилась ареной бурных исторических событий: в VI в. она пережила набеги гуннов, в 70-х гг. VII в. – нашествие арабов¹. Начало распространения монастырской жизни на Афоне источники относят к VII в. Шестой Вселенский собор в 676 г. постановил пунктами 18 и 48 отдать Афон монахам². Пройдет еще немного времени и эта, ранее мало чем примечательная местность превратится в одну из самых почитаемых святынь православного мира.

Первое появление русских на Афоне письменные источники относят к X в. Известно, что они имели свою обитель и права наравне с другими Афонскими монастырями³. К этому периоду на Афонской горе существовало более 100 обителей.

Основание русского монастыря св. Пантелеймона на юго-западе Афонской горы источники относят к XI в., в период княжения Владимира и сына его Ярослава⁴. Гора Афон стала местом паломничества славян, стремившихся на Афон, как в высшую школу христианского подвижничества.

В первой половине XI в. русские монахи уже имели на Афоне свой собственный, независимый монастырь Богородицы Ксилургу – «монастырь Руссов»⁵, откуда в 1169 г. перешли в монастырь св. великомученика и целителя Пантелеймона («Старый нагорный Руссик») и навсегда получили право гражданства в свободной «пустыне святого Афона»⁶.

¹ Павловский А.А. Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и Афону. – Нижний Новгород, 1907. – С.12.

² Натроев А. Иверский монастырь на Афоне в Турции, на одном из выступов Халкидонского полуострова (историко-географическая справка по вопросу о споре грузин с греками на право владения землями означенного монастыря). – Тифлис, 1909. – С. 23;

См. епископ Порфирий Успенский. История Афона. Часть I–III Киев, 1887. Санкт-Петербург. 1892. Императором Константинополя Погонатом Афон был отдан монахам в 676 г.

³ Павловский А.А. Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и Афону. – Нижний Новгород, 1907. – С. 12. Акты русского на св. Афоне, монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона. – Киев. 1873. – С. 5. «...существует предание о прибытии на Афон св. Антония, отца русских иноков в 975 г., до водворения его в Киеве 1051 г.».

⁴ Павловский А.А. Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и Афону. – Нижний Новгород, 1907. – С. 21., Карамзин Н.М. СПб. История государства Российского, т.6. прим. 629. 1843. – С.165., Павловский А. А. Спутник русского паломника по св. горе Афону. – М., 1905, гл.6. – С. 21. Цомая С.В., Вольский В.Ф. Новый Афон. – Тбилиси, 1958. – С.8.

Православная Богословская энциклопедия. Изд. под. ред. проф. А.П. Лопухина.Т. II. Петроград. 1901.– С. 204.

⁵ Православная Богословская энциклопедия. Изд. под. ред. проф. А.П. Лопухина.Т. II. Петроград. 1901.– С. 204.

⁶ Натроев А. Иверский монастырь на Афоне в Турции, на одном из выступов Халкидонского полуострова (историко-географическая справка по вопросу о споре грузин с греками на право владения землями означенного монастыря). – Тифлис, 1909. – С. 24, 177. Павловский А.А. Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым

До завоевания Афона турками монашеское население Горы достигло 50 000¹. В истории Афонской горы происходят большие перемены с падением Византийской империи. В 1423–1424 гг. Афон был присоединен к Османской империи. Независимый Афон со своим христианским населением становится должником турецкого султана. Монастыри Афонской горы были обложены подушной и десятинной податями. Русский монастырь св. Пантелеймона при Селиме II (1566–1574) окончательно лишился своих доходных владений вне Афонской горы.

В XVIII в. русский монастырь перешел в руки греков. Из-за крайнего обнищания обители происходит постепенное переселение русских монахов в прибрежный монастырь. В XVIII в. из нагорного Руссика (1770) «иноки перешли в обитель с храмом Вознесения Господня»² (постройка епископа Христофора³), где и был основан новый монастырь св. Пантелеймона. Обитель стала возрождаться.

К приезду русских афонитов, эта обитель была достроена греками, находилась в числе двадцати монастырей Афонской горы. С поселением греческой братии в новом месте, ими были унаследованы все права и имущество старого Русского монастыря.

В XVIII в. финансовое положение монастырей Афонской горы приходит в упадок, так как они были обременены долгами, финансовой зависимостью от Османской Порты⁴. Малочисленность русской братии, тяжелое финансовое положение вынудило их временно смириться с принижением положением. Русский монастырь стоял на краю разорения (конец XVIII – нач. XIX вв.). К тому же, Афонское управление (протат⁵), вопреки вековым мирным связям с славянским православием обратилось к Вселенскому патриарху Каллинику с предложением «исключить имя Русской

местам Российской империи и Афону. – Нижний Новгород, 1907. – С. 21. Соколов И. Афонское монашество в его прошлом и современном состоянии. – СПб., 1904. – С. 53; Соколов И. Состояние монашества в византийской церкви с половины IX до начала XIII веков (842–1204). Казань, 1894.

¹ Иеромонах Феодосий. История русского на Афоне Свято-Пантелеймонова монастыря. // «К свету» № 18. С. 17.

² Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеймона – М., 1886. – С. 19.

³ Альманах «К свету», № 18. М., 2000, – С. 48 «Русский монастырь продал свою арсану ...епископу Христофору... и устроившему на сем купленном у Руссика месте небольшой монастырек – келлию».

^{*} В 1783 г. Вселенский патриарх Гавриил издает новый устав, направленный на улучшение финансового положения монастырей Афонской горы, и упорядочения распределения взносов, податей туркам. См. Богословная энц. 1901. – С. 215.

⁴ В 1783 г. Вселенский патриарх гавриил издает новый устав, направленный на улучшение финансового положения монастырей Афонской горы, и упорядочения распределения взносов, податей туркам. См. Богословная энц. 1901. – С. 215.

⁵ В XIX в. протат выработал письменный устав, утвержденный духовной (патриархом) и гражданской (визирем) властью в Константинополе.

обители из числа святогорских монастырей. Принадлежащие же Руссику земли передать другим греческим монастырям и за уплату остающихся на обители долгов, оставшуюся сумму обратить на общественные нужды афонского правления»¹. Вселенский патриарх Каллиник не только решительно отверг предложение протата, но специальной грамотой (1803 г.) распорядился позаботиться о восстановлении Русской общижительной обители, разрешением сбора пожертвований в её пользу, в Константинополе².

Русский монастырь св. Пантелеймона на Афонской горе – один из древнейших русских монастырей. В этой обители хранятся «грамоты русских царей; патриарха всероссийского Иова и архиепископа Константинопольского, Вселенского патриарха Каллиника, Иоакима»³ и др. священнослужителей. Главный собор монастыря посвящен великомученику и целителю Пантелеймону. Собор Покрова Пресвятой Богородицы, храм святителя Христова Митрофана Воронежского чудотворца и храм Успения Пресвятой Богородицы⁴ дополняют монастырский комплекс русского Пантелеймоновского монастыря.

Монастыри по управлению делятся на два разряда. К первому относятся монастыри, которые, руководствуясь уставом апостольского общежития, избирают несколько старцев, составляющих собор, управляющих всем монастырем (идиоритмы). Ко второму разряду относятся монастыри (общежительные), управляемые одним лицом – игуменом, которому подчиняется вся братия монастыря. Русский Пантелеймоновский монастырь относится ко второму разряду. В общежительных, управляемых выборными пожизненными игуменами при помощи соборных старцев, все общее: и содержание братии, и молитвенное правило. Русский Пантелеймоновский монастырь являлся общежительным монастырем (киновит)⁵.

Внутренняя жизнь монастыря определялась строгими правилами устава: «Ничего не считать своим, но всем иметь общее»,⁶ т.е. пищу, одежду, обувь и т.д. Каждый из братии обязан работать, кто на кухне, кто в трапезной и в различных мастерских, причем трудовая деятельность начинается только после «общественного богослужения в церкви».⁷ Трапеза в мона-

¹ «К свету» № 18. М., 2000, – С. 49.

² Там же.

³ Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеймона на св. горе Афонской. Изд. 7. – М., 1886. – С.19.

⁴ Там же. – С. 20,22.

⁵ Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеймона на св. горе Афонской. Изд. 7. – М., 1886. – с. 23.

⁶ Там же.

⁷ Сизиков. Путешествие на Кавказ и пребывание несколько дней в Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре. – М., 1884. – с.16.

стыре состояла из овощей, рыба предлагалась по праздникам. Разведение скота на Афонской горе воспрещалось Святогорским уставом. Пребывание лиц женского пола строго запрещалось.¹

После подписания Адрианопольского мирного договора (1829 г.) положение русских монахов несколько улучшилось.

В первой половине XIX в. в русском монастыре св. Пантелеймона впервые после длительного перерыва появились русские насельники, которые стремились внести денежные пожертвования. Однако это вызвало протест со стороны греков. Окончательное вселение монахов в Пантелеймоновский монастырь состоялось в 1839 г.²

К 1840 г. русские иноки продолжают активную деятельность по устройству обители, уплачены долги монастыря. Экономическая жизнь обители «приняла правильную организацию»³.

Посещение монастыря в 1845 г. вел. князем Константином Николаевичем подняло престиж русских на Афоне. Вскоре последовало новое поколение русских иноков и «значительный приток пожертвований в руки русского духовника»⁴. Тем не менее, богатая в прошлом обитель, «владевшая значительными землями на основании царских (сербских и московских) и султанских грамот»⁵, в последующие годы дошла до такой нищеты, что монашеское управление запретило выдавать Пантелеймонову монастырю что-либо в долг и объявило монастырь несостоятельным. Количественное преобладание греческой братии привело к отмене славянского богослужения. Связь с Россией была прервана, лишь некоторой оставшейся русской братии было разрешено исповедоваться у русского духовника⁶.

¹ А. Натроев сообщает о следующем предании: «дочь Феодосия Великого пожелала посетить устроенный ее отцом на Афоне Ватопедский монастырь, но при входе в него она услышала от иконы Божьей матери знак, запрещавшей ей вступить в монастырь. С того момента Афонские отцы постановили, чтобы женский пол не имел входа на св. Гору, что впоследствии было подтверждено и царскими грамотами». См. Натроев А. Иверский монастырь на Афоне в Турции, на одном из выступов Халкидонского полуострова (историко-географическая справка по вопросу о споре грузин с греками на право владения землями означенного монастыря). – Тифлис, 1909. – С. 26; См. также: Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь на Кавказе и древний храм Успения Богоматери в Пицунде. С 5 рисунками. – Одесса, 1888. – С. 80-81.

² Л.Я. Герд. Русский Афон 1878–1914 гг. М., 2010. – С. 12.

³ Павловский А. Спутник русского паломника по св. Горе Афону. – М., 1905. – с.21-23. В конце XIX в. русские перешли на берег моря, в нынешний монастырь, где жило немного греков. Дмитриевский А.А. Накануне борьбы русских с греками на Афоне // Русские на Афоне. – СПб., 1895. – с.156.

⁴ Дмитриевский А.А. Накануне борьбы русских с греками на афоне // Русские на Афоне – СПб., 1895. – С. 157.

⁵ Шарапов С.Г. путешествия: Десять дней на Афоне // Сочинения. кн.2. – СПб., 1892, – С.111–112.

⁶ Там же.

Наблюдаются складывающиеся противоречия между русско-славянским и греко-восточным направлениями в церковной жизни.

Русский монастырь на Афоне в ноябре 1851 г. посетил о. Макарий (М.П. Сушкин) и застал монастырь в крайней бедности. С этого момента начинается активная деятельность о. Макария по благоустройству обители, которая совпала с Крымской войной (1853–1856 гг.).

После войны связь монастыря с Россией стала восстанавливаться; стали поступать оттуда обильные пожертвования. Большая часть пожертвований попадала в руки греческого монашества. Русский монастырь продолжал испытывать тяжелое материальное положение и полное бесправие. Игумен и все управление монастыря было греческое. Когда численность русской братии превысила 100 человек, о. Макарию удалось добиться некоторого соглашения с греками. Часть требований русского братства, при их шатком положении в Пантелеймоновом монастыре, истолковывались со стороны греческой братии, как посягательство на их преобладающее в монастыре право. В течение 16 лет русские монахи с аскетическим терпением переживали свое приниженное положение. До 1856 г. ни одно из «начальственных послушаний не поручалось русским»¹. Русская братия заявила игумену и греческой братии требование – «слышать на трапезе чтение по-русски или по-славянски, хотя бы два раза в неделю, а именно в среду или пятницу, причем и трапезу в эти дни благословлял бы русский иеромонах»². Это требование русской братии греческие монахи большинством голосов не приняли.

Макарию удалось добиться некоторых уступок от греков в 1866 г. Была установлена очередь греческих, славянских чтений и богослужений³. Совершенно очевидным было то, что совместная жизнь монахов разных национальностей в одном монастыре недолговечна. Греческое влияние преобладало в русском монастыре и встал вопрос о его упразднении. Греки не хотели признавать равенства в правах. Ими был выработан «устав» совместной жизни: русской братии, иметь до одной четверти, или по крайней мере, до одной трети всего количества греческой братии, а также чтобы монашествующие греки занимали господствующее положение в монастыре⁴. Вопрос о русском игумене вообще не рассматривался. Русские отказались от утверждения устава. В монастыре начались волнения. Борьба между русскими и греками, захватившими русский монастырь, была

¹ «К свету» № 18. М., 2000, – С. 103.

² Дмитриевский А.А. Накануне борьбы русских с греками на Афоне // Русские на Афоне – СПб., 1895. – С. 156-157;

³ Чтение при трапезе решено было совершать попеременно, через день по-гречески и по-русски, а в праздничные дни утром по-гречески, вечером по-русски.

⁴ Там же. – С.158; Шарапов С.Г. Путешествия: Десять дней на Афоне..., – СПб., 1892. – с. 111-112.

направлена на овладение монастырем¹. Греки возмущались: «...Земля эта не принадлежит ни России, ни Турции, а есть достояние греческой нации, и надеемся, что нам помогут всем избавиться от русских, даже сами стены и камни, и постараемся не иметь не только в нашем монастыре, но и на всем Афоне ни одного русского»². В 1870 г. в Пантелеймоновской обители произошло важное по своим последствиям событие. 15 октября 1870 г. о. Макарий был объявлен «нареченным преемником» старца игумена³. Вся греческая братия выступила против этого назначения. Вселенский патриарх не утвердил кандидатуру о. Макария и предложил провести переоголозование в присутствии «специально назначенных для этого патриарших экзархов»⁴, «двух архиереев – Иоанникия Никейского и Иоакима Деркийского и двух уполномоченных советом Святой горы»⁵. Греки подняли вопрос об упразднении русского монастыря. Протат, в котором преобладали греки по количеству голосов, утвердил это решение. В результате, о. Макарий переносит дело на суд Вселенской церкви⁶. Именно в этот критический период возникает идея «устройства на Кавказе Нового Афона... без ухода русских со св. Горы»⁷.

Константинопольский патриарх Иоаким III – «Архиепископ Константинопольский Нового Рима и патриарх Вселенский» в отличие от протата, признал все права русских монахов на монастырь св. Пантелеймона и утвердил о. Макария игуменом монастыря⁸. 26 сентября 1875 г. о. Макарий был избран игуменом Пантелеймонова монастыря на Афоне, «во время литургии, в присутствии патриарших Экзархов, он был возведен на игуменское место»⁹. Этим завершились споры греков и русских, продолжавшиеся 20 лет.

Таким образом, знаменитый «греко-русский Пантелеймоновский процесс», возникнув в 1870 г., завершился через 5 лет победой русских иноков. Интересы русской братии поддержал Константинопольский Патриарх Иоаким III, перед которым интересы русских иноков защищал посол России в Турции граф Н.П. Игнатьев.

¹ Газ. «Черноморский вестник», 1897, 4 июля, № 147.

² Альманах «К свету», № 18. М., 2000. – С. 106.

³ Дмитриевский А.А. Накануне борьбы русских с греками на Афоне // Русские на Афоне – СПб., 1895. – с. 162; Соколов И. Афонское монашество в его прошлом и современном состоянии. – СПб., 1904. – с. 66

⁴ И.Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Изд. 2. – М., 1887. – С. 328.

⁵ «К свету», № 18. М., 2000. – С. 109.

⁶ Грамота святейшего Иоакима, патриарха Константинопольского, в Русской киновии святого Пантелеймона на Афоне по случаю прекращения в ней разногласия. См. «К свету», № 18. М., 2000. – С. 109.

⁷ Шарапов С.Г. Десять дней на Афоне // Сочинения. Кн.2. – СПб., 1892. – С.113.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

Таким образом, борьба греческой и русской братий за право управления Пантелеймоновым монастырем завершилась в пользу русского монашества.

Содержание многочисленной братии (70–80 гг. XIX в. около 800 человек), монастырские потребности удовлетворялись пожертвованиями русской церкви. Помощь русской православной церкви монастырю св. Пантелеймона была значительной, она определила дальнейшую судьбу монастыря.

Братия русского Пантелеймонова монастыря, предвидя неблагоприятные политические обстоятельства на Востоке, принимает решение – не разрывая связи с Афоном, устроить себе обитель на родине, в России. Незадолго до принятия этого решения, инокам предлагалось в случае войны на Востоке поселиться в Абхазии. Кстати, заметим, что главное управление наместника Кавказского предложило «...давать преимущество русским переселенцам, но не отказывать в поселении христианским переселенцам из Закавказского края, из Анатолии, из славянских земель и пр.»¹. По утверждению царских чиновников, на первых можно рассчитывать, «как на ядро населения, обеспечивающее этнографическое соединение этого края с империей, на вторых же, как на деятелей для основания сообразных климату и почве отраслей хозяйства»².

Итак, выбор места будущей обители был делом нелегким. Необходимо было найти местность, отвечающую требованиям христианского подвижничества. Местность должна была быть, во-первых, уединенной и нуждающейся в распространении православной христианской веры, во-вторых, удобной расположением для поддержания связей, т.к. новая обитель должна была стать «отделением или отраслью» Пантелеймонова монастыря³, «во всем от него зависимым, по уставу и чиноположению Афонской горы»⁴.

Детально ознакомившись с архивными документами относительно основания Ново-Афонского монастыря, нельзя не заметить, что царизм с одобрением отнесся к ходатайству афонских монахов. В течение одного года для них были созданы все условия для переезда в пределы империи. Основанию монастыря в Абхазии придавалось очень важное значение. Монастырь в Абхазии должен был стать крупным центром религиозной пропаганды на Кавказе, проводником политики самодержавия в крае. Од-

¹ Верещагин А.В. Исторический обзор колонизации Черноморского Прибрежья Кавказа и результат. – СПб., 1885. – С.7.

² Верещагин А.В. Исторический обзор колонизации Черноморского Прибрежья Кавказа и результат. – СПб., 1885. – С.7.

³ Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь на Кавказе и древний храм Успения Богородицы в Пицунде. С 5 рисунками. – Одесса, 1888. – С. 23.

⁴ «К свету», № 18. – С. 115.

нако следует отметить, что все хозяйственные расходы на устройство новой обители Синод отнес на счет Пантелеймонова монастыря.

Первый настоятель Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря вступил в управление новой обители в результате избрания его русской братией Пантелеймонова монастыря. Согласно утвержденному 8 декабря 1879 года уставу, было принято: «на последующее время настоятель сей обители избирается братиею её с согласия Пантелеймонова монастыря из братии той или другой обители и об избранных представляется каждый раз на утверждение Святейшего Синода»¹. Итак, настоятель Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря вступил в управление новой обители, «подчиняясь духовному в Российской империи начальству на одинаковом с остальными русскими монастырями основании»².

Таким образом, Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, как и другие русские монастыри, стал подчиняться Синоду.

Громадное просветительское влияние Горы Афон на греческий Восток, славянский православный мир, способствовало и возрождению православия в Абхазии. Гора Афон, несмотря на все политические перевороты и более чем четырехвековое подчинение Оттоманской Порте и сегодня продолжает оставаться хранилищем православной культуры.

¹ Леонид Кавелин, архимандрит. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. – М., 1885. – С. 125.

² Газ. «Церковные ведомости» 1889. №1. – С. 7.

Т. З. Барциц

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1861 ГОДА В РОССИИ И СОСЛОВНО-ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АБХАЗИИ

Практика современного государственного моделирования, используемая для определения оптимальных путей решения поставленных перед государством задач, предполагает применение правовых методов реформирования.

Как показала практика, для любой реформы свойственна постепенность перемен, в ее программе акцент делается на доведение намеченных преобразований до конца, комплексность планируемых изменений. Важное значение имеет поддержка реформы обществом, наличие согласия в ней относительно ее необходимости.

Каждая реформа, каждое изменение общественно-экономического устройства обуславливается в совокупности с множеством факторов внутригосударственного и международно-правового порядка. Среди внешнеполитических факторов, имеющих стабильный прикладной интерес к территории и населению Абхазии, – Российская Федерация. В XIX в. Российская империя оказывала значительное влияние на экономическую, политическую, культурную, правовую и социальную среду как абхазской интеллигенции, так и всего народа. Логичным является, что реформы и преобразования, которые проводились на территории Российской империи в XIX в., определенным образом затрагивали и Абхазию.

Абхазия представляла собой окраину царской империи и преобразования, происходившие в центральных районах России, с затруднениями реализовывались в крае. Практически весь XIX в. знаменуется тем, что внедрение в абхазское общество новых устоев, а также российского порядка управления, осложнялось несколькими факторами, среди которых главными следует считать события Русско-Кавказской войны (1817–1864 гг.) и присутствием Османской империи на Черном море, с амбициозными интересами турок в этом регионе.

Ко второй половине XIX в. в России сложилась сложная внутривнутриполитическая ситуация, требовавшая существенных экономических, политических, классово-социальных преобразований. Ключевым оставался вопрос, определяющий правовое положение крестьянства. Реформирование земельных правоотношений для определения юридического статуса

крестьян получило свое развитие к началу правления императора Александра II. Есть мнение, что император Николай I как бы завещал своему преемнику осуществление великой реформы, которая так занимала его ум. Таким образом, по мнению исследователей, Александр Николаевич не был творцом самой идеи крестьянской реформы¹.

В обществе возникало волнение, усиливавшееся массовыми недовольствами крестьян, обремененных существенными повинностями и не обладающих комплексом естественных и позитивных прав.

Особенно высокое отношение к человеку вне зависимости от егословия и социального положения определяло самобытный характер крестьянства Абхазии. Статус абхазского крестьянина можно было приравнять к правовому положению вольных граждан, свободных в распоряжении своей собственностью, своим имуществом, а также обладающих правом выбора постоянного места жительства, но при этом соблюдающих традиционные правила и моделированные поведенческие элементы, регламентированные кодексом поведения «Апсуара».

Классическое крепостное право, повсеместно бытовавшее у славянских народов, не встречалось на Кавказе. Народы Кавказа XIX столетия – абзины, абхазы, адыги (кабардинцы, черкесы, адыгейцы, шапсуги) и другие – не нуждались в классовых преобразованиях, так как имели особенный вольно-демократический уклад. Существенной причиной, определившей невозможность классовых преобразований для Абхазии по российскому образцу является отсутствие класса феодалов-помещиков.

Реализация реформы на Кавказе, как и в центральной России, проходила в условиях массового недовольства крестьян и применения вооруженной силы. Один из современников, А. Ф. Кипшидзе, рассказывает: «В селение являлась рота солдат, выстраивалась в боевом порядке; затем раздавался барабанный бой, под звуки которого народ безмолвно выслушивал слова манифеста»².

Обнародование Манифеста и Положений 19 февраля 1861 г., содержание которых обмануло надежды крестьян на «полную волю», вызвало взрыв крестьянского протеста уже весной 1861 года: за первые пять месяцев зарегистрировано было 1340 массовых крестьянских волнений, а вскоре за год – 1859 года (примерно столько же, сколько за всю первую половину XIX в). В 937 случаях крестьянские волнения в 1861 году были усмирены с применением военной силы³.

¹ Кизеветтера А.А. Император Александр II как участник в крестьянской реформе 19 февраля 1861г. // -URL: <http://www.knigafund.ru/books/22659/read#page2> (дата обращения: 15.02.2015)

² Семин О. Великая годовщина. Аграрный вопрос и крестьянская (крепостная) реформа на Кавказе. Киев, 1911. – С. 17.

³ Крестьянское движение в России в 1857–1861 гг. М., 1963. – С. 736.

Реформирования и изменение сословно-классовых отношений в России оказало определенное воздействие и на Абхазию. Социальный, классовый вопрос для Абхазии XIX в. не носил остро конфликтотогенный характер, а находился в плоскости демократической традиции землепользования и землеустройства, регламентированного нормами обычного права. Следует отметить, что необходимость реформирования и классовая борьба явным образом проявлялась в Закавказье, нежели чем в Абхазии.

Значительным явлением этого периода было Абхазское (Лыхненское) восстание 1866 года, правда, вспыхнувшее после осуществления крестьянской реформы в Восточной Грузии, а также в Имеретии, и Гурии (западная Грузия), но до проведения реформы в Абхазии¹.

После насильственного подавления Лыхненского восстания, для отражения своей позиции по земельному вопросу представители абхазских феодалов составили и подали петицию, в которой они предприняли попытку определения своего социального статуса, приравнивающего их к русским и грузинским помещикам.

Изучив текст данного документа, князь Багратион-Мухранский сообщил об отсутствии необходимости делать исключения в области крестьянской реформы и крепостных отношений для Абхазии².

Царское правительство пришло к выводу о необходимости переустройства сословных отношений в Абхазии. Абхазию нужно было приспособить к новым условиям жизни в империи. Новая подготовительная комиссия более детально разбиралась в основаниях «странного строя» относительно к той, известной им российской жизни, с позиции которой они рассматривали действительность жизни традиционного абхазского общества. Император Александр II утвердил 8 ноября 1870 г. «Положение о прекращении личной зависимости и о поземельном устройстве населения в Сухумском отделе», которое было официально объявлено 19 февраля 1871 г.³

На сегодняшний день нет единого устоявшегося мнения по поводу социальной значимости крестьянской реформы для Абхазии. Особенное сословное устройство абхазской общины не предполагало существенной зависимости крестьянина от феодала. Наиболее многочисленная категория абхазского крестьянства «анхаю» находилась в относительно слабой зависимости от местных феодалов. Абхазский крестьянин «анхаю» был полноправным собственником земельного надела и был правомочен по

¹ Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы Абхазии в XIX столетии. Сухуми, 1982. – С. 268.

² Фадеев А.В. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. Сухум. 1932. – С. 34.

³ Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX века. Сухуми, 1975. – С. 415.

владению, пользованию и распоряжению принадлежавшей ему собственности. Феодалной Абхазии не было известно крепостное право в его классическом варианте.

На наш взгляд, данного рода действия по переустройству традиционного быта и учреждение новых форм зависимостей в отношениях с крестьянством могло осложнить отношения крестьянского сословия к новому порядку в регионе. Через феодалов царизм предпринял попытку по усилению своих интересов и позиций в регионе, формируя и усиливая позиции нового абхазского класса крепостников-помещиков.

В результате действий обычного права на владение землей и отсутствия нормативно-правовой базы и государственного регулирования земельных отношений в Абхазии начала работу сословно-поземельная комиссия. Работа по подготовке проведения реформы была возобновлена Сухумской сословно-поземельной комиссией в 1867 г. И продолжала свою работу до 1876 г., когда она была переименована в Поземельную комиссию¹. Основная задача комиссии состояла в определении земельного потенциала Абхазии и установлении правового состояния различных категорий земель. Фактически благодаря действиям сословно-поземельной комиссии были изучены и представлены для освоения широкой общест-венности земельные ресурсы региона.

Для изучения особенностей региона и определения особенностей социальных, экономических и земельных отношений в Абхазию в 1865 г. прибыл генерал-майор Понсэ. Внимательно изучив регион и его население, Понсэ пришел к убеждению, что «закон Ману» (земля принадлежит тому, кто расчистил от зарослей и засеял), по абхазскому обычному праву распространяется на всех без исключения абхазцев. Закон Ману имел самое целесообразное применение в Абхазии, и недаром абхазское обычное право пронесло его через десятки веков². Изучив особенное сословно-поземельное устройство Абхазии и проанализировав отношение населения к земле как собственности Понсэ заявил, что: «приобретение земель в Абхазии зависит не от родовитости и власти, а только от обычного закона»³.

Это убеждение генерала Понсэ весьма неприязненно было встречено заинтересованными в земельных вопросах атауадами и амста (князьями и дворянами): они осознали, что, если русская власть всецело станет на

¹ Дзидзария Г.А. Восстание 1866 года в Абхазии. Труды. Кн. вторая. Сухуми, 1990. – С. 18.

² Дьячков – Тарасов А.Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии. Известия Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества, т. 20, вып. 2. 1909-1910. // URL: <http://apsnyteka.org/392-diachkov-tarasov-abkhazia-i-sukhum-v-xix-stoletii.html> (дата обращения: 20.02.2015)

³ Фадеев А.В. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. Сухум, 1932. – С. 32.

сторону этого закона, то их мечты приобрести латифундии не осуществляются. Мало того, если русская власть пристальнее взглянется в сословные отношения, то атауада и аамста потеряют всех ахую и ахашалов (домашнюю прислугу). Становилось понятной необходимостью «смешать шашки» – вызвать смуту в Абхазии¹. Данного рода заявление в существенной мере определило отношение феодальной аристократии к крестьянской реформе и ее последствиям.

Можно предположить, что земельный вопрос, а также озабоченность феодалов изменениями их экономического и социального положения по итогам реформы обусловили и усилили политические процессы в регионе.

Демократический характер и особенности реформирования землеустройства Абхазии усиливало нежелание и сопротивление в классе феодалов за сохранение своих экономических и политических позиций.

Озабоченность и недовольство крестьян изменением традиционного уклада жизни можно обнаружить в обращениях местного населения к властям. «22 мая 1881 г. депутаты от крестьян селений Бармыш, Звандрипш, Джирхва и Дурипш (Гудаутского участка) писали на имя начальника Пичундского округа: «Все ближайшие к нашим саклям места для посевов кукурузы отошли в надел привилегированным лицам... Кстати, просьба крестьян, рассмотренная Сухумской поземельной комиссией лишь в 1888 г., была отклонена по тем мотивам, что их земли «получили лица высших сословий»².

Среди положительных последствий отмены крепостного права в России явились множественные преобразования и глубокие правовые реформы, которые коснулись и Абхазии.

Можно констатировать, что хрестоматийный подход к вопросу «отмены крепостного права», является весьма дискуссионным, особенно для Абхазии, и требует прикладного исследования. Крестьянский идеал справедливости и правды не совпадал с реально проведенной реформой. После 1861 г. борьба крестьян за землю не прекратилась.

Реформа 1861 г. не сняла аграрный вопрос в России, и усилила классовые противоречия внутри Абхазии. Он оставался центральным и наиболее острым во второй половине XIX — начале XX вв.

Реформы 60–70-х гг., несмотря на их ограниченность, имели определенное значение в судьбе Абхазии, проводимые преобразования попы-

¹ Дьячков – Тарасов А.Н. Абхазия и Сухум в XIX столетии. Известия Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества, т. 20, вып. 2. 1909-1910. // URL: <http://apsnyteka.org/392-diachkov-tarasov-abkhazia-i-sukhum-v-xix-stoletii.html> (дата обращения: 20.02.2015)

² Дзидзария Г.А. Махаджирство... – С. 298.

тались определить пути развития экономики Абхазии по рыночному, капиталистическому образцу. Для современных исследователей данной исторической эпохи реформа дала значительный исторический и правовой материал по вопросам общественного, социального, классового, культурно-нравственного, и этнического состояния Абхазского региона. Скрупулезное изучение вопросов и правовых механизмов проводимых преобразований позволит современному поколению реформаторов разработать самобытную государственную систему и национально-ориентированную земельно-правовую политику, основанную на коренных приоритетах и традиционном опыте.

*Г.Н. Колбая*¹

ПОИСКИ И НАХОДКИ О Н.И. Воробьеве

В перестроечный период в СССР была обнаружена и переиздана в Абхазии брошюра «О неосновательности притязаний грузин на Сухумский округ (Абхазию)», автором которой значится Н.И. Воробьев. С тех пор нет практически ни одной публикации, посвященной абхазо-грузинским отношениям 1918-1921 годов, в которой не было бы ссылки на эту брошюру, но при этом не было информации о том, кем был Н.И. Воробьев, который, в целом, достаточно компетентно писал в упомянутой брошюре по существу о империалистическом характере притязаний грузинских элит на Абхазию. Даже С.З. Лакоба, который является первооткрывателем брошюры Н.И. Воробьева для абхазского читателя, никаких сведений об ее авторе не мог привести².

Лишь сравнительно недавно о Воробьеве стало известно, что его звали Николаем Ивановичем, он был секретарем Общества изучения Черноморского побережья Кавказа, учрежденного в 1911 году; организатором съезда деятелей Черноморского побережья Кавказа с участием выдающихся российских представителей науки, техники, культуры (1913); при его участии в том же 1913 году была проведена выставка «Русская Ривьера»; он составил, изданную в 1915 году книгу «Указатель сочинений о Черноморском побережье Кавказа», включающую сведения о 2267 публикациях (именно в рекламном извещении об этом издании, размещенном на сайте книжного магазина раритетных изданий, и сообщены сведения о его авторе³, которые уже были использованы в моей книге, изданной в 2013 году⁴); под его редакцией в 1916 году в Петрограде издан справочник «Черноморское побережье Кавказа», составителем которого является Ф.П. Доброхотов; в 1919 году в Ростове-на-Дону он выпустил упомянутую в начале данной публикации брошюру «О неосновательности притязаний грузин на Сухумский округ (Абхазию)», а еще раньше был участником со-

¹ Колбая Георгий Николаевич – кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации и Республики Абхазия.

² Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. 1990. – С. 68.

³ [http://www.rusbibliophile.ru/Book/Vorobev N I Ukazatel](http://www.rusbibliophile.ru/Book/Vorobev%20N%20I%20Ukazatel)

⁴ Колбая Г.Н. Сочинская Олимпиада в глобальной политике. М., 2013. – С. 285.

стоявшегося в ходе Гражданской войны 25-26 сентября 1918 года в Екатеринодаре совещания руководства Добровольческой армии и Кубанского краевого правительства с представителями Грузинской Республики, на котором рассматривался, в частности, вопрос о мирном размежевании территории, подконтрольной Добровольческой армии, с территорией, на которую претендовала Грузия. Справедливости ради заметим, что участие в упомянутом совещании – единственный штрих его биографии, о котором было известно и ранее.

Судя по тому, что Н.И.Воробьев был участником совещания 25-26 сентября 1918 года в Екатеринодаре, на котором Добровольческую армию представляли генералы М.В. Алексеев, А.И. Деникин, А.С. Лукомский, И.П. Романовский, А.М. Драгомиров, а также В.В. Шульгин, добровольческое движение ему было не чуждо. Эта оговорка представляется уместной в связи с тем, что формально на том совещании он значился в составе делегации не Добровольческой армии, а Кубанского правительства¹. При этом в начале второго дня заседания участников совещания не Л.Л. Быч, глава Кубанского краевого правительства и руководитель краевой делегации, а генерал Алексеев, возглавлявший делегацию Добровольческой армии, предложил ему «сделать сообщение о Сочинском и Сухумском округах, как знатоку Черноморского края»².

Как было отмечено выше, в 1913 году в Санкт-Петербурге во время выставки «Русская Ривьера» под патронажем Главного управления землеустройства и земледелия был проведен съезд деятелей Черноморского побережья Кавказа. Доклады, прочитанные на съезде, были изданы в трех томах под общей редакцией Н.И. Воробьева: первый том издан в 1913 году, второй и третий тома – в 1914 году. В списке членов оргкомитета по проведению съезда о Н.И. Воробьеве сказано, что он «коллежский советник, член Императорского археологического института, секретарь Общества изучения Черноморского побережья»³ [Кавказа]. В составе же организационного комитета он значится, по существу, ответственным секретарем – «членом-делопроизводителем»⁴, что воспроизведено и на титульном листе всех трех томов издания.

По источникам, имеющимся в Советском Союзе и в постсоветской России, других сведений о Н.И. Воробьеве найти не удалось, поэтому был направлен запрос в Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына (далее – Дом русского зарубежья) в надежде найти информацию

¹ Об этом см.: Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлиси. 1919. – С. 391.

² Там же. С. 407-408.

³ Труды съезда деятелей Черноморского побережья Кавказа. Т. 1. С.-Петербург. 1913. – С. XI.

⁴ Там же.

о каких-то других его трудах, в том числе касающихся Абхазии, которые предположительно могли быть изданы за границей, если он туда после поражения белого движения эмигрировал.

Дом русского зарубежья, как сообщила заместитель его директора Т.А.Королькова, организовал «поиск в своих собственных фондах и в каталогах крупных русских библиотек, но работ Н.И. Воробьева, изданных за рубежом, найти не удалось». Вместе с тем было сообщено о том, что удалось найти биографическую справку в книге «Русское зарубежье во Франции». Как следует из упомянутой биографической справки, **Воробьев Николай Иванович** родился 27 сентября /10 октября 1861 года в городе Екатеринодаре Кубанской области, окончил Московский университет, скончался 7 октября 1950 года во Франции – в курортном городе Ментона (департамент Приморские Альпы), похоронен в Ницце на кладбище Кокад». В этой биографической справке он характеризуется как этнограф, деятель культуры... Относительно его служебной карьеры отмечается, что работал хранителем Музея Дальневосточного отдела Академии наук в С.-Петербурге, был председателем Черноморского общества, являлся большим знатоком побережья Черного моря, упомянуты труды по пропаганде Черноморского побережья: «издал каталог книг и статей, посвященных этой теме». Оказывается, Н.И. Воробьев во время Первой мировой войны занимался гуманитарной деятельностью, поскольку «служил по санитарной и эвакуационной части». В эмиграции во Франции жил в Ницце, был вынужден работать сторожем. Одно время работал в местном отделении Управления по делам русских беженцев. Отмечается также, что он «устроил ботанический сад субтропической флоры, участвовал в создании русского архива при церкви. Переехал в Париж. С 1945 года был секретарем и заведующим хранилищем Общества охранения русских культурных ценностей. Последний год жил в Русском доме в Ментоне»¹.

Благодаря результатам поисков, организованных по поручению Т.А. Корольковой, наряду с уже упомянутой биографической справкой о Н.И. Воробьеве, содержащейся в биографическом словаре, посвященном российскому зарубежью во Франции, найдено также упоминание о докладе на тему «Ново-Афонский монастырь и его роль в культурном развитии Черноморского побережья Кавказа», сделанном им в 1930 году в Ницце в Обществе изучения Ривьеры и Черноморского побережья Кавказа². Наши дальнейшие поиски в этой серии изданий позволили выявить участие Н.И. Воробьева еще в ряде других культурных мероприятий за границей.

¹ Российское зарубежье во Франции. 1919-2000. Биографический словарь в 3-х томах. Т. I. М. 2008. – С. 311.

² Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920-1940. Франция /под общей ред. Л.А. Мнухина. Т. 2. 1930-1934. Париж. 1995. – С. 127.

Снова в Ницце 23 апреля 1933 года Николай Иванович и опять же в Обществе изучения Ривьеры и Черноморского побережья Кавказа сделал доклад на тему «Особенности Черного моря и его берегов»¹. Там же, в Ницце, 13 января 1938 года в заседании кружка по изучению русской культуры он выступил с докладом «Императорская Российская Академия Наук»².

Сведения о деятельности Н.И. Воробьева во время Гражданской войны в России частично были найдены в издании, посвященном деятельности Кубанского краевого правительства³. В протоколах заседания этого правительства, начиная с 1 декабря 1917 года⁴, он упоминается секретарем и в этом качестве вместе с председателем правительства подписывал эти протоколы, содержащие и решения по обсуждавшимся вопросам, из чего можно заключить, что на самом деле он был управляющим делами краевого правительства. С середины 1918 года Н.И. Воробьев становится членом этого правительства, о чем говорится в протоколе № 22 заседания Совета членов Кубанского краевого правительства, состоявшегося 10 июля 1918 года на станции Тихорецкой: «По предложению председателя правительства Л.Л. Быча Н.И. Воробьев избран на должность члена правительства по здравоохранению»⁵. При этом было подчеркнуто, что ему «предоставляются особые полномочия по борьбе с эпидемиями. На заседании Совета правительства, состоявшегося 23 августа 1918 года (протокол № 48), на него было возложено еще и замещение обязанностей отъехавшего члена правительства по юстиции»⁶. Спустя месяц, своими рассуждениями при обсуждении доклада по проекту штатного расписания Екатеринодарского окружного суда (протокол № 68 от 23 сентября 1918 года), он доказал, что выбор исполняющего обязанностей «члена правительства по юстиции» был сделан вполне удачно: «Все культурные нации считали и считают элементарной истиной, что положение судьи во всех отношениях должно быть исключительным и не может быть ни в коем случае сравнимо с чинами всех других ведомств, являющихся обыкновенными чиновниками, не соприкасающимися непосредственно с психикой человека»⁷.

Судя по всему, с учетом культурно-образовательного уровня Н.И. Воробьева, правительство поручало ему и выполнение работ, с его прямыми должностными обязанностями никак не связанных. Так, на заседании Со-

¹ Там же. Т.2. 190-1934. М., 1995. – С. 417.

² Там же Т. 3. 1935-1940. М., 1996. – С. 396.

³ Протоколы заседаний Кубанского краевого правительства: 1917-1921 / Сборник документов в 4-х томах / Под ред. А.А. Зайцева. Краснодар. 2008.

⁴ Протоколы заседаний Кубанского краевого правительства: 1917-1921 / Сборник документов в 4-х томах / Под ред. А.А. Зайцева. Т. 1. Краснодар. 2008. – С. 18.

⁵ Там же. – С. 106.

⁶ Там же. – С. 144.

⁷ Там же. – С. 196.

вета Кубанского краевого правительства от 8 октября 1918 года (протокол № 78) среди обсуждавшихся был и вопрос «правильной организации краевой библиотеки» (пункт 17 повестки заседания). По результатам состоявшегося обсуждения правительство постановило «просить члена правительства Н.И. Воробьева разработать и представить доклад о краевой библиотеке»¹.

В последний раз Н.И. Воробьев в качестве члена Кубанского краевого правительства упомянут в протоколе заседания этого правительства № 156-б от 20 декабря 1918 года². Из сообщения, сделанного докладчиком на заседании правительства 5 апреля 1919 года (протокол № 98) по вопросу о ликвидации Анапского лазарета, узнаем, что «означенный лазарет был открыт в 1918 году распоряжением бывшего члена правительства по делам здравоохранения Н.И. Воробьева»³. Информации о том, когда, почему и каким образом он стал бывшим, не имеется.

Как видно из протокола Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России (ВСЮР), состоявшегося 16 октября 1918 года и обсуждавшего проект Положения об управлении в местностях, занятых Добровольческой армией, Н.И. Воробьев был среди тех членов Кубанского краевого правительства, кто в рабочем порядке ознакомился и высказывался по этому проекту, готовившемуся в аппарате Особого совещания⁴. Этот документ был посвящен «конструкции власти и взаимоотношений между Кубанским краевым правительством и Добровольческой армией»⁵.

Другие имеющиеся в цитированном издании документы, в которых упоминается Н.И. Воробьев, характеризуют его уже как сотрудника структур Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР, что, как представляется, объясняется его нежеланием оставаться в составе Кубанского краевого правительства, в деятельности которого к осени 1918 года вполне явственной стала склонность к сепаратизму, чему А.И. Деникин в своих «Очерках русской смуты» уделил много внимания. 11 января 1919 года по докладу Н.И. Воробьева Особое совещание признало принципиально желательным учреждение Комитета по устройству Кавказского Черноморского побережья, проект же положения об этом комитете – подлежащим переработке, для чего была образована комиссия, в состав которой был

¹ Протоколы заседаний Кубанского краевого правительства: 1917-1921 / Сборник документов в 4-х томах / Под ред. А.А. Зайцева. Т. 1. Краснодар. 2008. – С. 231, 237.

² Там же. – С. 259.

³ Протоколы заседаний Кубанского краевого правительства: 1917-1920 / Сборник документов в 4-х томах / Под ред. А.А. Зайцева. Т. 2. Краснодар. 2008. – С. 131.

⁴ Журнал заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России А.И. Деникина. Сентябрь 1918-го – декабрь 1919 года. М., 2008. – С. 35.

⁵ Там же. – С. 34.

включен и сам Воробьев¹. Позже Положение о Комитете по устройству Черноморского побережья Кавказа было принято². 1 марта 1919 года Особое совещание приняло решение: передать Гагринскую климатическую станцию в ведение Управления Государственных имуществ; поручить начальнику Управления государственных имуществ войти в сношение с лицами, интересующимися Черноморским побережьем и всесторонне с ним знакомыми, в частности с Н. И. Воробьевым, для выбора лица, которое надлежало бы немедленно командировать в Гагры для обследования неотложных нужд станции; поручить начальнику Управления государственных имуществ снестись с начальником Управления торговли и промышленности по вопросу о производстве необходимого ремонта Гагринской набережной, разрушенной штормом³. На заседании Особого совещания 20 сентября 1919 года Н.И. Воробьев в качестве председателя Комитета по устройству Черноморского побережья Кавказа докладывал пять вопросов, отнесенных к ведению Комитета: об общем положении на означенном побережье; о разрешении временного перемещения комитета из г. Сочи в г. Новороссийск; о дополнительном ассигновании 8813 рублей на содержание комитета; об ассигновании авансом 98 500 рублей на содержание комитета; об ассигновании 25 000 рублей на расходы по первоначальной разработке проекта устройства городов-садов на Черноморском побережье Кавказа⁴.

Любопытной является мотивировка положительного решения, принятого по последнему из доложенных Н.И.Воробьевым 20 сентября 1919 года вопросов: «Одобрив мысль об устройстве на Черноморском побережье Кавказа городов-садов в составе усадебных и культурных участков и основываясь на резолюции Главнокомандующего о том, чтобы пока были разработаны предположения относительно поземельного устройства в таких городах инвалидов – борцов за воссоздание России, Особое совещание постановило: ассигновать в распоряжение председателя Комитета по устройству Черноморского побережья Кавказа [Н.И. Воробьева] из общих средств Государственного казначейства авансом, в счет сметы сего комитета на 1919 год, двадцать пять тысяч (25000) рублей на расходы по разработке проекта устройства в Черноморской губернии городов-садов, с тем чтобы в первую очередь были намечены в сих городах участки для инвалидов – борцов за воссоздание России»⁵.

¹ Журнал заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России А.И. Деникина. Сентябрь 1918-го – декабрь 1919 года. М., 2008. – С. 110.

² Там же. С. 352.

³ Там же. – С. 224.

⁴ Там же. – С. 670–671.

⁵ Журнал заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России А.И. Деникина. Сентябрь 1918-го – декабрь 1919 года. М., 2008. – С. 671.

Уместным представляется обратить внимание на то, что стало понятным в контексте службы Н.И. Воробьева в структурах Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР, – почему его брошюра о бесосновательности притязаний Грузии на Абхазию была издана в 1919 году в Ростове-на-Дону: потому, что с января по декабрь 1919 года штаб-квартира ВСЮР находилась в Таганроге, втором по величине городе Ростовской области, расположенном всего в шестидесяти километрах от областного центра.

Выше неоднократно цитированное издание, отражающее содержание заседаний Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР, содержит «аннотированный именной список членов Особого совещания и приглашенных лиц», в котором есть биографическая справка и на Н.И. Воробьева, позволяющая узнать о нем кое-что дополнительно. Вот эта справка: «Воробьев Николай Иванович (1869-?). Окончил юридический факультет Московского университета. Чиновник для особых поручений V класса при Министерстве земледелия, сотрудник в этнографическом музее Академии наук. С 25 апреля 1919 г. – член Совета Управления земледелия и землеустройства, с 12 июня 1919 г. – председатель Комитета по устройству Черноморского побережья. Эвакуировался из Севастополя в октябре 1920 г. В эмиграции проживал с 97 1923 г. в Королевстве сербов, хорватов и словенцев»¹.

Как видим, эта биографическая справка содержит новые, ранее неизвестные нам сведения о Н.И. Воробьеве: окончил он именно юридический факультет Московского университета; в структурах Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР начал служить с 25 апреля 1919 года в качестве члена Совета Управления земледелия и землеустройства; эмигрировал («эвакуировался») в октябре 1920 года из Севастополя, то есть одновременно, а возможно, и вместе с потерпевшими поражение частями Русской Армии под командованием генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля (второй этап эвакуации; первый состоялся под командованием генерал-лейтенанта А.И. Деникина в феврале 1920 года из Новороссийска); в первые годы эмиграции, именно с 1923 года, проживал в Королевстве сербов, хорватов и словенцев, судя по всему, еще до переезда во Францию, где ему суждено было провести основную часть своей эмигрантской жизни.

Подводя общие итоги поискам информации о Н.И. Воробьеве, можно смело утверждать, что теперь мы знаем о нем, если и не все, то много: дату и место рождения; дату и место смерти и захоронения, какое учебное заведение окончил; кем был по профессии; где и кем работал после завершения учебы, в каких сферах служил во время Первой мировой войны и в период Гражданской войны. Оправдались, как оказалось, предположения

¹ Там же. – С. 963.

о том, что после поражения белого движения, как и многие люди его круга, он был вынужден эмигрировать из России, перенес все тяготы жизни на чужбине, но и там продолжал трудиться в интересах России, заботясь, в частности, о сохранении попавших за границу русских культурных ценностей. Кстати, обратим внимание на то, что не забывал он и про Черноморское побережье Кавказа и Абхазию: как было отмечено выше, в 1930 году в Ницце в Обществе изучения Ривьеры и Черноморского побережья Кавказа выступил с докладом «Ново-Афонский монастырь и его роль в культурном развитии Черноморского побережья Кавказа».

В.Л. Бигуаа

ХЭАЖЭКЫРА – КУЛЬТ ПЛОДОРОДИЯ У АБХАЗОВ

Хэажэкрыра – один из широко распространенных абхазских политеистических культов, сохраняющих до сих пор следы глубокой сакраментальности. Вместе с тем, он отличается и таинственностью своего функционального предназначения. Свидетельство тому – отсутствие прозрачности в обрядовой практике праздника. Даже в сообщениях современных информантов о том, как его справляли в старину, масса несовпадений. Нет ясности также и в этнографической литературе, в которой имеются лишь сведения фрагментарного характера. Точнее, в качестве письменного источника по данной теме современный исследователь имеет в своем распоряжении только лишь одну работу, представляющую небольшую зарисовку обряда, сделанную еще в начале прошлого столетия известным абхазским этнографом Н. С. Джанашиа¹. И невооруженным глазом видно, что, как минимум, в этой работе переплетены элементы двух культов – скотоводческого и земледельческого, хотя автор называет исследуемое предприятие «самым обрядом моления богу Айтар»². Вслед за ним отдельные элементы Хэажэкрыра относит к скотоводческому культу и Ш. Д. Инал-ипа: «Во время моления Айтару готовили специальные лепешки в виде месяца, солнца, собаки, лошади, ступни...»³. А в известном «Абхазо-русском словаре» В. А. Касландзия «хэажэкрыра» объясняется также молением Айтару, в котором одновременно он именуется и «божеством диких зверей»⁴. Между тем, в специальной литературе Айтар представляется семидольным богом домашнего скота⁵.

¹ Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии Абхазии. Сух., 1960. – С. 26.

² Джанашиа Н.С. Указанная работа. – С. 26.

³ Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Сух., 1965. – С. 521.

⁴ Касландзия В. А. Абхазо-русский словарь, т. 2. Сухум, 2005.

⁵ Званба С. Т. Этнографические этюды. Сух. 1955. – С. 66; Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. Сух., 1965. – С. 519-521; Акаба Л. Х. Традиционные религиозные представления//Абхазы. М., 2007, 2012. – С. 360- 361.

Согласно джанашиевскому описанию обряда в первую очередь модельщик обращался к верховному божеству с просьбой, «чтобы милости и щедроты (божества. – В.Б.) посылались его семье». Затем он молится и божествам обоих небесных светил и домашнего скота¹. Несмотря на имеющиеся в этой этнографической работе противоречия, заключающиеся, повторюсь, в свертывании клубком различных культов, в известной мере она может послужить исследователю в качестве своеобразного ориентира. А использовать ее отдельные моменты как сравнительный материал, дающий возможность проследить за трансформацией данного обрядового действия, можно и нужно.

Основой настоящей работы является полевой этнографический материал, собранный мною в течение ряда последних лет, главным образом, методом личного наблюдения². Не последнее место в данном исследовании занимает также и то, что я, как родившийся и выросший в родной абхазской среде, не понаслышке знаю те или иные нюансы обряда. Между тем, не исключена возможность, что в том или ином регионе страны могут иметь место несколько иные вариации отправления культа, благодаря которым вполне уместны и вопросы к настоящему описанию со стороны абхазского читателя. Разумеется, я, как автор исследования, не строю себе иллюзии, что могу дать на них исчерпывающий ответ.

Празднество и его обрядовая практика. «Хэажэкры» отмечается во время появления новой мартовской луны, в понедельник вечером, в домашней обстановке, когда семья собирается у очага.

Естественно, этот культ, как и любой другой, не обходится без жертвоприношения. Но, в отличие от подавляющего большинства других традиционных празднеств, требующих «показ земле крови» – адгьыл ашьа арбара, с материальной точки зрения, оно совершенно не накладно, не только для среднестатистической семьи, но и более скромной, независимо от ее состава и социальной организации. Прежде всего, это ахэажэа – лепешки из пшеничной муки мелкого помола и фасоль – афэйд, варенная, размельченная, заправленная различными специями и небезызвестной аджикой. В качестве напитка на праздничный стол ставится неограниченное количество медовой воды – ацхазфа, но лишь для утоления жажды, не более того. Обязательным атрибутом обряда служит орешниковый прутик – арасамахэ. Вся жертвенная пища, как и все необходимые атрибуты должны быть готовы к полудню, «пока солнце не перекинулось» – амра хьшэтанза (абж.), амра ххэанза (бзыб.), пока злые духи пребывают

¹ Джанашиа Н.С. Указанная работа. – С. 26-231.

² Здесь широко использованы также отдельные положения статьи Бориса Кутелиа «Ахэажэкры ныхэара», опубликованной в очередном номере газеты «Абжьныха» (9), которая любезно была предоставлена мне им самим.

в своих темницах. Но к непосредственному приготовлению ритуальной пищи приступают перед самым молением, так как в жилом доме нечистые силы уже не опасны: боятся огня.

Поскольку сегодня редко кто возделывает просо как зерновую культуру, для теста идет и кукурузная мука, которую перемешивают с небольшим количеством пшеничной или соевой, как бы для вязки и улучшения вкусовых качеств.

Впрочем, и соя становится уже дефицитом, поэтому многие ограничиваются первым.

Просеивание муки и приготовление теста считаются обязанностью старшей женщины в доме, то есть «чистой»¹. Если в семье нет такой женщины, то хозяйка вправе позвать на помощь кого-нибудь извне. В крайнем случае, за дело возьмется она сама, если даже совсем молодая, попросив «прощения» у Всевышнего: «Анцэа, сатоумтцан»².

Основная группа лепешек имеет коническую, грушеобразную форму, потому и называется еще ахампал, что в переводе с абхазского значит «груша-мячик» (круглая). В одну из этих «груш» кладется «с одной стороны отточенный, с другой – обрубленный красивый болванчик – ахэажцэы из доставленного заранее прутика»³. «Традиционное количество грушевидных лепешек зависит от числа членов семьи: по три на каждого». Правда, редко, но встречаются и семьи, в которых принято варить только по одной грушевидной лепешке на каждого ее члена. И для тех, и для других исключение составляют три сравнительно большие лепешки, «одна из которых лепится наподобие новой луны – амзаѣа, вторая – солнца – амра, третья – деревянной ступы – алахэара вместе с своеобразными деревянными молотами – акалакэыт»⁴. Количество последних соответствует числу невесток в семье. Лепешки эти известны под общим термином акэакэар. Но «груши», представляющие подавляющее большинство лепешек, являются общими для всех членов семьи. Все, без исключения, лепешки должны быть без каких-либо начинок. А фасоль необходима как ацыфа – «то, с чем их едят». Что касается «похлебки из свежей крапивы», которую раньше готовили повсеместно, она уже забыта⁵. Надо полагать, что данная похлебка готовилась так же, как блюдо, несущее на себе дополнительную магиче-

¹ «Чистая женщина» – женщина, перешедшая менструальный возраст.

² Инф. Жора Кутелиа, 71 год, с. Арасадзыхь, 10.11.2013; Эва Чагуаапха, 69 л., г. Сухум, 22.07.2013.

³ Инф. Етери Тарба, 74 год., жит. г. Сухум. Зап. 15.07.14.

⁴ Борис Қәтелиа. Ахэажэқыра аныхэа. Указ. номер газеты; инф. этнолог Марина Барцыц, родившаяся и выросшая в с. Блабырхуа, 8. 01. 2015; фольклорист Цира Габниа, родившаяся и выросшая в с. Джирхуа, 8. 01. 2015; Сада Цихичба, 58 л., г. Гагра, родилась и выросла в с. Калдахуара, 9. 01.2015.

⁵ См. указанную работу Н.С. Джанашиа. – С. 26.

скую нагрузку, способную обеспечить семью дарами земли, дарами природы. А на практике молодые побеги крапивы используются не только как пища растительного происхождения, но и как народное средство лечения больного аллергией.

Независимо от их формы, все обрядовые лепешки варятся в одном большом котле, на открытом очаге ацацха (четырёхугольная жилая постройка с конусообразной крышей, крытой камышом или дранью, плетеными рододендронами стенами и земляным полом). Таково требование обычая. Но те, у которых нет подобной постройки, используют камин или печь, не обращая уже внимания даже на способ его отопления, поскольку нет у них выбора.

Как только лепешки будут готовы, старшая в семье хозяйка, аккуратно вынимая их из котла, кладет в большую деревянную миску – асаара и ставит на стол, специально установленный на самом видном месте двора жилого дома, который покрыт новой белой скатертью, в крайнем случае, чистой, не запятнанной.

В настоящее время многие проводят моление и в жилом помещении, упрощая тем самым его процедуру, особенно в ненастный день.

Глава семьи, надев на себя свежую, накрахмаленную, светлую рубашку, предварительно помыв руки и лицо – иџи инапи зэзэаны, встает с обнаженной приподнятой головой с взором на луну, а за ним пристраиваются члены семьи мужского пола. Выбрав три грушевидные лепешки вместе с той лепешкой, которая напоминает новую луну, молельщик кладет их отдельно в тарелку, которую ставит перед собой, и произносит молитву торжественным и громким голосом: «Ты, Амза – освещающая ночи, показывающая нам дорогу, не дающая нам заблудиться, покровительствуй нам, мужчинам; дай нам частицу своей силы и мощи, не обделяй нас своим добром; способствуй умножению нашего хозяйства, расширению нашей семьи за счет нового пополнения; дай нам, труженикам, благоприятные климатические условия, даруй нам тепло твоих очей и сердца; не умори нас голодом; дай нам богатый урожай и сделай так, чтобы мы смогли употребить его в здравье» – Амза – ура, ҳацх зырлашо, уахынла, цъара мџақы ҳақэзар, ҳахыцо – ҳахьяауа ҳзырбо, ҳзырманшәало – ухышыьргәытца сакәыхшоуп, улыпха – угәыпха ҳагумырхан, уахылапш, нхара-нтырала, нхамџала ҳаицых, аџира ҳат, амла ҳаумыркын, ахьта ҳаумыркын, аамта бзиа ҳзыкаца, аеаџра ду ҳат, иаахрыхуа пшзала иахфартә ҳқатца; ахатцажәла иреиуоу зегыы уахылапш, умч чыда ҳалатца, улшацш ххыз, ухы ҳхумбаан. – «Аминь»! – произносят все мужчины, с подчеркнутым поклоном богу. «Да говорит Бог вместе с вами «аминь», – вторят и остальные члены семьи, и стар, и млад. Повернувшись к тем домочадцам, кто за ним располагается, молельщик угощает каждого из мужчин кусочками «тройки» грушевидных лепешек и, конечно же, и «луны».

Затем молельщик берет солнцеобразную лепешку, а также три «груши», кладет в ту же тарелку, но уже свободную от предыдущих лепешек. Таким же способом и с такими же почестями он обращается к солнцу – Амра, но уже лицом к его восходу. На сей раз ближе к нему продвигается женская половина семьи: «Амра, да обойти мне вокруг тебя! Прошу тебя, не обделяй нас своим теплом, покровительствуй женщинам дома моего!» – Амра, сызкэхышоу, сухэоит, улыпча хахумбаан, аоны ифноу ахэсахэычкэа уылапш рыгумырхан, ируа-ирхэо рыцгала, урхылапш.

«Аминь!» «Аминь!» «Аминь»!.. Жрец разрезает жертву на кусочки и раздает их женщинам.

Моление завершается «ступой» с «деревянными молотами», которые молельщик кладет в ту же тарелку вместе с новой «тройкой» грушевидных лепешек. Молельщик приглашает к себе невесток, которые становятся справа от него, на один шаг отставая от него, а за ними – и остальные женщины семьи, смиренно и молча слушая его речь: «Могучая Анапа-нага (покровительница злаков), прошу тебя, ниспошли позади меня смиренно стоящим позади меня моим невесткам тепло твоих очей и сердца, покровительствуй им, способствуй их размножению, дай им большой урожай, пожелай им исполнения их добрых желаний, дай здоровья им и их детям так, чтобы они вырастили их сильными, энергичными, счастливыми. А девочкам, стоящим за ними, даруй здоровье, счастливую долгую жизнь!» – Кыр зымчу Анапа-нага! Сбыхэоит, абра, сышьтахэ игылоу сҭацаца-хэычкэа, былыпча рыт, бгэыпча рыт, аҕиара бзиа рыт, иркуа-ирышьтуа марымажахо, ируа-ирхэо рҕылартэ еипш, ргэхэхэтэы иахыгыза, бырхылапш, рхэычкэеи дарей еихыгыза, инеибазартэ амч-алшара рыт. Урт рышьтахэ игылоу азҕабцаа агэыбзера наза ратэашья, иратэашья аманшэалара, анасып, антцыраду.

«Аминь!» «Аминь!» «Аминь»!.. Затем – угощение жрецом жертвенными лепешками.

Такая дифференцированная система моления соблюдается в основном в трехпоколенных семьях, в которых живут ревностные носители традиции отцов. За редким исключением, в двухпоколенных молодых семьях ограничиваются молением верховному богу Анцаа в один прием. А в неполной семье, в которой нет отца или деда, молиться может и хозяйка дома, не зависимо от ее возрастного ценза.

Приведенные здесь формулы моления построены мною, в основном, на основе метода реконструкции молитв, услышанных в течение длительного времени от разных жрецов.

В настоящее время мало кто соблюдает логическую последовательность изложения этих молитв. Скорее всего, они носят импровизированный характер, поскольку заостреные формы моления забыты. Нередко во вре-

мя отправления культа молельщик вносит новые слова, порою не очень подходящие ему. Все зависит от степени осведомленности молельщика.

После окончания всей серии обрядовых действий семья садится за стол, где каждый ест от души вместе с похлебкой, или без нее. Как уже было отмечено, в качестве напитка принимается медовая вода, от которой можно слегка охмелеть. А об обычных алкогольных напитках, даже вина, считающегося божественным, и речи не может быть: тчасым.

По традиции за стол должны садиться, естественно, придерживаясь института нормативной культуры народа, т. н. «старшинства-младшинства» – аихабрецыбра: глава семьи, его старший сын и т. д., а хозяйка дома со своими невестками и дочерьми – также по принципу возрастной градации, но как бы подальше от молельщика. Если в доме несколько невесток, то, согласно принципам «обычая избегания» младшая из них не садится со всеми – она обслуживает семью. Она садится только после окончания трапезы, и то – в самом укромном месте помещения. В знак солидарности вместе с ней семью обслуживает и ее младшая золовка, которая принимает пищу также вместе с ней. К еде приступают в том же порядке: сначала старший, затем – младший. Но это уже, скорее, из ностальгии по традиционной семейной организации¹. Во время трапезы у кого-либо из них обнаружится ахэыжэцэы. Тот, на долю которого выпадет она – ахэажэцэы зыкэшэаз, считается счастливым человеком года – ауафымш, поэтому его поздравляют с «выигрышем»: взрослого – рукопожатием, ребенка – поцелуем в голову.

«Если счастливец мужчина, пусть даже ребенок – через определенное время в его честь в семье устраивается специальный стол: режут петуха, козленка, в зависимости от ее материального благосостояния. А вот здесь наличие черного вина не мешает, с которым можно говорить традиционные тосты, в первую очередь, конечно, за «виновника» торжества. Но такой чести женщина-счастливица не удостоивается, потому что она «чужая», «рано или поздно она выскочит замуж»².

Молодежь проводит время весело, нередко и с песнями, и с танцами. Но срок этого торжества имеет региональный характер: «абжуйцы устраивают его через недельку-две, до конца марта месяца»³, «бзыпцы – на следующую год, в день Хэажэкыра, но не за обрядовым столом, а после, как бы в дополнение»⁴. Есть и такие семьи, которые отмечают его не в день праздника, а в канун, в воскресенье⁵.

¹ Об этом: Инал-ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете. Сух., 1984. – С. 93-103; Бигуаа В. Л. Абхазская традиционная семья и действительность. Сух., 2010. – С. 38-62.

² Инф. Аполлон Думаа, 71 год, с. Тхина, 6.07.2014.

³ Инф. Феня Цвижба, 75 л., жит. с. Члоу. Зап. 20.12.2013.

⁴ Инф. Виктор Бигуаа, 75 л., с. Лыхны, 22.12.13; этнолог Марина Барцыц, 8.01.2015.

⁵ Инф. Фолклорист Цира Габниа, 8.01.2015; Сада Цихичба, 58 л., г. Гагра, род. и выросла в с. Калдахуара, 9.01.2015.

Некоторые этот ахэажэтцэы бросают еще и в акэыцъал, в котором содержится фасоль, или же «в винный кувшинчик»¹, для того, чтобы определить другого счастливица. Но «фасолевый счастливец» не может сравниться с настоящим. Поэтому его чествование приурочивают к празднику, устраиваемому последнему.

В заключение описания ритуальной практики Хэажэкрыра следует подчеркнуть еще и то, что в том объеме, в каком он дается в настоящей работе, ритуал проводится не везде. Скорее, он имеет социальную окраску. Определенную роль играет также и структура семьи. Наиболее полный вариант может иметь место в основном в религиозной жизни отдаленных от городского общежития селений, к тому же в тех семьях, в которых проживают и представители старшего поколения, а в нуклеарных, тем более в семьях интеллигенции, праздник справляют в несколько упрощенной форме, или и вовсе забывают. В частности, в подавляющем большинстве случаев количество ритуальных лепешек ныне не ограничивается – варят столько, сколько хотят, а фигурные, некогда считавшиеся обязательными, «упускают» из виду. Для них отправления празднеств – это всего-навсего дань традиции отцов.

Символы. По представлению традиционных абхазов, символы природных явлений или хозяйственного быта находятся под той или иной магической нагрузкой и обладают чудодейственными свойствами.

1. «Амза». Почему Хэажэкрыра отмечают именно в новолуние?

Смена лунных фаз легла в основу представления древнейших людей о смерти и воскресении луны². В свою очередь это представление послужило почвой для формирования посевного календаря во всех земледельческих традициях нашей планеты.

Абхазская традиция не стала исключением. Согласно ей, появление нового месяца есть не что иное, как возрождение луны. То есть луна как антропоморфное существо раз в месяц «погибает», а через некоторое время вновь «оживает», «родится». Об этом свидетельствуют, прежде всего, названия лунных фаз, с максимальной точностью соответствующих реальной картины вещей: «пора рождения луны» – амзаимта («аира зкэу апсрагы икэуп»); «период молодости луны»/«молодая луна» – амзафамта/мзафа; «период созревания луны» – амзазхамта; «время полной луны» – амзафэмта; «время перехода луны» – амзетасымта; «время старения луны»/«куцая луна», «ущербная луна» – амзажэымта/амзакьягэа; «время

¹ Об этом сообщил мне абхазский философ Иван Дороевич Тарба, родившийся и выросший в с. Блабырхуа, жители которого, по его словам, на стол ставят и вино (зап. 30. 01. 2015).

² Подробнее об этом: Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. – С. 504.

гибели луны»/ «когда не видно ни старой, ни новой луны» – амзатахамта (абж.); жэамбара-ҧамбара (бзыб.).

Для абхазского земледельца каждая фаза имеет конкретное производственное значение. Новолуние – время посева семян, полнолуние – время посадки растений и т. д. Отсюда и почитание новой луны: «новолуние – плодородие». Как видно, всего фаз восемь. Основными из них являются: амзаҧа, амзатәымта, амзажәымта, амзатахамта, на которые падают четыре семидневки (недели).

Что интересно, в мифологиях ряда народов мира луна выступает в женской ипостаси: майя – Иш-чель, в греческой – Селена, в римской – Диана¹. Напротив, в абхазской традиционной культуре Луна имеет мужское лицо, мужской образ, и является либо братом, либо супругом солнца. Не случайно, что за свадебным столом тамада, поднимая бокал за здоровье молодоженов, произносит следующие слова благопожелания: «Дети, соединившие сегодня свои судьбы, да не разлучиться вам никогда, подобно единству солнца и луны» – «Иахьа зыцстазаара еилазтаз ахәыцкәа, амреи амзеи рецш, шәеигымхааит/шәидажәлааит»!

Что же касается отношения к луне как божеству с мужским началом, то абхазы не исключение. Такова картина лунного мира и у древних народов Востока: у шумеров – Нанна, аккадцев – Зуэн/ Суэн, хаттов и хеттов – Каску, индусов – Чандра², монголов – Шониин-нудән³, японцев – Цукиёми⁴.

В принципе, независимо от того, в какой ипостаси пребывает божество луны, во всех традициях одной из главных его функций является покровительство плодородию в природе и человеческом обществе, дарование всему живому организму на земле благоприятных условий существования.

В данном конкретном случае, в абхазском празднестве Хәажәкыра, лунообразная лепешка предназначена мужской половине семьи для придания ей силы, так необходимой не только для ведения «внешних», или «мужских» дел – адәахьтәи аус, ахацаус, но, главным образом, и для продолжения жизни рода⁵.

2. «Амра». «В первобытной философии всего мира солнце и луна одарены жизнью, и по природе своей они принадлежат как бы к существам человеческим. Обыкновенно противопологаемые друг к другу как мужчи-

¹ Ботвинник М.Н., Коган Б.М., Рабинович М.Б., Селенский Б.П. Мифологический словарь. М., «Просвещение», 1985.

² Мифы Народов мира. т. 1 -2.

³ Содномпилова М.М. Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности. Улан удэ, изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – С. 23-24.

⁴ МНМ. Т. 1.

⁵ О половозрастной градации в хозяйственном быту абхазов см. Бигуаа В.Л. Абхазская традиционная семья и действительность. Сухум, 2010. – С. 44.

на и женщина, они, однако, различаются относительно пола», – писал еще Эдуард Тейлор¹.

Развивая мысль классика мировой этнологии, известный кавказовед Л. А. Чибиров сообщает следующее: «Из небесных светил наиболее развитый культ сложился вокруг солнца. Солнце – источник света и тепла, олицетворение всего чистого, красивого, прекрасного – занимало совершенно особое место в жизни людей. Для многих народов солнце было одним из главных богов»². К таким народам относятся и абхазы, для которых солнце представляет собой высшую божественную персонификацию – амра анцэахэы. Солнце – светило верховного божества Анцэа. Именно поэтому одним из многочисленных эпитетов Анцэа является «тот, кто освещает» – изырлашо. Термин этот близок к общечеловеческому представлению о солнце: «всевидящее око божества». Связь между солнцем и божеством является архетипом. Абхазы поклонялись солнцу так же, как и египтяне – Ра, персы – Митре, вавилоняне – Шамашу и т. д. Известно еще, что верховный иудейский священнослужитель носил на груди золотой диск – символ божественного солнца.

А на Кавказе поклонение солнцу было типичным политеистическим культом у всех горцев: адыгов, вайнахов, дагестанцев и др.

И в настоящее время культ солнца присутствует в любой сфере традиционно-бытовой культуры абхазов: хозяйственной, материальной, в устном народном творчестве, искусстве. Виноградник разбивается на южном склоне участка земли – аера; дом строится фасадом на юг – аоны алакҭа амра ашэахэакэа ытцапсо; мать великих нартов, Сетаней-гуша, светила словно солнце – амра еипш длашон; в круговом танце «аибаркыра» его участники двигаются справа налево, навстречу солнцу; в резьбе на балюстрадах перил балкона гостиного дома изображаются кружки. Наиболее типичный и частый пример, в котором так ярко отражается культ солнца – круговое движение правой рукой справа налево, совершаемое пожилой женщиной при встрече с молодым родственником, или родственницей, как бы вокруг его/ее головы: «Да беру все твои беды на себя»!

Поэтому наличие фигурки солнца в обрядовой практике Хэажэкыра вполне естественно, поскольку абхазы молились главному светилу как антропоморфному божеству³. И здесь, в Хэажэкыра, солнцеобразная ритуальная лепешка – акэакэар, название которой происходит от термина «акэыр» – колесо (бзыб.), призвана обеспечить обильный урожай – один из основных элементов жизнеобеспечивающей системы семьи, как социальной ячейки. Это с одной стороны, а с другой – при помощи данной ри-

¹ Тейлор Э. Первобытная культура. М., 1939. – С. 208.

² Чибиров, 2008. – С. 66.

³ Об этом: Джанашиа Н.С. Указанная работа. – С. 31

туальной фигурки милость солнца направляется на женщин, монополией которых является «внутренние», то есть «женские» дела в хозяйственной жизни семьи - аонтәи аус, апцхәысус. Женщина в доме – это непрерывный огонь в очаге, это мирный и теплый семейный уют, рост численного состава семьи¹.

3. «Алахәара, акалакәыт». В этнографии хорошо известно, что до появления кукурузы на абхазской земле (XVIII в.) злачными культурами ее хозяев были пшеница, рожь, овес и две разновидности проса (panigo): ашы и ахәыз. Особое место занимала последняя культура, из муки которой варили абыста – крутую кашу – главное хлебное изделие в питании абхазов. Уже в начале следующего столетия они были в основном вытеснены кукурузой, ставшей впоследствии делом рук мужчины. Но до этого посевная площадь проса занимала небольшую площадь земли, его возделывание не составляло большого труда, поэтому и считалось женским занятием, особенно очищение зерна от шелухи в ступе при помощи деревянного молота. Но корни этой «женской монополии» на добывание растительных продуктов уходят, скорее, в эпоху собирательства, являющегося прообразом земледельческой традиции. Ритуальные фигурки из теста алахәара и акалакәыт являются символами урожайности с минимальными потерями. Магический смысл этих фигурок заключается еще и в другой значимости: алахәара как открытое углубление является знаком женского лона, а акалакәыт – ее связи с мужской созидательной силой, источника ее плодovitости.

4. «Ахампал». В этнографии принято считать, что дерево – воплощение жизненной силы. Такая универсальная оценка на дерево в целом легла как раз в основу его персонификации и в абхазской традиционной культуре: атла анцәахәы². Но следует отметить, что у грушевого дерева, плоды которого во время празднования Хәажәкыра изображаются ритуальными лепешками «ахампал», в традиционных культурах неоднозначный статус: у одних народов отношение к нему положительное, у других – отрицательное. Но в подавляющем случае «она наделена признаками чистоты и святости. Груша – хранительница засеянного поля»³. У некоторых народов западной Европы груша как вертикальное и высокое дерево претендует на статус эквивалента «мирового дерева» – дуба, изображающего ось всех трех сегментов мироздания: подземелья, земли, неба⁴. Это

¹ Об этом: Бигуаа В.Л. Абхазская традиционная семья и действительность. Сухум, 2010. – С. 44.

² Об универсализме культа дерева: Фрезер Джеймс. Золотая ветвь. М., 1992. – С. 149-177.

³ В поисках Волшебного дерева// Википедия.

⁴ Об этом: Раденкович Р. Символика света у народной магии... Белград, 1996. – С. 196. Цитирую по: Попович Даниела. «Груша в сербской культуре и устной прозе»// Традиционная культура (научный альманах), 4/2013. – С. 128.

значит, что грушевое дерево находится в ассоциированных отношениях со «священным браком», заключенным между небом и землей.

В восточных странах, особенно в Китае, груша как дерево, дающее плоды в порядке ста пятидесяти лет, считается символом долголетия¹. В культурах южных славян слово груша выступает как синоним «хлебец».

В абхазской бытовой жизни к груше – ахацла, особенно, дикой – абнаха/ахаш сохранилось отношение как к священному дереву. «Одной из форм проявления культа этого дерева следует считать практиковавшиеся знахарские обряды, в которых упоминается оно»². Из древесины груши делали предметы кухонной утвари, главным образом ложку – амхатцә, название которой напрямую указывает на данное обстоятельство. Точнее, ложки делали из ахаатцә – омелы грушевого дерева, отличающейся наибольшей плотностью и красочностью. А в пищевой культуре народа груша по праву считается одним из наиболее почетных и сытных плодов, даваемых эндемическими растениями. Подтверждение тому – известные неурожайные времена, когда вареная груша заменяла главное хлебное изделие в питании. Видимо, не случайно, что термин аха присутствует в глаголе ахахара «идти на пользу», «в прок»; ахахара – жрать; ахабыр-чбыр – закуска в собирательном значении. Далее: «груша издавна служила не только желанной пищей абхазов, но и помогала им бороться с рядом болезней. Главное ее свойство – антибиотика. Она ценилась еще и как лекарство при сосудисто-сердечном заболевании»³.

Здесь, на празднике Хэажэкры, ритуальные грушеобразные лепешки призваны обеспечить рост семьи. Их символизм произошел от формы плода, напоминающей одновременно женское лоно и женскую грудь. Это – оплодотворяющее женское начало. Но почему тогда они являются общими для всех домочадцев? «Общность» говорит о более древних корнях сакраментального значения груши, уходящего в эпоху собирательства, не знавшего половозрастной градации.

5. «Ахэажэцэы». Особым и наиболее веселым символом в празднестве Хэажэкры служит орешниковый болванчик – ахэажэцэы.

«Орешник (фундук) во все времена считается источником здоровья и счастья»⁴.

Издавна абхазам, как и многим древним народам, орешник известен как сильное, миролюбивое дерево. Поэтому он считается символом удачи, тесно связанным с волшебством, с магией, способным защитить человека

¹ Бидерман Х. Речник Символа. Белград, 2004, с. 185-186. Цитирую по: Попович Даниела. Указанная работа. – С. 128-133.

² Подробнее: Акаба Л.Х. Указ. работа. – С. 48-51.

³ Из лечебной практики моей бабушки, Гуарзалиапха Мамы.

⁴ Lihefoonds.ru.

от злой воли, злого умысла. Талисман из т. н. орешки-двойчатки (ф-гэык змоу) защищает от всех видов порчи, сглаза, колдовства. Часто болеющего ребенка, особенно при коклюше, семь раз протаскивают под корень орехового дерева. Орешник был действенным оберегом от змей. «Человек, отправляющийся за лекарством от змеиного укуса к народному лекарю, с собой берет орешниковую ветку, или палочку, и, молча заходя в дом к нему, и, не уронив ни словца, показывает ему свою «визитку». В ответ и лекарь, также молча, выдает визитеру нужную микстуру, без слов понимая причину его появления»¹. Трудно найти такого оракула, неподдающегося влиянию внешних факторов. Он, как и граб, благословенное дерево, в него не бьет гром. При грозе люди, оказывающиеся в поле, прячутся под его ветвями, если он стоит поблизости. «От удара молнии человека оберегает даже небольшой прут орешника, если он очертит им круг вокруг себя»².

Орешник не допускает несправедливого вердикта суда. Поэтому трудно переоценить его роль и в правовой сфере жизни. Так, непременным атрибутом друида, разрешающего какой-нибудь спор в своем кругу, является ореховый жезл, как символ беспристрастия. И абхазский старейшина во время заседания рода (ажэлантə реизара) держит простую, легкую палку из орешника, не столько в качестве опоры, сколько в качестве знака властных полномочий посланника семьи или патронимии. То есть орешник олицетворяет как власть, так и авторитет старшего по возрасту, его высокий статус в семье и обществе. В западной Абхазии сохранилась традиция, согласно которой в день праздника, справляющегося в честь верховного божества Хыхь и́коу («наверху находящийся») жрец держит орешниковый посох, как символ мудрости и власти³. Далее. «Во всех обрядах жертвоприношения, при которых убивается животное, сердце и печень нанизывается обязательно на фундуковую палочку, после чего произносятся молитвенные слова, адресованные божеству»⁴. И по сей

¹ Инф. научный сотрудник Абхазского государственного музея Диана Ахба, родившаяся и выросшая в с. Ачандара, 16.07.14. Об этом сообщается и в книге абхазского этнографа Л. Х. Акаба «Исторические корни архаических ритуалов абхазов». Сух., 1984. – С.31.

² Об этом я услышал от 90-летнего жителя с. Джгирда Шармат Теб во время его беседы со своим племянником, Шармат Дзыкь и каким-то еще одним не известным мне соседом в 1962, или 1963, когда я был у него в гостях, как дальний родственник, будучи студентом Сухумского пединститута.

³ Инф. Жрец Люсик Григолия, 78 л., с. Бармыш. Зап. во время моления верховному божеству, которое справлялось семьей жителя с. Бармыш Ромы Цихичба, на котором довелось присутствовать и мне. Заметим еще, что обычно посох делают из древесины карагача.

⁴ Акаба Л. Х. Исторические корни архаических ритуалов абхазов. Сух. 1984. – С. 28. В данной книге автор приводит еще ряд примеров, подтверждающих исключительную роль орешника в религиозных практиках и бытовой жизни абхазов. Несомненно, они представляют собой большой этнографический интерес.

день, ритуальное тесто месят фундуковой палочкой, а ритуальный пирог режут при помощи специально изготовленного для этого фундукового ножа¹.

По мнению абхазов, фундуковая веточка способствует вообще обновлению и возрождению природы. Поэтому у них сохранилась традиция «сбирать ранней весной веточки фундукового дерева и плюща и разбрасывать их в доме, во дворе, коровнике, курятнике и т. д.»².

На празднике Хэажэқыра ахэажэцэы является центральным предметом обрядового действия отнюдь не ради забавы. Ахэажэцэы – имитация мужского творческого начала, фаллоса, символизирующего плодородие. Культ божества плодородия ассоциировался со сверхъестественной силой мужского начала в религиях почти всех древних народов. К примеру, в египетской мифологии в честь бога плодородия Мин, представлявшегося одновременно как покровитель мужской потенции, произносились продолжительные молитвы и приносились ему большие дары с надеждой на то, что он проявит к народу милость, пошлет ему богатый урожай, вместе с тем и способствует воспроизводству населения страны. Правда, праздник плодородия египтяне отмечали не в начале весны, а перед началом сбора урожая. Фараон собственноручно срезал сноп и клал его перед статуей божества, так как он считался не только частицей бога Ра, но и наследником Мина³. Таков был характер культа также в Древней Греции и Древнем Риме⁴. А в современном религиозном мире наиболее известным примером почитания культа плодородия, непосредственным атрибутом которого является мужское творческое начало, может послужить японская традиция. Несмотря на официальный запрет на изображение гениталии (1872), 15 марта, или в первое воскресенье апреля, в храме Тагата, расположенном в селении Комаки, народ страны восходящего солнца проводит синтоистский праздник плодородия Хонэн-мацури. Кульминацией праздника является парад, участники которого идут с его деревянным «атрибутом» гигантского размера, открыто и всенародно⁵.

Что касается попытки объяснения термина «хэажэқыра» как «рододендрона держание» от того, что болванчик – «ахэажэцэы» изготавливали из

¹ Из полевого материала, собранного методом личного наблюдения вместе с языковедом Анатолием Хециа в селениях Бармышь и Калдахуара в 2013. Описание аналогичного ритуала сделал еще Шиллинг Е. М. Абхазы// Религиозные верования народов СССР. М., 1931, т. 2. – С. 67.

² Малиа Е.М. Народное изобразительное искусство Абхазии. Тб., 1970. – С. 98.

³ См. Штернберг Л. Я., Обнорский Н. П. Фаллический культ// Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб, 1907, т. 82; Яндекс: «Египетский культ плодородия».

⁴ Киньяр Паскаль. Секс и страх. М., Текст, 2000 (пер. с французского). – С. 36-50.

⁵ Destinations.ru/nfws/?id=3774; anydaylife.com/calengar/1835.

прутика рододендрона, следует считать ошибочной¹. Рододендрон не мог быть сакральным деревом, несмотря на его долговечность, благодаря которой из него плели стены жилых построек.

Справка: «На территории Абхазии растет две разновидности рододендрона: кавказская и понтийская. Кавказский рододендрон, известный абхазами как абжьынц, на зиму сбрасывает свои листья, цветы у него желтые, у понтийского – сиреневого цвета и растение само называется ахэажэ. В отличие от абжьынц, ахэажэ – вечнозеленое деревцо». Таков ответ на соответствующий вопрос эколога Романа Дбар². «Рододендроны содержат много дубильных веществ и вместе с тем являются ядовитыми растениями», – говорится в специальной литературе³. Отнюдь не случайно, что абхазы, прежде чем стелить горячий очаг листьями ахэажэ, на котором пекут ритуальные пироги, долго кипятят их в воде. И вовсе не случайно, также, что буквальный перевод «ахэажэ» звучит как «растение темное» (чередование звуков жэ и шэ): кора его темно-бурая, и его широкие, овально-продолговатые, кожистые листья, благодаря чему они имеют применение в быту, не просто зеленые, а темно-зеленые. Да встречались семьи, особенно в отдаленных селениях, в быту которых принято было делать ахэажэцэы из ахэажэ, но они представляли исключение, поскольку орешник (фундук) в районах гор, даже предгорья, – редкостное дерево.

6. Числа. Сверхъестественной силой обладают также и ритуальные числа, имеющие четкую дифференциацию.

Известно, что в каждой культуре порядковые числа, особенно первая десятка, носят на себе сакральную нагрузку, и объясняются в соответствии с национальным духом носителей традиции.

Вспомним еще, что в эзотерике «дин» понимается как символ целого, как единая точка начала мира. Единица представляет собой символ человеческой воли, она лежит в основе вселенной, и насыщена силой для творения, естественно, поэтому и почитаема как благо. «Два», – с одной стороны, символ противопоставления, разделения и связи, с другой – символ соответствия. «Три» – небесное число, символизирующее душу. Это – число удачи. Словом, каждое число обладает определенной магией. Более того, числа эти делятся по половому признаку. Нечетные числа, как

¹ К сожалению, термин «хэажэқыра» трактуется Л. Х. Акаба как «рододендрона держание» и в известной коллективной монографии «Абхазы», изданной в Москве издательством «Наука» в 2007 и 2012. – С. 52-54.

² Из беседы с директором Института экологии АН Абхазии Романом Дбар, состоявшейся 19.07.2012.

³ Энциклопедия ядовитых растений google.

⁴ Из беседы с директором Института экологии АН Абхазии Романом Дбар, состоявшейся 19.07.2012.

простые, однозначные, считаются мужскими, божественными, а четкие – женскими¹.

В абхазской культуре «один», «три» и, особенно «семь», часто встречаются и в фразеологии, пословицах и фольклоре: «единственный сын у матери-вдовы» – апцхэысеиба лыцкэызатцэы, «одинокый человек – одинокая палка» – ауфызатцэ – алабазатцэ; «три брата» – ахџеишьцэа; «семь братьев» – абыжьџеишьцэа, «семь святых» – абыжьныхак и т. д. Как явствует, применительно к социальной жизни, они выступают как числа с мужским лицом.

Следовательно, количественная сторона ритуальных лепешек на празднике Хэажэкрыра, а именно «один» и «три», предназначенные каждому домочадцу, выступает как очередное деликатное представление значимости физиологического строения мужского достоинства в комплекте – универсального символа плодородия.

Выводы. Резюмируя основное содержание настоящего исследования, можно отметить еще следующие моменты как бы в дополнение приведенному выше полевому этнографическому материалу и описанному на его основе обряду.

Несмотря на то, что многие стороны культа Хэажэкрыра исчезли в тумане времени, значительная часть остова дошла до наших дней как бы в закрытом состоянии, которая позволяет сделать реконструкцию его собственного существа.

Обрядовым днем Хэажэкрыра считается понедельник. И это не случайно. По гороскопической традиции понедельник – день луны². Интересно также его абхазское название – «ашэахьа», которое переводится как «дверь-день»³. В данном случае – это «вход в весну».

Если при отправлении данного культа в формуле моления имеет место некий симбиоз имен различных божеств, то следует его объяснить, прежде всего, самим характером хозяйственной системы абхазов в прошлом. Известно, что с незапамятных времен главное занятие абхазов составляло земледелие и скотоводство. Известно еще, что степень развитости этих хозяйственных направлений зависела от вертикальной зональности физико-географического пространства страны. В прибрежной полосе, где земледелие занимало первенствующее положение, скотоводство играло вспомогательную роль и, наоборот, в горной местности, в которой доминировало скотоводство, земледельческая традиция была в подчинении ему. Независимо от господства производственного направ-

¹ Подробнее об этом: <http://www.ru/pades/pades/page/show/1344htm>.

² Вторник – день Марса, среда – день Меркурия, четверг – день Юпитера, пятница – день Венеры, суббота – день Сатурна, воскресенье – день Солнца.

³ Бигуаа, 2012. – С. 199.

ления, умилоствление богов обоих пантеонов было обязательным для всех – и земледельцев, и скотоводов, хотя подчеркнутое отношение к «своим» божествам чувствовалось и у тех, и у других. А чувствующееся в нем ослабление позиции земледельческих богов – корректив, внесенный в обряд историческим временем, под воздействием тех или иных обстоятельств.

Основной фактор «уступчивости» земледельческих культов объясняется, прежде всего, пресловутой «крестьянской реформой» (1870), так или иначе нарушившей производственный ритм абхазских тружеников, и, следовательно, отодвинувшей их на второй план.

Тем не менее, до сих пор неотъемлемой частью ритуальной практики Хэажэкрыра остается моление богине злаковых культур Анапа-нага, о котором буквально тремя фразами сообщает тот же Н.С. Джанашиа¹, хотя он видит ее в пантеоне скотоводческих богов и путает также ее половую принадлежность. Согласно его сообщению, еще в те времена молещик, беря в руки «алаҳэара», просил Анапа-нагу: «Ниспошли нам теплоту твоих глаз и твоего сердца. Дай нам такую кукурузу, чтобы при сборе пришлось нам гнуть ее крючками и подрубить цалдою (топором с клювообразным носом – В.Б.)!»².

Анапа-нага – устроительница земледельческого порядка, организатор земледельческой деятельности людей, дарительница злачных продуктов. Анапа-нага, как женщина красивого облика с длинными волосами, либо цвета спелого проса, либо спелой пшеницы, благостна к людям. Она сильно почиталась земледельцами, потому они не забывают ее и поклоняются ей до сих пор. А жертвенные лепешки, напоминающие ступу и сопровождающие ее предметы, – атрибуты богини злаковых культур – свидетельствуют о функциональном направлении данного культа, отражающего рудименты хтонического плодородия.

Согласно вышеуказанному сообщению, в Хэажэкрыра входило еще и моление другим богам земледельческого пантеона, которым молились индивидуально: Сау-нау – богине мукомолья, Кэыкэына – богине льна и конопли, Ерыш – богине тканья, прядения и шитья, Нар – богине виноградарства и плодовых деревьев. Вместе с тем, логичнее думать о том, что в старину все они могли справляться в другие дни, после Хэажэкрыра.

В пользу такого мнения говорят и данные полевого исследования: «В старину праздник Хэажэкрыра посвящался только божеству луны в паре с богиней злаковых культур, а обряды в честь других богинь отправлялись

¹ Джанашиа Н.С. Указ. работа, там же.

² Джанашиа Н.С. Указ. работа, там же.

несколько позже»¹. Не последним аргументом такого мнения служит также и материал, из которого готовят жертвенную пищу. Жертвенная пища здесь всецело растительного происхождения. Здесь нет даже молочных изделий, не говоря уже о мясных.

Все животноводческие культы, которые группируются под общим названием «Аиҭарныхәа» отправляются зимой, до конца февраля. Как я уже отмечал в одной из работ, нет ничего удивительного, что февраль месяц называется именем одного из главных скотоводческих праздников: Жәабран². Как явствует этнографическое поле, после празднования Нового года, Жәабран является последним культом зимнего обрядового цикла, включающего в себя исключительно скотоводческие. А Хәажәкыра устраивают на третий день после него, как обряд иного порядка, а именно весеннего.

Начало весны всегда ассоциируется с пробуждением природы, полем, а поле – с земледельческой традицией.

Об адресате Хәажәкыра говорит, прежде всего, одна из древнейших форм религии – магия, которая тщательно скрывается в ритуальных фигурках. Этой, стало быть, имитированной магией устроители обряда способствовали обеспечению урожайности полей.

В не меньшей мере о предназначении обряда говорит также этимология самого термина «хәажәкыра», состоящего из двух слов: ахәажәа (лепешка из проса мелкого сорта ахәыз + акра – (держать)). Его смысловая нагрузка – «приносить в жертву лепешки из просяной муки».

Таким образом, использующийся здесь полевой этнографический материал свидетельствует о том, что Хәажәкыра – это культ, сформировавшийся еще в период большого разделения труда на почве религиозных представлений абхазских земледельцев. И со временем он распространился по всему этническому массиву, при каждом удобном случае приобретая региональную окраску. А то, что сегодня в формулах моления отдельных жрецов отражаются элементы обрядности несколько иного порядка, нужно понимать как позднее наслоение. Конечно, не последнюю роль в этом играла и указанная выше традиционная особенность абхазского земледелия, сочетающегося с основными чертами скотоводства. Иначе и быть не могло. Не говоря уже о продуктах животноводческого происхождения, земледельцам нужны были животные и как тягловая сила.

¹ Инф. Жора Кутелиа, 71 г., с. Арасадзыхь, 10.11.2013; Етери Тарба, 74 год, г. Сухум, 15.07.14; Сада Цихичба, 58 л., г. Гагра, род. и выросла в с. Калдахуар, 9. 01. 2015.

² См. Ломтатидзе К.В. О древних названиях месяцев в абхазском и абазинском языках// Ежегодник Иберийско-Кавказского языкознания. Тб., 1975. – С. 41. Лингвист приводит еще несколько вариантов для обозначения февраля: абж. чылда-хәычы, газымзап-хәычы, бзыб. мзыҭыры, ашх. мзахәан. Но в народе наиболее известно данное наименование февраля.

Логическое осмысление ритуальной практики изучаемого праздника приводит еще к одному очень важному выводу: Амза как божество выполняет не одну функцию, а две: оно покровительствует не только луне, но и плодородию, точно так же, как это было в других древних традициях, о которых шла речь несколькими строками выше («символы»).

А если можно выразиться образно, то Хэажэкрыра – это входные ворота в земледельческое хозяйство абхазов, сопровождающееся большим циклом «профессиональных» праздников, функциональное назначение которых – плодородие.

М. Б. Квициния

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО РЕФЛЕКСИРОВАНИЯ АБХАЗОВ

Тема социальной рефлексии в современной науке все больше приобретает **актуальность**, становится предметом изучения в различных отраслях научного знания-философии, истории, педагогики, психологии и др. Этот интерес обусловлен усложняющимися процессами мирового развития, разрастающимися межнациональными, межгосударственными конфликтами, междивизиационным противостоянием политических блоков, объединений, борьбой за этнонациональное самосохранение.

Человек вынужден сосредоточить внимание не только на самом себе, но и на тот окружающий мир, в котором он живет. Рефлексивность уже перестала быть просто той границей, которая отделяет человека от животного, так как в эпоху постмодернизма он ощутил себя ответственным за собственное и мировое существование. Однако другая сторона рефлексирования – ощущение невозможности найти компромисс в конфликте в современных реалиях требует поиска новых способов установления понимания. Иначе, человечество загонит себя в тупик, что грозит уничтожением разума и самой планеты. Для того чтобы избежать фатального исхода важно дополнить творчество политиков, ученых и народов «конструктивной процедурой, порождающей условия и средства, необходимые для объединения рефлектируемой и рефлектирующей деятельности в рамках подлинной кооперации, т.е. объединять знания, онтологические картины, модели, языки и т.п., ...именно это, в первую очередь, и является, на наш взгляд, залогом быстрого и эффективного продвижения в дальнейшем»¹.

Социальная рефлексия выступает особым социально-философским предметом экспериментального изучения, оснащенного специально разработанными для этого методами. На наш взгляд, одним из существенных методов ее изучения является **историко-культурологический**, раскрываемый на основе анализа гуманитарных направлений: социологии,

¹ Щедровицкий Г.П. Коммуникация, деятельность, рефлексия//Исследование речемыслительной деятельности. Алма-Ата, 1974. Источник: Г.П. Щедровицкий. Избранные труды. – М., 1995. // Рефлексия – Институт развития имени Г. П. Щедровицкого www.fondgp.ru/lib/collections/archive/ (обращение 20.07.2015)

истории, литературоведения, лингвистики, религии, искусства. Каждое направление как «отдельный социальный организм» включено в систему отношений: «субъект как отдельный представитель» и «субъект-этнос как целое»; при том объектами могут быть те же самые «социальные процессы» и «социальные интересы» в их динамике.

Рефлексия в научной литературе понимается как способность человека к самоанализу, осмыслению и переосмыслению, которая стимулирует процессы самосознания, обогащает «Я-концепцию» человека и способствует самосовершенствованию личности. Это в узком смысле слова, хотя его содержание представляется куда шире. Рефлексия проявляет себя как механизм осмысления накопленного общественного опыта, то есть как «культуротворящая жизнь в единстве определенной историчности»¹.

Понимая рефлексию интроспективно (самоуглубляясь), ретроспективно (осмысливая прошлое), этнос модифицирует в сознании и реализует на практике те формы социального развития, которые считает наиболее допустимыми и желанными. Представляет интерес классификация типов рефлексий некоторых философов (Дацюк С.А. и др.), в которых выделяют смысловую, интерсубъективную, интерпозиционную рефлексии. Смысловая рефлексия характеризуется как рефлексия, допускающая коллективную деятельность. Социальная рефлексия, помимо самосознания, включает обширные знания, коммуникационный опыт, лингвистическое наследие. «Субъект и объект допустимо по-разному нормируются в реальностях мышления, речи-текста, деятельности, эмпирической, языковой, логической...»². В этой связи исследование этнорефлексивных форм бытия в историческом разрезе представляет собой не только возможность осмысления социальной динамики этноса, но и перспектив его существования в дальнейшем.

Большую теоретическую и практическую значимость приобретают исследования механизмов саморегуляции этнических форм бытия, систем, рефлексивных моментов духовного производства и функционирования этнического сознания.

Этнорефлексия – это отношение к своей истории и культуре, к внешней практической деятельности, к формам внедрения коллективистских традиционных представлений и практик. Рефлексия носителя этнокультуры, если он играет социально значимую роль в жизни этноса (лидер, старейшина, депутат от народа и пр.), выводит его к исторической памяти и жизненному опыту народа, так как он понимает, что субъективное не может

¹ Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // filosof.historic.ru/books/ (обращение 20.07.2015)

² Дацюк С. А. Онтологизации Киев – 2009// Онтологизации – Lib.ru: «Современная литература» lit.lib.ru/d/dacjuk_s_a/text_0030.shtml (обращение 18.07.2015)

противостоять опыту и мнению большинства. Связь индивида с обществом, народом соизмеряется с этническим самосознанием. Личностное «Я» не представляет себя вне этнического «Мы». Личность может скорректировать коллективный разум убеждением, мудрствованием и высоким доверием этноса. В этом смысле значителен для абхазов личностный вклад в становление государственности в Новейшей истории народа его Первого Президента В.Г. Ардзинба. Вся политическая деятельность этого лидера была связана с интересами народа, с его традициями и формами исторического бытия, с опытом и знанием путей развития общества. Сознание Президента, глубоко этническое по содержанию, полностью было подчинено рефлексии коллективного национального разума. В этом отношении следует заметить, что этническое самосознание не может быть арефлексивно, потому что индивид, представитель этноса, стремится обосновать свои мысли, придать им смысл этнического в целом, показать насколько общезначимы его рассуждения для этноса и соответствуют его представлениям и предпочтениям. В противовес этому некоторые ученые (Матяш Т.П. и др.) считают, что **самосознание**, в отличие от рефлексии, есть порождение единства «Я» в его индивидуально-личностном контексте, оно не разворачивается в форму понятия, и «поэтому оно арефлексивно»¹. С этим можно согласиться, если рассматривать самосознание индивида вне общественных отношений.

На наш взгляд, учитывая историко-культурный опыт этноса следует различать **следующие уровни социальной смысловой рефлексии**: а) архаический (пословицы и поговорки), б) **исторический**, в) религиозно-ценностный, г) политико-онтологический, д) нравственно-эстетический.

Архаический словесный уровень социальной рефлексии абхазов включает **наследие фольклорного творчества этноса (эпические сказания, предания, пословицы и поговорки и пр.)**. По времени возникновения они относятся к периоду формирования произведений устного народного творчества, периоду бронзового века (III – II тыс. до н.э.) и бытования Нартского эпоса вплоть до XIX века. После создания абхазского литературного языка, предания, пословицы и поговорки стали первичными формами этнокультурного выражения народной мудрости и здравого смысла, используемыми в письменной культуре.

Рефлексия этноса – это коллективное, целостное, общественное выражение потребностей и духовных смыслов народной жизни, и со временем приобретает историческое осознание с уровнем позиций событий различных эпох:

¹ Матяш Т.П. Индивидуальное и общественное сознание. В кн.: Основы философии в вопросах и ответах. Раздел IV. – Ростов-на-Дону, 1997. // www.dissercat.com (обращение 19.07.2015)

1. Рефлексия абхазов об их древности. Понимание собственной идентичности у предков абхазов складывалось в условиях формирования гениохийского (собираемое название абхазских племен – М.К.) союза племен (с VI в. до н. э. до образования единой народности – «апсуа» («абхаз») в конце VIII века, в период образования раннефеодального государства – Абхазского царства. О гениохах писал «отец истории» Геродот, который в своей «Истории» помещал их между Фасисом и Кавказским хребтом. Древнегреческий историк Страбон (64/ 63 г. до н.э. – 23/ 24 г. н.э.) выделял у них «четыре царя», что указывает на то, что территорию страны занимали четыре крупные племенные объединения – саниги, абасги, апсилы и мисимиане. Следует заметить, что в современном абхазоведении некоторыми учеными эта древность соотносится с временем бытования Нартского эпоса (Е.И. Крупнов, Ш.Д. Инал-ипа, Б.А. Калоев, М.А. Кумахов, Р. Ж., Бетрозов и др.) и существования хатто-абхазо-адыгского генетического родства (М. Дьяконов, С.А. Старостин, В.В. Иванов, В.Г. Ардзинба, Ф. Кобахия и др.).

2. Рефлексия конструирования государственности абхазами, включающая идею «сильного объединяющего начала». Во временном отрезке эта рефлексия охватывает период с конца VIII века по 1810 г., до вхождения Абхазского владетельного княжества в состав Российской империи. За этот длительный период менялась форма государственности – от царства до владетельного княжества с полным, ограниченным суверенитетом в пределах историко-этнических границ Абхазии и названия ее населения. В период формирования Абхазского царства завершился процесс консолидации абхазских племенных союзов в единую народность – «апсуа», что привело, на наш взгляд, к окончательному оформлению этнического кодекса жизни – «апсуара». Абхазы стали осознавать себя отдельной этнической единицей с собственной структурой управления. После присоединения княжества в состав Российской империи реальное рефлексирование (осознание) абхазов относительно собственной идентичности на исторической территории оставалось неизменным, что стало одной из главных причин противостояния иноземному присутствию в крае.

3. «Почвенническая рефлексия», определяемая гамлетовским «Быть или не быть?», охватывала процессы самосохранения в условиях вовлеченности абхазов в орбиту политических интересов России и Турции в регионе, а также союзников последней в XIX столетии до падения самодержавия (февраль 1917 года). Эта разновидность этнорефлексии сочетала в себе антитезу – возможность воссоздания родной «почвы» на чужбине в результате мелких и крупных потоков махаджирства (насильственного переселения) абхазов в пределы Османской империи.

4. Рефлексия выживания через борьбу за сохранение этноидентичности продолжалась в течение XX века, вплоть до 90-х годов. Она содержала «ответы» этноса на «вызовы» времени сталинско-бериевского диктата, постсталинских националистических влияний и действий на жизнь этноса (продолжение ассимиляторско-миграционной политики под предлогом нехватки квалифицированных кадров в Абхазии) со стороны руководства ЦК КП Грузии, вплоть до начала Отечественной войны абхазского народа 1992-1993 гг. Рефлексивная деятельность этноса за это время вылилась в конкретные протестные действия, вошедшие в историю Абхазии как период борьбы за утверждение национальных прав и свобод.

5. Рефлексия воссоздания государственности и созидания этнокультуры характерна для этносознания с 1994 года по настоящее время. Осмысление современных реалий абхазами с преобладанием интровертного типа рефлексирования включает этнополитическую, социальную (формирование государственно – политических институтов, идей и гражданского общества), экономическую (учет традиционных форм хозяйствования и внедрение новых культур), духовную (расширение этнокультурных институтов – музеев, исторических мест и пр., поддержка очагов культуры и подготовка образовательных кадров и пр.) формы конструирования действительности.

Религиозно-ценностный уровень социальной рефлексии абхазов в настоящее время является результатом выбора одной части этноса православного христианства и другой – ислама суннитского толка в различные исторические периоды существования при сохранении в сознании и поведении традиционной религии во главе с Верховным Богом Анцэа. В культурно – историческом сознании абхазов сформировался религиозный синкретизм (симбиоз) ценностей и культовых элементов мировых религий (ислама и христианства). Религиозная рефлексия не раз выступала как фактор сохранения этноидентичности абхазов, в особенности в XIX – начале XX вв., когда оставшаяся на Родине часть абхазов видела в православии возможность самосохранения этноса в целом. Религиозное сознание и культовое поведение абхазов, за исключением партийно-чиновнической элиты, в советский период истории Абхазии (1921-1991) оставалось синкретным с доминированием традиционных религиозных представлений как части системы «апсуара».

Полную картину религиозных предпочтений абхазов в современную эпоху в наилучшей степени дают итоги социологических опросов населения по выборочной методике проведения.

Политико-онтологический уровень рефлексии учитывает рефлексивные переходы мышления и разные способы нормирования политических реалий. Как известно, в центре внимания политической философии

– политическая жизнь вообще, а в условиях воссоздания государственности наибольшую остроту приобретают такие политические ценности, как справедливость, суверенитет, в отношении же этнорефлексии вопросы политического бытия в целом, облачаемые в этнические «одежды». Политическое единство, наблюдаемое в критических ситуациях этноса, способствует решению острых проблем (конфликты, войны, накал противостояний), в то время когда наступает фаза внутренней стабильности существования (невоенная, неконфликтная стадия развития), обостряются проблемы внутривнутриполитического характера, на арену выходят новые политические группы, предлагаются различные подходы для решения накопившихся задач. В этом смысле следует выделить этноконфликты: внешние с определенным акцентом (межгосударственные, международные, межконфессиональные) и внутренние (межэтнические, межгрупповые и пр.). Применительно к политическим реалиям Абхазии (полупризнанности, сохранения угрозы извне, низкого уровня качества жизни населения, отставания в проведении реформ) рефлексия личности приходит к диссонансному состоянию, пониманию того, что сложившийся стиль жизни есть самоутверждение выживанием. Новые схемы жизни идут вразрез с ментальными ценностями, противостоят им («так не должны жить, не напрасно же столько жизней положены на алтарь свободы» и пр.). Среди социализационных ценностей в рефлексии этноса остается главное – понимание значимости мира как основы развития общества и самореализации личности. Следует заметить, что любые попытки западных стран в навязывании определенных моделей политического устройства, идущие вразрез идеи свободы и независимости, для абхазского этноса неприемлемы, так как политические действия на любом уровне направлены на строительство независимого свободного государства.

Нравственно-эстетический уровень социальной рефлексии включают рефлексии языковой идентичности, культурно-генетических связей (ментальности), сохранения, развития и трансформации этнических видов искусства.

Как известно, язык является средством выражения, сохранения и передачи этнической культуры новым поколениям. В этнической среде язык предстает как остов, оформляющий коллективный опыт народа, и в этой связи его состояние (используемость, верифицируемость содержательного компонента, способность к самоочищению и пр.) определяет будущность этноса в целом. Понимание языка в рамках лингвистики суживается его функциональностью, формообразующей способностью и другими показателями, в то время как в этнокультурной рефлексии его значение куда шире. Подобные идеи восходят к научным исследованиям Э. Сепира, С. Лема, А.А. Потебни, Л.С. Выготского, А.А. Леонтьева и др. В кавказоведении

тема роли языка в связи с этнокультурой получила освещение в трудах Н.Я. Марра, З.М. Габуня, Ш.Д. Инал-ипа, Б.Х. Балкарова, В.Ш. Авидзба, Л.Р. Хагба, В.Л. Бигуаа и др., однако систематизирующей работы в этом плане на сегодня нет, что указывает на необходимость более детального освещения проблематики.

История абхазского языка неотделима от этнической истории. С 30-х г. XX века вплоть до 80-х г. абхазский язык подвергался постоянной агрессии со стороны партийного руководства ЦК КП Грузии. План ассимиляции абхазского народа, выработанный И. Сталиным и Л. Берия, включал закрытие абхазских школ и перевод обучения в них на грузинский язык. Это объяснялось из-за «неэффективной» существующей системы обучения в абхазских школах (абхазо-русской). Основными аргументами стали утверждения о том, что выпускники не могут поступать в высшие учебные заведения и этнос не может иметь свои кадры. Предлагалось перевести обучение в абхазских школах на грузинский язык с начальных классов. С «научной» точки зрения подчеркивалось «сходство» грузинского и абхазского языков и данная мера представлялась как стимул в успешном развитии культуры абхазского народа. Перевод обучения абхазских школ на грузинский язык фактически означал их закрытие. Такая языковая политика партийных националистов отрицательно сказалась не только на образовании детей абхазов, но и на темпах культурного развития абхазского народа. С периода хрущевской «оттепели» абхазский народ на сходах, в открытых письмах-обращениях руководству советской страны поднимал вопрос реабилитации языка, и в этой борьбе смог добиться восстановления очагов образования (преподавание на родном языке, открытие университета, кафедр, издательства и пр.).

Итак, абхазский язык для этноса является базовым элементом в этно-рефлексии, так как содержит огромную информацию о процессах культурно-исторического развития народа, вскрывает глубинные очаги саморефлектирования как в прошлом, так и в настоящем времени, определяет тенденции этнического развития и степень ассимиляционного состояния и, соответственно, дальнейших перспектив.

Язык является выразителем культурно-генетических связей этноса в его эволюционном развитии, то есть он выступает средством выражения ментальности. Язык – это открытая система, которая вбирает в себя не только родственные, но и иные, чужеродные влияния, ментальность же – закрытая, обособленная, историко-генетическая целостность. Эти системы во взаимодействии образуют этнорефлексивную модель развития. Однако ослабление этнического содержания языка под воздействием внутренних (ассимилятивных, глобализационных и пр.) факторов приводит к изменению ментальности, расшатыванию ее основ (уклада жизни, образа

мышления и поведенческой культуры). В этой связи для сохранения этно-идентичности важное значение приобретают система воспитания и образования, механизмы социального запечатления и трансляции ценностей последующим поколениям.

Рассмотрение социальной рефлексии с точки зрения историко-культурологического подхода позволяет определить особенности осмысления процессов и исторических реалий, в которых оказался этнос в продолжительное время своего существования. На наш взгляд, данный анализ доказывает наличие исторических корней рефлексирования этноса, как на сознательном, так и на уровне бессознательно-интуитивном. В этом смысле нельзя согласиться с мнением философа О.Н. Дамения, который утверждает, что «нам (абхазам – М.К.) чуждо мышление дискурсивное, **саморефлексирование** в европейском стиле (хотя элементы последнего в нашем самосознании, несомненно, имеются). Иначе говоря, **дух наш не** привык погружаться в дебри бытия, осмысливать возможные пути и формы его самосовершенствования или заниматься культурно-историческим оформлением своего мироустройства. Удобным было для него оберегать и соблюдать вековые предписания «своего» мира, рассматривать его как нечто раз и навсегда данное»¹. Отсутствие такого духа в мироощущении абхазов, на наш взгляд, равнозначно трансформации абхазского общества в ближайшей перспективе (на 100-200 лет вперед) в нечто неабхазское образование с утраченной идентичностью и симбиозной российско-европейской культурой. Это признание означает отсутствие исторической рефлексии, которую переживал этнос с древних времен до недавних военных событий, в борьбе с агрессором, который ставил своей целью физическое и культурное уничтожение этноса. Победа в этой войне и дальнейшее оформление государственных институтов и признание государственности Абхазии Россией и другими государствами (Никарагуа, Венесуэла, Науру, Тувалу и др.), состояние полунепризнанности по отношению к другим государствам ставит под сомнение тезис О.Н. Дамения. Следует заметить, что осознание абхазским этносом своего специфического положения вызвано не только внутренними проблемами послевоенного характера, но и потребностями интеграции в мировое сообщество, в частности в систему политического и экономического регионального пространства (Россия и Абхазия). Незначительная часть населения не видит своего будущего без создания единого политического пространства с Россией, другая же часть рефлексивно отмежевывается от возможности потери независимости, боязни утраты национальной идентичности. Объясняется эта боязнь пережитым в прошлом: это ассимиляторская политика грузинского руководства

¹ Дамения О.Н. Абхазия на рубеже веков (опыт понятийного анализа). — СПб.: Издательство «Юридический центр-Пресс», 2011. — С. 36-37.

в 30-50-е годы XX столетия по отношению к абхазам, которая поставила на грань исчезновения этнос, забвения языка.

Несомненно, рефлексивный анализ бытия абхазов приведет к констатации тех противоречивых процессов, которые происходят в этническом сознании абхазов при наличии совершенно новых современных реалий. Абхазия живет в условиях переходного периода, когда налицо становление европейского образа жизни с точки зрения материального насыщения, то есть наличие средневропейского качества жизни у населения в городах и отчасти в деревнях (абхазское общество не знало нищих, оно было всегда самодостаточным). Рефлексия переходности ощущается этносом в процессах политического и духовного порядка (сохранение и развитие государственности и этнокультурного лика) и потому нельзя отвергать необходимости общеэтнического рефлексирования перспектив развития.

А. И. Бройдо

ГУМИСТИНСКАЯ ЛИНИЯ ФРОНТА КАК АРХЕТИП РЕКИ – ГРАНИЦЫ МИРОВ

18 августа 1992 года части абхазского ополчения, отступавшие под натиском войск Госсовета Грузии, закрепились на Гумисте, реке, протекающей близ г. Сухум, и разделяющей территорию республики примерно наполовину. Именем этой реки, на весь период военных действий ставшей линией противостояния воюющих сторон, стал называться в обиходе весь Западный фронт Вооруженных сил Республики Абхазия.

Поскольку полевые исследования 1992-1993 годов мы проводили именно на территории Гумистинского фронта, нами было зафиксировано в ходе глубинных интервью, что в психологическом восприятии Гумисты абхазскими воинами присутствует несколько большая значимость, чем ожидалось. Особенно отчетливо это мистическое отношение отразилось в поэтических произведениях, написанных во время войны:

«Мост израненный разъял берега.
То не мост, – то моя рука.
И тянусь я мостом – рукой
И цепляюсь за берег чужой,
Перебитой вчера рукой»¹.
«Не по карте, не по земле -
Гумиста протекала по мне.
Разделила меня река:
Справа – я, слева – тоже я.
Только слева я – не живой,
Слева берег сегодня чужой,
И течет меж камней не вода –
То гудит и бурлит беда»².
«Как будто бы Господь, страдаая,
Откуда-то со стороны,

¹ Абхазия: 1992-1993 годы. Хроника Отечественной войны / Фотоальбом. Под общ. ред. Г. Гагулия. М., 1995. – С. 24.

² Абхазия: 1992-1993 годы. Хроника Отечественной войны / Фотоальбом. Под общ. ред. Г. Гагулия. М., 1995. – С. 16.

От сатаны нас отделяя,
Провел рукою по Апсны»¹.
«И был я, крещеный, как снятый с креста,
Но снова звала нас к себе Гумиста,
И мы уходили – мальчишки, мужчины,
Туда, где нас новые ждали крестины»².

В вышеприведенных строках прослеживается несколько явных мотивов: Гумиста – как символическая граница между двумя мирами, участие в ее возникновении сверхъестественных сил, ощущение смертельной опасности, исходящее от ее вод, восприятие левого берега Гумисты как чужого, мертвого, сатанинского – и в то же время неодолимо притягательного места. Примечательно, что в посвященной Гумисте фронтовой поэзии присутствуют и образы абхазского Нартского эпоса:

Тот берег в огне,
А на этом берегу готовятся к атаке...
Ахахай, смотрите, радостная весть:
Арашь перешел через реку!
(подстр. пер. Р. М. Барцыц)³.

Безусловно, ощущение Гумисты как некоей линии разделения выглядит совершенно естественным. Именно с левого берега Гумисты началась оккупированная противником часть Абхазии, где бесчинствовали враги и страдали близкие. Именно к Гумисте шли воины в очередное наступление, именно с перехода через Гумисту начинались попытки, порой отчаянно безнадежные, освобождения половины родной земли:

Левый берег далеко-далеко
(Метров сто, а перейти не легко).
До войны такой короткий брод,
Столько дней батальон идет.
И не видно броду конца,
И не спрятать камни лица⁴.

¹ Галин Н. (Газизулин В. Н.) Сопредельная планета. Стихи. Сухум, 1995. – С. 3.

² Абхазия: 1992-1993 годы. Хроника Отечественной войны / Фотоальбом. Под общ. ред. Г. Гагулия. М., 1995. – С. 24.

³ Алтейба А. Д. Песнь ранения. Стихи, песни, переводы / на абх. яз. Сухум, 1994. – С. 10.

⁴ Абхазия: 1992-1993 годы. Хроника Отечественной войны / Фотоальбом. Под общ. ред. Г. Гагулия. М., 1995. – С. 21.

Само по себе форсирование Гумисты – не глубокой, но очень стремительной реки – было чрезвычайно опасным предприятием. Многие солдаты погибали уже при попытке перехода, унесенные ее водами или попав под обстрел противника. Согласно сообщениям информантов, они шли через Гумисту, как на тот свет, не зная, что их ждет на левом берегу, не зная, вернутся ли обратно, а в случае рокового исхода – будут ли должным образом похоронены, поскольку «не всех раненых и мертвых могли переправить через полноводную, холодную Гумисту»¹. Иными словами, понятие «левый берег Гумисты» становится синонимичным понятию «смерть».

Таким образом, в этом трагическом восприятии несколько неожиданной выглядит лишь заметная сакральность эмоциональной окраски. Знакомство с этнографическими источниками позволяет, на наш взгляд, в известной степени объяснить причины этой мистичности. В фундаментальном труде З. Д. Джапуа «Абхазские архаические сказания о Сасрыкуа и Абрьскиле» сообщается, что в Нартском эпосе присутствует следующее понимание: «река – как рубеж между потусторонними и посюсторонними мирами, как вход в подземное царство, как переправа...»². Г. Ф. Чурсин также отмечает: «Души умерших, по старинным абхазским воззрениям, на своем пути в загробный мир должны переходить через мост на тот свет (нарцуыцца), под которым находится вода»³. По сообщению Р. М. Барцыц, эти представления бытуют и у современных абхазов: «обмывая покойника, его укладывали на широкие доски (желательно из «священной» древесины), из которых после похорон сооружали мостки на речных бродах, облегчающие переправу. При этом считалось, что, каждый раз, проходя по этим мосткам, живые облегчают усопшему его последнюю переправу. Мы сами в детстве, в родном селении Бармышь Гудаутского района, вместе с другими детьми охотно перебежали по таким мосткам с берега на берег»⁴. В Нартском эпосе герой Сасрыква пытается преодолеть этот мост на волшебном коне – араше⁵. Более того, «в абхазском языке пространственная антитеза **нарцвы-аарцвы** (выделено автором – А.Б.) означает как тот и этот (потусторонний и посюсторонний миры), так и тот и этот (противоположные) берега **нырцв-аарцв**» (выделено автором – А.Б.)⁶.

¹ Басариа В. К. Время тяжелых испытаний. Сухум, 2006. – С. 123.

² Джапуа З. Д. Абхазские архаические сказания о Сасрыкуа и Абрьскиле (Систематика и интерпретация текстов в сопоставлении с кавказским эпическим творчеством. Тексты, переводы, комментарии). Сухум, 2003. – С. 67.

³ Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957. – С. 206.

⁴ Барцыц Р. М. Абхазский религиозный синкретизм в культовых комплексах и современной обрядовой практике. М., 2009. – С. 35

⁵ Приключения нарта Сасрыквы и его девяносто девяти братьев / Перевод Г. Гулиа и В. Солоухина. Сухуми, 1988. – С. 143.

⁶ Джапуа З. Д. Указ. соч. – С. 43.

Таким образом, можно констатировать, что символическое восприятие реки Гумисты как «границы между мирами», в значительной степени обусловлено наличием соответствующего архетипа в абхазском коллективном бессознательном, который выявляется как в фольклорных и эпических материалах, так и в современной абхазской поэзии: «Миф содержит историю, сохранившуюся в народной памяти и помогающую вызвать к жизни некие глубинные слои, погребенные в недрах человеческого духа»¹.

Интересно отметить, что в конце 80-х годов нами было зафиксировано устойчивое бытование в среде ветеранов афганской войны выражений «за речкой», «прибыл из-за речки», «опять пора за речку», которые употреблялись как эвфемизм топонима «Афганистан», в значении «территория войны», «война». При этом под «речкой» подразумевалась пограничная между СССР и Афганистаном река Пяндж. Эти эвфемизмы выполняли практические функции: во-первых, служили своеобразным паролем, кодом, позволяющим определять «своих» среди непосвященных, во-вторых, снижали пафос при обмене военными воспоминаниями, позволяя избежать упреков в неуместной похвальбе. При этом эмоциональная нагрузка образа была поразительно сходна с «гумистинским» архетипом. Сомнительно, чтобы это сходство было вызвано исключительно географическими особенностями, ведь в «афганском» случае было бы гораздо более логичным появление терминов: «за горами», «за перевалом».

Известно, что сакрализация рек, придание им мифологического значения границы миров, связи со смертью, загробным миром, высшим судом характерно для многих традиций². Зафиксированное нами в 1992-1993 годах восприятие абхазов реки Гумиста как границы миров: мира и войны, жизни и смерти, явно перекликается с упомянутыми представлениями. Таким образом, логично предположить, что подобное мистическое восприятие есть проявление как национального, так и общечеловеческого архетипа, актуализированного экзистенциальными обстоятельствами вооруженного конфликта.

¹ Бирлайн Дж. Ф. Параллельная мифология. М., 1997. – С. 27.

² Мифы народов мира. Энциклопедия. Том 2. М., 1988. – С. 374-375

Е.В. Сангәлиаңҗа

АТААЦӘАЛАЛАРА АПРОБЛЕМАҚӘА ҲАЗТАҒЫЛОУ ААМТАЗЫ

Апсуаа ртаацәаратә еизыказаашья, урт рыпцхәысаагареи рчароуреи ирыдхәалаз атасқәеи ақьабзқәеи ирызкны акырза зтазкуа аусумтақәа апыртахьеит еицырдыруа аетнографцәа: С.Т. Ажәанба, Н.С. Цьанашьяи, Г.Ф. Чурсин, Шь.Д. Инал-ипа, Л.Х. Акаба, Л.Е. Қәчбериа, И.Гә. Аргәын, В.Л. Бигәаа ухәа уб.егь. Имачым, хазлацәажәо азтаара аганахьала, ажурналқәеи агазетқәеи рґы иркыпцхьхьоу астатиақәа. Урт излархәо ала, ианакәзаалак апсуаа тасс ирыман ихьшәаны атаацәара алалара, аха пцхәыс даамгакәа, ма хатца имцакәа иаанхаз шамахамзар имачын. «В прошлом все народы Кавказа рассматривали брак и семью как величайшие человеческие ценности, а вступление в брак – как нравственную обязанность каждого человека»¹. «Как и повсюду в крестьянском обществе, неженатые мужчины воспринимались как неполноценные»² – абас лыфәуеит Кавказ ажәларқәа, апсуаагьы назлоу, ртаацәаратә еизыказаашьяқәа тызтаауаз И.С. Смирнова.

Абра иазгәатәтәуп, апцхәысаагареи ахатцацареи шықәсыла ианрыхәтоу хәа апсуаа рыфәнытцка цқарак азыптцәаны ишықамыз, еиуеипшым аамтақәа рзы аешапсахуаз³. «В брак вступают в возрасте 25-30 лет мужчины, а девушки в 20-25 лет. После 25 лет девушка считается засидевшейся. Поздние браки мужчин в прошлом встречались в быту абхазов довольно часто. В старину мужчина женился тогда, когда приобретал некоторую славу и известность своими подвигами, т.к. никакая уважающая себя фамилия не отдаст свою девушку, да и сама девушка не пойдет за человека, ничем себя не прославившего» – хәпхьоит Г.Ф. Чурсин иусумта «Материалы по этнографии Абхазии» аґы⁴. Апрофессор Шь.Д. Инал-ипа иусумта «Очерки по истории брака и семьи у абхазов» ақны цыхья апцхәызба 15-20 шықәса анылхытцауаз хатца дцон, арпызба 25-35 шықәса анихытцауаз пцхәыс дааигон хәа азгәеитәоит⁵. «По словам старых абхазов, – лыфәуеит Л.Е. Қәчбериа, – девушка чаще всего выходила замуж в 25-28 лет. Парень женился в 35-40

¹ Смирнова Я.С., Тер-Саркисянц А.Е. Семья и семейный быт. М., 1995. – С. 8.

² Смирнова Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983. – С. 44.

³ Бигвава В.Л. Современная сельская семья у абхазов. Тб., 1983. – С. 56-59.

⁴ Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1956. – С. 159.

⁵ Инал-ипа Ш.Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, 1954. – С. 46.

лет, уже прославив себя каким-либо подвигом. Ничем не отличившегося жениха девушка могла упрекнуть в трусости¹.

Хыхь иарбоу амзыкэа рнаџсангы, атцарауџ, аетнограф И.Гэ. Аргэын ианаамтоу атаацэара алалара иапырхагаз тагылазаашыак ахасаб ала иаликаауан аихабыра-еитцбыра. «Ацсуаа рэы, атцас излахэоз ала аихабы дшыкыз аитцбы хатцадызцомиызт. Арпызбагы иашьеихаб дшыкыз цхэыс дизаагомыызт. Абас ишынеихэацш-ааихэацшуаз рышыкэсқэа цон, ихышэангы атаацэара иалалон. Шакаџгы хатца изымцазакэа, ма цхэыс дырзаамгазакэа инхози!»² – азгэеитоит уи. Ианаамтоу ахатцацареи апхэысаагареи ирпырхагоу акакэны автор дахэацшуеит ашэныкэгарагы. «Иаххэап, цхэызбак дхэаны дыштэоу лыуак дыпсыр, ашэы налышэтцаны, лхатцацара иахлырпеит, ахашэы анылшэылхшаз аамтазы даеа лыуак дыпсит, дырџегых ашэы... Абас ахатцацара ашыкэсқэа зегь налаџсны ицоит» – иџеуит атцарауџ³.

«Безбрачие было редкостью. Как правило, оно было вынужденным. Неженатыми или незамужними оставались лишь люди с физическими или психическими пороками» – азгэалтоит И.С. Смирнова⁴.

цыхья, ацсуаа рэы, дарбанзаалак, цэара гра дук имамкэа, атаацэара да-ламло, иргэагэоданалага, ауацэеи агэыцхэцэеи ари аусгэыгэтарыжбуамыызт. Изааигэоу иџызцэа рыла еилыркаауан апхэысаагаразы арпыс ихы зыкэку, цырхагас имоу. Агэра идыргон, уи ус акы игэы иантеик, иахытаху ацхыраара ширто, ишивагыло.

Арпыс ус азэ длацшыкэтцан димамзар, атаацэа маза-аргама апхэызба лыпшаара иалагон, мамзаргы аихабацэа цэара еизарак аџоума, ус даеа уск аџоума иахьяаикэшэоз, ирзааигэо ргэылара, ма рыуак дтаацэарамзар – «абри иџыза арпыс дхамоуп икэнагахаша апхэызба дахтахуп», ма «абри лџыза апхэызба илыкэнагахаша арпыс» хэа ааибырхэон. Абгы ицкэын цэара уск имоуп хэа лымхатаск аниоулак нахыс, иашыцэа ухэа адгаланы аус иалацэажэон, «иахашытуа, ақьягъариара зуша хызхэыцып, хара хтоурых здыруа, ииашам ажэак бжызымго, абри дуаџкэышуп, дагьюаџмышытабзиоуп, убри дхашытып»⁵ хэа абас иааилацэажэаны ақьягъариа далырхуан. Абас алагы, таацэашэала, уала-тахыла, абри азцаара ганрацэала ирызбон.

Иахья арт атцасқэа хархэара рымам. Имачуп иахья уала-тахыла, таацэала еицэажэаны, аргама ачара ду уны, атаца даазго. Икам иара убас ақьягъариарагы. Арпыси апхэызбеи рынасып рхала ирызбоит.

¹ Кучберия Л.Е. К вопросу о развитии брачных обычаев и свадебной обрядности абхазов // Современное абхазское село. Тб., 1967. – С. 133.

² Аргэын И.Гэ. Иахьатэи ацсуаа рыбзазашыи ркултурси. Акэа, 1976. – Ад. 53.

³ Иара убра. – Ад. 53.

⁴ Смирнова Я.С., Тер-Саркисянц А.Е. Семья и семейный быт... – С. 9.

⁵ Шакрыл Т.П. Лексика этикета общения абхазов. Сухум, 2010. – С. 234-235.

Ииашоуп, иахъа иуцылом, арт хыхъ хазлацэажэаз, еихаб-еитцбыла еизыпшны атаацэаралалара, фырхатцарак каимтцеит хэа апцхэызба лтаацэа арпыс дирымто, аха иагъа ус акэзаргы, хазтагылоу аамтазгы хылацшра зтаху, ипроблема дуны хэцхъа икэгылоуп ианаамтоу атаацэаралалара. Ирацэафуп иахъа ақытакэа рэы, дара акалакыкэа рэгы, атаацэара иа-ламлац афэр. Иаххэап, Калдахэара ақыта – 251-тзы ахьеиланхо 64-фык таацэаразам (49-фык арцарцэа, 15-фык атыпцхэцэа – 25 шыкэса инаркны 50 шыкэса инархыхэхэхэахыоугы)¹. Дэрыпшь ақыта 37-тзы ахьеиланхо хаблак афэ 25-фык таацэаразам (арцарцэа)². Иара ақытакэа ракэым, фнэацэак рэгы иуцылоит хфы-пшьфы 30, 35, 40 шыкэса иртысхыоу, итаацэарамкэа икоу. Иаххэап, Гэдоута араион иатцанакуа кытак афэ, №. ртаацэарафэ пшьфык рыхшара, х-фык ачкэынцэеи згабки, зегь иреитцбу 35 шыкэса дыртысхэеит, иреихэбу 40 шыкэса – рызегь таацэаразам. Ус шакацъара! «Дарбан ану, дарбан абу зыхшара рынасыц иалагэыргъарц зтахым, аха рынасыц рхала ирзымызбеит, азэгы дырмыцхрааит, хэуа-хтахы игэгьгэтарыжыт» лхэеит, зыхшара насыпдаха инхаз ан.³

Иахъа уажэраанзагы имачымкэа иуцылоит, хыхъ хазлацэажэаз ашэныкэгара иахкыаны ианраамто атаацэара иаламлацкэа иаанханы икоу. «Мшыбзиа ахэаха змоуз» хэа сычкэын, абар шыта 25 шыкэса дыртысит, атаацэара далалар хтахуп, аха дызлааигои, ацэгъа-ацэгъа апсахуеит, ашэы насшэысхыр еитанасшэыстцеит, нас апцхэыс дызлааугои?!» ихэеит, «афэр ианаамто атаацэаралаларазы цырхагас ирымои?» хэа хзызцааз 63 шыкэса зхытцуа, Дранда ақыта инхо, Цъапуа Уанка. «Арт апсракэа нтэазом, ашыкэс азыпшра атахзам, ачкэын пхэыс дааигароуп, апцхэызбагы хатца дцароуп. Хара хмачра хазхэыцроуп»⁴ хэа нацитцеит иажэа хыркэшо.

Дара афэр ракэзар, ианаамтоу атаацэаралалара иацырхагоу акакэны ирыпцхэазоит аекономикеи абазаратэ тагылазаашэеи. Уи шыкэдыргэгэоит, 2006 шыкэсазы Калдахэара ақытан имфэапгаз атцааракэа. Арт атцааракэа мфэацысуан Апсуатцааратэ институт аетнология акэшафэ ишыкэыргылаз «Иахъатэи аамтазы апсуаа рыфэиара-реизхара атцааразы» хэа хзыс измаз анкетакэа рхархэарала. Анкетакэа ирныз азцааракэа ртак катцо, афэр иазгэартон: «Иахъа ақытафэ инхо афэр усда иныкэоит, избанзар ақытанхамфэ рацэак афэиара амазам, икам, иара убас, ашколкэа, иееим амфэакэа, ахэынтцарра аганахь ала икатцоу мачым, аха ақытанхамфэ итцегь ашьтыхра атахыуп. Зегь зыцку, цынгыласгы икоу аекономи-

¹Аинформация анпан Тхагэышев Бинур Роман-ица икынтэ, Гэдоута араион, ақ. Калдахэара, август 16, 2006 ш.

²Аинформация анпан Хышба Роберт Шыгэат-ица икынтэ, ақ. Акэа, май 3, 2008 ш.

³Аинформация анпан Хышба-Цанба Лариса Кьампшышь-ицха лкынтэ, Гэдоута араион, ақ. Бармышь, август 21, 2006 ш.

⁴Аинформация анпан Цъапуа Уанка Иван-ица икынтэ, Гэылыршышь араион, ақ. Дранда, июль 28, 2009 ш.

ка ауп. Иахьатәи ацсуа қыта апрестиж алакәра иахьаны атыпқацаагы, ақытарахь хатцаара иакәшахатхаша, рхыпхьазара мацхеит»¹.

Атаацәаралалара апроблема уаналацәажәо имхәакәа узавсуам, атаацәара ґыц ашьақәгылара символс измоу ачараура иахьатәи атагылазаашьа атәгы.

Ишахьбо еипш, есаaira амчак тбаахоит ачарагы, еиха-еиха иазхауеит, иара убас, ачарахь иаарыпхьо ауаа рхыпхьазарагы. пыхьа урт 150-200-оык иреихамызтгы, иахьа 500-оык инадыркны 1000, 1500, 2000-оык рґынза иназоит. Иазгәататәуп, иахьа 200-300-оык ауаа еизганы ачара зуз, уи чара хәычык иуит хәа ишахәапшуа. Убри акынтә, арпыс итаацәа ауаа рахь «ахьымзт» рымгарц, ачара еитцхәаны ауразы ирылшо акгы агрыжбуам.

Иахьатәи ацсуа чара ауразы апара шака атаху аилкааразы 2011 шықәсазы имоацган атцаарақәа. Абарт ацәахәакәа равтор, хатала ақалақ аонытқа қыралала атаамаатәи ашьапақәа рырхиара знапы алаку асалонқәа – «Свадьба», «Арт-Дизаин», «Бриз», «Алика», «Татiana» ухәа хартааны, уака аус зуаз ауаа хрыцәажәаны, ианахьтаз аматерилақәа иахьдырбоит ускантәи аамтазы ибжьаратәиу ацсуа чара иацыз ахарц ахьынзанаоз. Ас еипш иказ атцаарақәа моацган 2014 шықәсазгы.

Атаблицаґы иарбоуп 2011-тәи 2014-тәи ашықәсқәа рзы икатцаз атцаарақәа рлытцшәакәа.

Ачара аура иакәыртәу ахарц

	2011 шықәсазы	2014 шықәсазы
Атаамаатәа*	10-15 инаркны 40-50 нызқь маат	50-60 нызқь маат инаркны
Атаа лыхцәыкатцара (при-ческа)	1000-1500 маат	2000-2500 маат
Лырпшзара (макияж)	500-1000 маат рґынза	1000-1800 маат
Лнацәхыцкатцара	300-500 маат	1000 маат инаркны
Атаа лышәт	1000 маат инаркны 4-5 нызқь маат рґынза	5-6 нызқь инаркны 9-10 нызқь маат
Атаа лторт	10-15 нызқь маат инаркны	20-25 нызқь маат инаркны
Атаа лшьататәи	зегь иреихау ахә 2000-2500 маат	2500 маат инаркны

¹ Атцаарақәа моацган Гәдоуґа араион, ақ. Калдахәара, август мза, 2006 ш.

*Иазгәататәуп, ускантәи аамтазы атаацкқәа абжсиараоык қыралала ишыргоз, ахәцсагы кырза ишмачыз 7-10 инаркны 25 нызқь маат рґынза, аха иахьатәи аамтазы уарла-шәарла акәымзар, қыралала атаацкқәа ргара иакәыпхьсит, избанзар «ашәпашәых ишаспәыспо» хәа ацсуа таца иршәырымцахьоу апык сыц аалхәар, ма илзахыр, еиха сиґьалшьоит, ахә кырза ишыхаракугы, амала уи нас гарта лымамкәа иаалымпыцахоит умхәозар.

Амаҳәи атацеи зтатәо амашына архиара*	300-500** маат	1000 маат инаркны
Ашьаца аргылары (ачара ахыруа азалқәа)	100-150 нызқь маат	150-200 нызқь маат
Амаҳәи атацеи ахьейддыртәало атыц архиара	10 нызқь маат инаркы 20-25 нызқь маат	30-40 нызқь маат ианркны
Адоли амырзакани азырхәо	15-18 нызқь маат	20-22 нызқь маат
Афотосахьатыхоы(фотограф)	10-15 нызқь маат	18-20 нызқь маат
Акиносахьатыхоы (оператор)	15-18 нызқь маат	20-22 нызқь маат
Амузыка архәаоы (адиджеи)	15-40***	30-50 нызқь маат инаркны****
Акәашацәа (ашоу-группакәа)	20-25 нызқь маат	35-40 нызқь маат

2011 шықәсзтәи аматериалқәа излахдырбаз ала усқантәи аамтазы ачара архиаразы иакәыртзгәын 200 инаркны 300-350 нызқь маат рҕынза ачара. Аишәа икәыртцо ачысхкқәа налатцаны, иаидкыланы ачара уурц азыхәан хҕа-пшьба шықәса рацхьа 500 нызқь маат инаркны 800 нызқь маат¹ рҕынза акәызтгьы иакәыртзгәы, иахьатәи аамтазы арт ахыпхьазарақәа рҕырыпсахит, кырза иазхаит ххәар халшоит. Уи ус шакәу лабҕаба иахдырбоит 2014 шықәсзтәи атцарақәа. Иахьатәи аамтазы ачара архиара 400-500 нызқь маат рҕынза иназоит бжьаратәла. Нас, аишәа икәыртцо, зеиуа хкы утаху ачысхкқәа, ухәа зегь аидкыланы иупхьазар, миллионк инаркны миллионки бжаки рҕынза апара акәыртзтәуп иахьа ибжьаратәиу ачара ауразы². Арт ацифрақәа измоу изы акгьы аанагом, аха, рыцхарас икалаз, усқак алшара змамгьы уи диҕыпшуеит. Арсқак ачара еитцхәаны хапха илзыуз атаацәа рацхьа ххы харцхашьома хәа апцхьызба лтаацәагьы рыпца леихратцаразы – амашына, ақалақь аҕы ауадақәа, уи иакәнагахаша амобель ухәа – ирылшо ак лыгрыжбуам. Есаира иазхауеит ачараҕы иршәо ахаршәгьы – 10-15 шықәса рацхьа 100-150 маат, 4-5 шықәса рацхьа 1000 маат харшәс иршәозтгьы, иахьа ачараҕы 3000 маат еитцаны харшәс иушшәазом, цхашьароуп. Арцыс итаацәа ракәзар, рычкәын ичара алагәыргьаха рымазам, ипсахны ируз ачара ду, цьара «хьымзгьык хамгандаз, уалк хакәымшәандаз» хәа ишыгәжәажәо рчара мҕасуеит. Абарт

* Алимизинқәа ракәзар саатк 4000 нызқь маат иапсоуп.

** Цьара-цьара атаацкы ахьаархәаз асалонқәа, хамтак ахасаб ала, амаҳәи атацеи зтатәо амашынақәа хьыда-псада идырхионт.

*** Ашәа имхәозар, амузыка ахала иаирхәозар (адиджеи) – 15 нызқь маат, сгыс ашәахәао дигьар 40 нызқь маат.

**** Иахьатәи аамтазы амузыкантицәа (адиджеи) апәахәаоцәеи дарси сицәажәаны аус сицьрусит. Икалалонт акәашацәа оыцба-хоы анрыцугьы. Ус, хазы сисқаау ашоу-грушакәа, апәахәаоцәа анаарыцхьо ахәпса хазуп – 50 инаркны 90-100 нызқь маат рҕынза иназоит.

¹ 2011 шықәсзтәи Акәа ақалақь аоныцка имҕацгәз атцарақәа рыла.

² 2014 шықәсзтәи имҕацгәз атцарақәа рлыпшәкәа рыла.

зегы еидызхэыцло арпысгы, есаaira зымехаки зхарцьи тбаахо ачароура ахылымшо азы, атаацэалалара дахыццакзом. Ацхэызбагы «сзыццо имои-ихзуи, амашына имоума, ақалақ ағы дынхома» хэа длацшуеит.

Ажэакала, иахьатэи ацсуа чара, изаазари, малырхарахейт, аицлабратэ тцакы аанахэо иалагеит. Ацсуаа ражэацқа «Ачара цшзоуп шэахэарала, ацсра – тэыуарала» иахья ухы иаурхэартэ йкам. Избанзар ачара ахатагы иацэызит ажэйтэ иаңыз алахэыхра, ашэахэара, акэашара, алафхэара, ғыц еиднагалаз рыкэгэыргъара ухэа ачара зыда ихэартамыз, ишчароу узырдыруаз. Узлаикэымшахатхара йкоузеи «ацсуаа иахья разкыс ихауит тэымла аэырбара, цсыуала акэымкэа»¹ хэа зхэаз ауафгы.

Абра, ххатэ гэаанагара инамадан, иахэтаны ихацхьазоит атаацэаралалара апроблема хэуаажэлар шазыкоу атэы, насгы збашьас иамоу хэа ирыцхьазоу иазкны ғырцштэқэак раагара:

1. Ацсхэрақэа, аиныхрақэа, ачарақэа ииашанишыкатцатэуханалацэажэо, ацсахрақэа алахгаларц азыхэан, иацы ихэамаз ххэхмырштыроуп, ишырхэо еицш, «иацтэи амш ухаштыр, уатцэтэи амш укышэ итасуеит». Иахья атаацэаралалара апроблемақэа рызбаразы ақягыриацэа атахуп. Урт йкоуп, аха ицэыргатэуп. Абарт ауаа рыхьз хэартэуп. Хэара хмачра хазхэыцроуп. Сара сашья 60 шықэса ихытэуеит, аха маатк дацсазам – дтаацэаразам. Хэара хаб ф-фык ахшара ихылтцит. Хаб ф-фык ихылтцыз хэара хэзегь иаххылымтэеит. Абар атрагедиа ахыкоу! Абри арееиразы ихалшо зегь йахттароуп. Хэазгаб хатца дхаштыроуп, хэцкэынгы цхэыс дизаахгароуп. Абарт аиныхрақэа хэркэатцыр хтахзамзи, аха хэпхашьяны, ауаа ирхэарызеишь, пхашьяроуп хэа хэакэытэуамызт. Убри азоуп хэара аихабыра залаххуа, ағырцштэы дара иахдырбаларц. Насгы, иахья атаацэара иалало рцэа ахшара далашэархэа ишэоит. Избанзар, ааигэа хгэылак ахшара длоуит, уи 25 нызкь маат ахарць сымоуп лхэеит. Анхафы уи акара ишэартэ алшара имам. Абри ахылацшра атэамзар ағыара йалазом. Хэара хэаиароуп, убри азы ахэынтқарра иалшо зегь йанаттароуп, абарт зегь хэсаб рзутэуп².

2. Иахья ағыара злакалои, узлағыои – 2000 нызкьфык еизганы ачара зуз, уи дахьырхэтэуп. Игэылагы ус итахуп, аха уи илшазом, дгэыгуеит, дыцшуеит сбеиахоит хэа. Ақытақэа рғы иахья шака йэар-ғар (цхэыс даазымгац – С.Е.) бжэабузеи!³

3. Иахья атаацэаралалара апроблема хэмоуп. Ацкэын цхэыс дааигарц азы акы икызароуп. Дызлааигои, дызланыкэигои?! Абри хэихабыра хылацшра арттароуп. Ахшараиуртақэа рғы хэыда-цсада ахшара роуа йкатцатэуп. 20, 25, 30 нызкь маат рызшэом ауаа, иабаарго?! Сара

¹Чанба Владимир. 73 ш. Гэылырцшь араион, ақ. Кацкыт, июль 31, 2009 ш.

²Цыпуа Уанка Иван-ица. 63 ш., Гэылырцшь араион, ақ. Дранда, июль 28, 2009 ш.

³Чанба Владимир. 73 ш., Гэылырцшь араион, ақ. Кацкыт, июль 31, 2009 ш.

сычкэынцэа руазэк 40 шыкэса ихытцеит, егы 37 шыкэса – рфыцьегь таацэаразам. Ус шакафы!¹

4. Иахья икоу атагылазаашья зыхкьо, айчыпшра халагеит, «ани арс икаитцеит сара сызлеицэои» ихэоит. Ааигэа, сычкэын ичарафы, «ауаа рахь ххы харцхашьома, ауаа икарымтцац кахцэома» хэа, сыцэара ажьагь уатка шытцагылаз, амагазин уатка ааганы айшэа икэхаргылеит. Ари рыцхароуп! Икатцатэу убри ауп, цкарак, чара-сценариак шыакэыргылань, қытацыпцхьаза, районцыпцхьаза еизаны, еицэажэаны, зегь рыжэоа еибытаны, хаихабырагы, хбыргцэагы хадгылар, зегь хаикэышахатны, иаанахкылар халшоит. Зегь ртыцаф инеиуеит, абри ажэытэ цаскэа ишахэто еипш хрызнейр. Абзиеи ацэгьей реилыргароуп иатаху².

5.35 шыкэса ақьагьариара знапы алаку, 100-фык инарзынапшуа еибызтахэоу Роберт Гэымба иажэакэа рыла атаацэара аламлара зыхкьо атыцхэа ақытарахь хатцацара ахьыртахым ауп. Ақытарафы инхогы жэофык рахьтэ оыцья акэшахатхар, егырт зегь ақалакь ахь иртахуп. Арпыс ипхэысаамгара зыхкьо амамзаара ауп. «Ауа-иуа касыжэ мака» хэа уаа 1000-фык еизганы ачара иуеит. Иаанаго ахаршэ зегь ауал иагоит. Фыц еиднагалаз изакэызаалак цхыраарак рымазамкэа иаидхалоит. Убри азы ачаракэа рмачтэуп. Афар ацхыраара ртахуп. Иахьатэи хаамтазгы ақьагьариа, зегьытцэка дыртахымзаргы, абжеихараоык – 30 шыкэса иртысхэо – дыртахуп³.

Абра азбахэ умхэар залшом, адемографиатэ тагылазаашья ацхырааразы, аамтак азы икатцаз шыафакак.

2005 шыкэсазы Лариса Коғониапца, Манана Кэакэаскьырцха, Мизан Ломиа, Виола Кэакэаскьырцха ринициатива ала еифекаан апсуа агэыхалалра-демографиатэ фонд «Акасыш». Ари афонд айфекаара хыкэкыс иамаз хэеиталхэеит напхгаоыс иамаз Коғониапца Лариса: «Идея возникла потому что, в Абхазии эта проблема номер один. Демографическое состояние сегодня в Абхазии желает лучшего, нас не так много, поэтому нам надо расти. Тем более после провозглашения Независимости эта проблема будет стоять остро. Поэтому мы решили создать такое общество. Сегодня акаягьариа необходим, он обязательно нужен. Молодежь, да, найдет друг друга, но после 35 лет очень тяжело. Эту проблему надо решать уже на государственном уровне. Нужна государственная программа, подпитанная мощными материальными потоками. Например, создавшейся семья получает 100 тысяч рублей. Первый ребенок – 50 тысяч рублей, второй – тоже, т.е.

¹ Хацьымба Баграт Нестор-ица. 74 шыкэса, Акэа араион, ақ. Аоадатэи Ешыра, август 24, 2010 ш.

² Адлеиба Валикэа. 64 ш.; Адлеиба Мирон Мамяи-ица. 73 ш., Гэылырчыщ араион, ақ. 2-тэи Бабышыра, июль 23, 2009 ш.

³ Гэымба Роберт Шыгэыт-ица, 49 ш., ақ. Акэа, май 3, 2008 ш.

материальная сторона уже будет решена. Сегодня, практически, молодежи некуда пойти, посидеть, пообщаться. Надо создавать места досуга – клубы, центры молодежи, спортклубы и т.д. А в селах – это уже сложнее!¹

Афонд «Акасыш» иамоуп «Анасыц» захъзу афилиал. Уи иахъа уажэ-раанзагъы аус аует Гагра ақалақъ ағы. Адемографиатэ фонд «Анасыц» аихабы Сичинаа Нана ақяағъариара лнапы алакуп 1976 шықәса инаркны, 70-оык инарзынацшуа ауаа еибылтахеит. «20 шықәса зхытцуа, уи ихала дааигоит, аха 30 шықәса итысхъоу ацхыраара итахуп. Сара сзыцхыраауа 30 шықәса иртысхъоу роуп» лхәеит ақяағъариа².

Хатала, арт афондқәа еиқыркаауаз ахәылпазқәа саргъы изныкымкәа сыгерыласырхәһан, иубартан, усқак ирацәамзаргъы, алтцшәақәагъы шрымаз. Агәыхалалра-демографиатэ фонд «Акасыш» аркын афинанстә цхыраара ахъамоуз иахкәаны, аха, хыхь ишаххәаз еипш, Гагра ақалақъ ағы иаартыз уи афилиал иахъа уажэраанзагъы аус аует. Хгәанала, абарт реипш адемография-гәыхалалратэ фондқәа Ацсны ахы-атцыхәа иахъабалак иаартызар, хазлацәажәо апроблема азбаразы кыр ицхыраагзахон.

Хазлацәажәо атема аганахъала иухәаша шырацәоугъы, абра саатгыло, исхәарц стахуп ажәйтә ауаоы даныпслак «дыпсу зынзаск дыпцзоу» хәа иштцаауаз – ахшара имоу имаму акәын иаанагоз³.

Иахъа ачароура, аґаацәаралалара ухәа апроблемақәа рызбаразы, иа-тахуп урт ииашан рымқәакәтцара, хәаак ртагзара, абзиеи ацәгъеи реилыхра, пқаррак инақәыршәаны, зегь рыла иахъатәи хәпцстазаара ианаало рықатцара. Хәара атахума, иахъатәи ачара шеиґекаатәу ажәлар иреилыркаатәуп, зегъы ақәыршахәтны Ацсны ахыи-атцыхәеи ирыларцәатәуп. Иаццатәуп иара убас уи мқәкәызтцаша, зегь зықәныкәалаша сценариак. Еилкаауп, уи ус унадыххыланы мышкала ишузеиґымкаауа, насгъы, ажәйтә цасқәеи ақяабызқәеи зегь рырхынхәра ацсангъы иҳәпхъазом. Аха, ихәатәуп, иахъатәи аамтазы ухы иаурхәартә иґоу, иаххәап, ақяағъариара еипш иґоу цасқәак қяабзқәак, анализ рзуны, иахъатәи хәпцстазаара иақәшәо еитарґыцны ахархәара рзуур шалшо. Даґеакгъы, иахдыруазарц ахәтоуп, ачара зырпшзаша, қыралла иааганы идыршәахәо, идыркәашо ракәымкәа, дара ачара иалахәу шракәу.

¹ Когониа Лариса Рудик-ицха, ақ. Гагра, февраль 14, 2009 ш.

² Сичинаа Нана, ақ. Гагра, сентябр 19, 2008 ш.

³ Барцыц Хырбси Алионья-ица. 70 ш., Гәылырпшшь араион, ақ. Гәылырпшшь, июль 27, 2009 ш.

А. Ю. Скаков

РЕЛИГИЯ И ТРАДИЦИЯ НА ЗАПАДНОМ И ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ: БОРЬБА, ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИЛИ СИМБИОЗ

Даже если отвлечься от феномена новых независимых («полупризнанных») государств, на Кавказе особенно много общего наблюдается между Абхазией и Осетией. При этом теснейшая взаимосвязь между двумя этими народами (и регионами) прослеживается с глубокой древности, маркируясь как археологическим материалом, так и фольклорно-этнографическим, в том числе, Нартовским эпосом. Для более позднего времени отметим присущие обоим регионам традиции ранней (для Кавказа) государственности и также ранней христианизации, оставившей яркие памятники монументального и декоративного искусства. При этом хорошо известным и исследованным фактом является наличие мощного дохристианского культово-обрядового субстрата и на территории Абхазии, и на территории Алании-Осетии, вступившего в своеобразный, во многом сходный, но и, без сомнения, самобытный в каждом случае симбиоз с христианством. Наконец, ослабление позиций христианства в эпоху позднего Средневековья (в силу целого комплекса объективных причин) сопровождалось в обоих регионах экспансией ислама и реставрацией (на новом уровне) традиционных верований. Можно вспомнить слова царевича Вахушти об Осетии начала XVIII в.: «По вероисповеданию они издревле являются христианами и составляли паству Никозского епископства, главным же образом, дуалы. Но в нынешнее время дуалы только именуются христианами, ибо соблюдают великий пост, почитают и поклоняются иконам, церкви и священникам, но в остальном совершенно несведущи. Они не имеют священников и остаются некрещеными, кроме тех, которые получают крещение в Картли или Раче.

Но главари и знать тагаурцев, куртатинцев, Валагира, Байкома, дигорцев и басианцев являются магометанами, а простые крестьяне – христиа-

нами, но они равным образом несведущи и в той и в другой вере. Различие между ними заключается в том, что те, которые едят свинину, являются христианами, а потребляющие конину – магометанами. Все они почитают подобие идола, которого называют Вачила, ибо в честь св. Ильи закалывают козла, мясо которого едят сами. Кожу же животного натягивают на высокий шест и поклоняются этой коже в день св. Ильи, чтобы он избавил их от града и даровал обильный урожай»¹.

В итоге на рубеже новой и новейшей истории и Абхазия и Осетия оказались в культурно-идеологическом отношении своего рода трехполярными регионами, где тесно переплелись, не вступая в серьезные конфликты друг с другом, традиционные верования, христианство и ислам. К примеру, в Северной Осетии (Дигория) мне самому в начале 1990-х гг. довелось наблюдать участие местного муллы в традиционном обрядовом действии (кувде), происходившем в святилище Уастырджи или Вашкерги (аналог святого Георгия). При этом степень христианизации, как и исламизации населения, относящего себя к той или иной конфессии, в целом была невелика.

Ситуация изменилась на рубеже XX–XXI вв., что связано с распадом СССР, крахом (или глубоким кризисом) формально еще доминирующей атеистической идеологии, кровопролитными и разрушительными войнами, затронувшими оба интересующих нас региона, необходимостью в обоих случаях (в Абхазии и Южной Осетии) приступить к строительству независимого государства. Задача противостояния сильному агрессору, формально опирающемуся на христианскую (православную) идеологию (и пытающемуся представить свои мало-имперские амбиции как борьбу христианства и цивилизации с дикостью и, в случае Абхазии, с мусульманством) вынуждала общества двух мятежных регионов попытаться предъявить миру свою идеологию. Кроме того, эта идеология (включающая в себя и религиозную практику) должна была стать еще одной связующей нитью, объединяющей общества перед лицом внешней угрозы и позволяющей им еще раз обосновать свое право на строительство независимого государства. Православие в обоих случаях не вполне подходило на эту роль, в первую очередь потому, что являлось религией основного противника. Очевидно, эту роль не мог выполнять и ислам, создающий угрозу «поглощения» и Осетии (в целом) и Абхазии их более многочисленными соседями. Тем более, что экспансия ислама, являющаяся сейчас своего рода «визитной карточкой» не только Северного Кавказа, шла и идет в настоящее время достаточно интенсивно, что по вполне понятным причинам рассматривалось многими и в Осетии и в Абхазии как угроза. В частности,

¹ Цит. По Гаглойти Ю.С. Алано-Георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. Владикавказ. 2007. – С. 87.

в Южной Осетии уже имел место формальный отказ местной (!) азербайджанской общине в строительстве мечети в Цхинвале (для которой уже было выбрано место и заказан проект)¹, а также известны неоднократные случаи выхода юго-осетинских девушек за выходцев с Северного Кавказа (Дагестан, Чечня), работающих на стройках в республике, перехода их в ислам и «закрепления» новой исламской семьи на территории крошечной РЮО. По некоторым оценкам, в Абхазии также имеет место тенденция радикализации (или салафитизации) части местных мусульман, что, как правило², не является в настоящий момент какой-либо угрозой безопасности республики, но, безусловно, должно учитываться³.

Еще одной (а в настоящий момент – главной) причиной, препятствующей укреплению православия в Южной Осетии и Абхазии и превращению его в стержень национально-государственного строительства, является формальная принадлежность территорий этих республик к канонической территории Грузинского патриархата. Именно это, как хорошо известно, является препятствием для принятия приходов Абхазии и Южной Осетии под омофор как РПЦ, так и любой другой православной церкви. Тем более, что именно Грузинская православная церковь не просто является одним из ближайших союзников РПЦ, но и, безусловно, поддерживает её в длительном конфликте с Константинопольским патриархатом. А сейчас этот конфликт вновь может обостриться из-за уже ставшего фактом отхода от «московской ориентации» большинства епархий и клириков Украинской православной церкви Московского патриархата (в том числе очень влиятельного митрополита Александра (Драбинко), викария Киевской епархии). Начавшееся брожение может привести не только к автокефалии УПЦ МП, но и к ее объединению с Украинской православной церковью Киевского патриархата. Очевидно, что в этой ситуации РПЦ не пойдет на разрыв с Грузинской православной церковью. Возлагать же какие-то надежды на Константинопольский патриархат, привыкший с восточным коварным расчетом играть затяжные партии и жертвовать в случае необходимости фигурами, было бы недальновидно. В конечном итоге, не так давно Константинопольский патриарх вновь заявил, что «подобные решения (об автокефалии-А.С.) должны приниматься при общем согласии всех

¹ Руслан Бзаров. «В Осетии мусульман никогда не было больше 12-15 % населения» // <http://osinform.ru/20585-ruslan-bzanov-v-osetii-musulman-nikогда-ne-bylo.html>. 23.03.2010; Духовная диверсия против Южной Осетии // Информационное агентство Рес. <http://cominf.org/node/1166482021>. 24.12.2009.

² «В Гудаутском районе задержан руководитель организации, называющей себя «Абхазским джамаатом», изъято большое количество оружия и боеприпасов» // <http://apsnypress.info/news/6231.html>, 10.05.2012.

³ Цвижба Заира. «Мусульмане живут одной жизнью с народом» // Республика Абхазия. № 73 (2674). 04.07.2011.

поместных церквей». Таким образом, ситуация представляется тупиковой и уповать (как это иногда делается) на «церковный суд РПЦ» или на «решение экспертов РПЦ» вряд ли оправданно. Как хорошо известно, вмешательство клириков РПЦ (могу напомнить о высказываниях о. А. Кураева по Абхазии¹) не всегда бывает продуктивно и продуманно.

Понимая, что уважаемые читатели не хуже меня осведомлены о ситуации с православной церковью и «Абхазской митрополией» в Абхазии, подробнее остановлюсь на церковном устройении Южной Осетии². В годы советской власти все шесть храмов Цхинвала были закрыты, первые религиозные общины в автономии появились на закате перестройки, в её столице и в селе Цунар. Подчиняться грузинской православной церкви православные Южной Осетии не сочли возможным, особенно после того, как её глава Илия Второй практически поддержал лозунг «Грузия для грузин». Православные жители республики обратились к Московской патриархии с просьбой принять их под свою юрисдикцию. Москва отказала, ссылаясь на невозможность вмешиваться в дела канонической территории грузинского патриархата. Тем не менее, обсуждались планы создания в Цхинвале подворья РПЦ. В 1992 г. православные Южной Осетии обратились в Русскую православную церковь за рубежом и были взяты под омофор архиепископа Лазаря, управляющего делами РПЦЗ по Югу России. В 2000 г. в Южной Осетии было создано благочиние, главой которого стал отец Георгий (Пухаты), священноигумен цхинвальского храма Рождества Пресвятой Богородицы. После раскола в РПЦЗ в 2001 г. Цхинвал обратился в Синод митрополита Киприана Греческой православной церкви Противостояния (или «Противостоящего синода», «Киприановского синода» – одну из неканонических старостильных греческих юрисдикций, созданную в 1984 г.) с просьбой о принятии в её лоно православных Южной Осетии. Митрополит Киприан в 2003 г. принял под свою юрисдикцию благочиние Юго-Осетинского Аланского округа и в 2005 г. предоставил ему статус епархии. Это стало причиной разрыва отношений между Киприановским синодом и Русской Зарубежной церковью. А митрополит Кирилл (будущий патриарх РПЦ) назвал в ноябре 2008 г. Аланскую епархию «раскольнической как бы епархией». Наместником Аланской епархии Республики Южной Осетии стал тот же отец Георгий (Александр Пухатэ). В 2010 г. о. Георгий, вступив в конфликт как с местной властью, так и с другими священниками, покинул

¹ Андрей Кураев. Прошлое и «настоящее» Абхазии // <http://www.youtube.com/watch?v=bVsiIS5GXvU>. 16.10.2013.

² Скаков А.Ю. Трехногий конь святого Георгия // НГ Религии. № 11 (141). 16.06.2004; Михаил Рощин. Религия и политика в Республике Южная Осетия: особенности национального и религиозного возрождения южных осетин // <http://www.kavkazoved.info/news/2011/10/25/religia-i-politika-v-respublike-uzhnaja-osetia-2510.html>. 25.10.2011.

Южную Осетию, а в 2011 г. был официально отправлен в отставку. Причем после его отъезда, кроме конфликта юго-осетинских священников с приверженцами о. Георгия, возник новый конфликт – на этот раз между благочинным, о. Яковом Хетагуровым и синодом митрополита Киприана, который передал временное управление Аланской епархией епископу Мефонскому (глава иностранного отдела Синода противостоящих) Амвросию (Байрд). Вполне понятно, что тем самым влияние на церковную жизнь Южной Осетии Киприановского синода сводилось к нулю. В дальнейшем, в марте 2014 г., Киприановский синод вошел в состав более крупного старостильного Хризостомовского Синода («Истинно-православная церковь Греции»). Ситуация с юрисдикцией Аланской епархии осталась неопределенной.

Позиция РПЦ при этом практически не менялась. Отрицая полноценное существование Аланской епархии и отвергая её метания между различными юрисдикциями, клирики РПЦ вели речь о поиске «некоего компромисса, некой переходной модели». Но фактически положение дел остается неизменным. Более того, речь последнее время идет о некоем «противоборстве» Аланской епархии со стороны Владикавказской и Аланской епархии Московского патриархата (создана в конце 2012 г.), учредившей «Фонд возрождения православия в Южной Осетии».

Отметим также ряд показательных черт, которые могут позволить провести параллели между церковной ситуацией в Абхазии и Южной Осетии. Во-первых, расколы и внутрицерковные смуты зачастую возникают на базе вовремя неурегулированного межличностного конфликта. Во-вторых, вмешательство внешних сил, в том числе, РПЦ, как правило, носит несистемный и спорадический характер, что приводит к неожиданным и не предполагавшимся ранее последствиям. Далее, серьезной угрозой в таких условиях может стать тенденция к превращению церковной организации в, фактически, политическую партию. Наконец, невозможность или, по крайней мере, затруднительность окормления церковной организации в Абхазии или Южной Осетии со стороны сложившегося и признанного центра православного мира (РПЦ) негативно влияет на качество и уровень подготовки священства (в качестве примера можно привести священника древнего храма в с. Икорта РЮО Сергея Кокоева по прозвищу «Медведь»).

На этом фоне¹ простор для деятельности получают нетрадиционные для региона религии и секты. Речь идет о баптистах, адвентистах седьмого дня, свидетелях Иеговы, кришнаитах в Абхазии, баптистах, адвентистах седьмого дня, свидетелях Иеговы, пятидесятниках и харизматах в Южной

¹ Иерей Георгий Рябых: Православие в Абхазии и Южной Осетии находится в плачевном состоянии // <http://rusk.ru/newsdata.php?idar=179279>. 24.10.2008.

Осетии. Их активизация в Абхазии и Южной Осетии уже неоднократно отмечалась экспертами¹. При этом, что показательно, пятидесятники Южной Осетии, в отличие от православных, прекрасно включены в общероссийскую структуру своей церкви. И если, пока что, их относительная численность в Абхазии не так уж и велика, то в маленькой Южной Осетии несколько тысяч активных адептов нетрадиционных религий представляют собой весьма заметное явление. Впрочем, необходимо признать, что в настоящее время рост численности адептов нетрадиционных религий в Южной Осетии приостановился, их активность снизилась, что, вероятно, связано с исчерпанием (возможно, временным) потенциальной базы для вербовки новых сторонников.

Напротив, на настоящем этапе и в Абхазии и в Осетии происходит укрепление элементов традиционной религии, в первую очередь, культа святилищ. При этом наблюдается две тенденции. Во-первых, происходит своего рода «кодификация» традиционной религии, появляется иерархия святилищ. К примеру, в Осетии практически самым почитаемым святилищем (причем, хотя и в различной степени, но для обеих её частей) стала Роща святого Хетага, являвшаяся ранее хотя и чтимым святым местом, но лишь одним из многих таких мест («самой известной рощей в Северной Осетии»²). Во-вторых, наблюдается нарастание конфликта между некоторыми представителями священства, церковной иерархии и радикальной православной общественности, с одной стороны, и достаточно широкими массами общественности, в том числе и воцерковленными, прибегающими в своей повседневной жизни к культам и обрядам традиционной религии. Примером этого является, в частности, конфликтная ситуация вокруг святилища Илорных. Пока такие конфликты носят частный характер, но в дальнейшем могут стать более перманентными и жесткими. Связаны они с неготовностью части православного духовенства к интеграции элементов традиционной религии, хотя примеры такой интеграции в истории христианства далеко не единичны и в целом весьма успешны. Собственно говоря, элементы такого взаимодействия и даже симбиоза хорошо прослеживались на территории Абхазии и Южной Осетии в прошлом. Остается неясным также, насколько долговечна тенденция к укреплению традиционной религии, так как в настоящее время, в условиях ослабления внешнего давления, она в несколько меньшей степени используется местными элитами для консолидации общества.

Если обратимся в целом к Осетии, как к Южной, так и Северной, ситуация окажется в чем-то схожей. То есть отнюдь не все упирается в решение

¹ Крылов А.Б. Религия и традиции абхазов (по материалам полевых исследований 1994–2000 гг.). М. 2001. – С. 147–150.

² Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. М., 2008. – С. 153.

о канонических территориях того или иного патриархата. Как признают церковные иерархи Северной Осетии (май 2012 г., секретарь Владикавказской и Махачкалинской епархии иерей Савва Гаглоев), «церковь оказалась нечувствительной к осетинской культуре», «церковь так и не стала органичной частью религиозно-культурной традиции осетинского народа» (хотя попытки такого рода делались и делаются, особенно в последние годы)¹. То есть развитие осетинского национального самосознания, укрепление осетинской идентичности, и повышение роли православия стали двумя автономными, непересекающимися процессами. Другими словами, православие (и это понимают представители церкви) так и не стало основой или стержнем осетинской идентичности, опорным камнем осетинской национальной идеологии. Соответственно, кроме экспансии ислама и частичной реконструкции «традиционной веры», и в дальнейшем может происходить усиление влияния нетрадиционных для региона религий и сект.

Видимо, наиболее приемлемым путем здесь в самом деле является политика инкультурации, то есть укоренения православия (и ислама, что сложнее) в местной культуре, своего рода симбиоза. Вопрос, всегда ли к этому готова церковная иерархия, всегда ли именно этого ждет местное общество?

¹ Осетия: религиозная ситуация и политические вызовы // Информационное агентство Рес. <http://cominf.org/node/1166492882>. 03.05.2012.

Э. Р. Агумава

АКТ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ, КАК ИТОГ ПЕРЕГОВОРНОГО ПРОЦЕССА О ПОЛИТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ АБХАЗИИ (1993-1999 ГГ.)

Послевоенный переговорный процесс между Абхазией и Грузией вызывает большой интерес у дипломатов, историков, политологов, самой широкой аудитории. В предлагаемой статье отмечены ключевые эпизоды шестилетнего переговорного процесса о политическом статусе Абхазии до принятия Акта о государственной независимости, когда в тяжелейших послевоенных условиях абхазскому руководству приходилось отстаивать национальные интересы страны. Надо отметить то обстоятельство, что несмотря на принципиальный подход ко многим вопросам, относящимся к проблеме государственного статуса страны, руководство Абхазии пыталось найти компромиссные варианты решения государственно-правовых взаимоотношений с Грузией, предлагая ей различные формы возможных государственных образований, исключая вхождение в состав грузинского государства. Послевоенная международная обстановка, политика ведущих мировых игроков и, конечно же, сам переговорный процесс были предметом исследования С. Лакоба, С. Шамба, В. Чирикба и других, труды которых, наряду с документами Генерального секретаря ООН, оказывают безусловную помощь в написании работы.

30 сентября 1993 года завершилась грузино-абхазская война, но, как известно, любая война заканчивается за столом переговоров. По этой причине под эгидой ООН, при содействии РФ и участии СБСЕ 28 ноября 1993 года в Женеве стартовал переговорный процесс. Переговоры были инициированы Генеральным секретарем ООН, в целях активизации мирного процесса и достижения всеобъемлющего урегулирования конфликта. Надо отметить, что с самого начала стороны подошли к переговорам не в равных условиях. Во-первых, надо отметить, что Абхазия не представляла ни малейшего интереса у международного сообщества в качестве свободного политического образования, в отличие от Грузии, которая, как известно, еще «в марте 1992 года вступила в СБСЕ, а в июле того же года стала полноправным членом ООН»¹. Во-вторых, необходимо учесть

¹ Шамба С.М. Роль западных стран в урегулировании грузино-абхазского конфликта. Сухум, 2002. <http://abkhazia.narod.ru/shamba.htm>

и большие личные связи лидера Грузии Э. Шеварднадзе, являвшегося в свое время главой Министерства иностранных дел СССР. Этот фактор, несомненно, сыграл не последнюю роль в давлении на Абхазию со стороны внешнеполитического ведомства РФ и международного сообщества в целом. В-третьих, Абхазия в самом начале переговоров находилась в блокаде, поскольку в сентябре 1993 года РФ, обвинив абхазскую сторону в срыве подписанного соглашения от 27 июля 1993 года, перекрыла ей границу по реке Псоу, отключив при этом электроэнергию. В октябре того же года Совбез ООН, последовав примеру России, ввел экономическое эмбарго, обратившись с просьбой ко всем государствам – членам ООН не оказывать ни в каких формах помощь Абхазии. Надо принять во внимание, что подобные меры в свое время были приняты против Ирана и Ирака.

Все эти факторы изначально держали в напряжении абхазскую сторону, что давало грузинским дипломатам значительное преимущество на начавшихся переговорах. Надо также заметить, что Грузия изначально стала представлять данный конфликт как внутригрузинский, объявляя Абхазию своей мятежной провинцией, и данная формулировка стала преобладающей в подходе посредников в урегулировании грузино-абхазского конфликта. Необходимо напомнить еще один эпизод, который осложнил уже начавшийся переговорный процесс – это подписание 3 февраля 1994 года договора о дружбе и сотрудничестве между РФ и Грузией, которое прошло в торжественной обстановке в Тбилиси, одним из пунктов которого было предусмотрено оказание помощи Грузии в создании армии. После подписания этого документа Э. Шеварднадзе на сессии Верховного Совета Грузии заявил, что «договор с РФ Грузии нужен для того, чтобы получить оружие для продолжения войны»¹. Свои комментарии по этому поводу (радио «Эхо Москвы») дал один из участников переговорного процесса, представлявший абхазскую сторону, С. Джинджолия: «Против кого это направлено, сомнений нет. Пока не решен вопрос политического статуса Абхазии и не решены проблемы между Абхазией и Грузией, данные действия могут осложнить ситуацию на переговорах в Женеве. Россия – все же посредник на переговорах, и, заняв одностороннюю позицию, она ставит Абхазию в очень трудное положение»². Этот договор спровоцировал Грузию, и в тот же день начался обстрел абхазских пограничников с целью захвата ИнгурГЭС. Однозначную позицию давления на Абхазию поддержал и Совет глав государств СНГ, подчеркивавший неизменную приверженность суверенитету и территориальной целостности Грузии. Фактически, конъюнктурный подход международного сообщества к урегулированию

¹ Республика Абхазия. 4 марта 1993 г., № 14 (226).

² Там же.

конфликта и, конечно же, атмосфера давления, оказанная на абхазскую сторону, осложнили весь переговорный процесс.

Изначально стороны подошли к переговорам с целью добиться собственных условий прекращения огня. «Данный этап ознаменовался попытками абхазской стороны зафиксировать факт военной победы, повлекшей за собой фактическую независимость Абхазии от Грузии, а также стремлением Сухума не допустить полномасштабного возвращения грузинских беженцев, ввиду отсутствия необходимых для этого условий безопасности... Одновременно грузинская сторона старалась максимально смягчить негативные политические и социальные последствия военного поражения, обеспечить возвращение беженцев и использовать политико-правовые и дипломатические инструменты для недопущения политического самоопределения Абхазии»¹. Абхазская сторона хорошо понимала, что перемещенные лица могут впоследствии угрожать внутренней безопасности абхазского государства. Стратегической задачей абхазских дипломатов являлось подписание договора о невозобновлении боевых действий.

Первый раунд переговорного процесса прошел с 28 ноября по 1 декабря 1993 года. Итогом и важнейшим достижением этого раунда стало подписание сторонами в конфликте 1 декабря 1993 года «Меморандума о понимании», под которым свои подписи также поставили представители ООН, РФ и СБСЕ. Меморандум гласил: «Пункт 1. Следуя основным положениям Сочинского соглашения о прекращении огня в Абхазии и механизме контроля за его соблюдением от 27 июля 1993 года, стороны обязуются не применять силу или угрозу силы друг против друга на период продолжающихся переговоров по достижению полномасштабного урегулирования конфликта в Абхазии. Пункт 2. Стороны высказываются за использование международных миротворческих сил в зоне конфликта. Пункт 4. Стороны обязуются создать условия для добровольного возвращения беженцев. Пункт 6. Стороны выражают пожелания в создании международной комиссии в целях содействия экономическому восстановлению в зоне конфликта»². Это были четыре базовых пункта, подписанных в самом начале переговорного процесса.

В ходе второго раунда переговоров, прошедшего с 11 по 13 января 1994 года, важнейшим достижением было подписание Коммюнике от 13 января 1994 года. Пункт 4 гласил: «Стороны согласились создать специальную комиссию по беженцам, куда войдут представители Сторон, ООН и РФ,

¹Акаба Н.Н., Хинтба И. Трансформация грузино-абхазского конфликта: переосмысление парадигмы. Сухум, 2011. Источник http://apsnyteka.org/1154-akaba_khintba_transformatsya_gruzino_abkhazskogo_konflikta_pereosmyslenie_paradigmy.html

² Диасамидзе Т. Региональные конфликты в Грузии – Юго-осетинская автономная область, Абхазская АССР (1989–2001). Тбилиси, 2002. – С. 298.

которая начнет работу 25 января 1994 года. Стороны пришли к согласию приступить с 10 февраля 1994 года к осуществлению поэтапного процесса возвращения беженцев и перемещенных лиц в Абхазию и в качестве первого этапа в Галский район». Пункт 5 гласил: «Стороны признают, что главная задача добиться полномасштабного урегулирования конфликта, и все усилия должны быть направлены на его разрешение». Они также дали согласие на размещение в зоне конфликта Миротворческих сил ООН или иных сил, санкционированных ООН, выразив обоюдное согласие на использование в составе таких сил российского воинского контингента. В документе предусматривалось, что стороны после прибытия Миротворческих сил должны отвести вооруженные формирования от реки Ингур в течение 5 дней. В ходе переговоров представители сторон просили ООН и РФ оказать помощь в создании безопасной обстановки, способствующей возвращению беженцев и перемещенных лиц. Данные соглашения были подписаны С. Джинджолия, Д. Иоселиани, Б. Пастуховым, Э. Бруннером, В. Манно»¹. В соглашении была четко обозначена цель Миротворческих сил, в задачу которых входил контроль за невозобновлением боевых действий в зоне конфликта. Важнейшим пунктом в подписанных договорах явилось создание к 15 февраля международной комиссии по оказанию содействия экономическому восстановлению Абхазии, с участием международных организаций. Среди ее первоочередных задач должно было быть восстановление объектов жизнеобеспечения, транспортных коммуникаций, аэропортов, мостов, тоннелей. «В соответствии с договоренностями, для обсуждения экономических вопросов (энергетика, транспорт, связь и др.) участниками процесса урегулирования была создана Координационная комиссия»². «Естественно, самым тяжелым вопросом на переговорах стал вопрос о политическом статусе Абхазии, где абхазской стороне ясно дали понять, что независимость, обретенная силой оружия, неприемлема для международного сообщества»³. Если же руководство Абхазии согласится принять условия грузинской стороны, а вопрос изначально стоял об автономии в составе Грузии, то, по заверениям главы ООН, абхазы могут получить полную международную поддержку. Фактически сразу же после начала переговорного процесса мнение представителей Абхазии, по поводу ее политического самоопределения стало игнорироваться. Фундаментальным вопросом на переговорах являлся вопрос создания соот-

¹Архивы Генерального секретаря ООН/1994/80 25/01/1994г. <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/003/97/IMG/N9500397.pdf?OpenElement>

²Шамба С.М. Переговорный процесс: надежды и разочарования. Сухум, 2000. www.mfaabkhazia.org/documents/stati_i_analiz/peregovornyj_process_nadezhdy_i_razocharovaniya/.

³ Бутрос Гали. Поиски альтернативы для Грузии и Абхазии. М., 1999. – С. 399.

ветствующих гарантий невозобновления боевых действий. После первых раундов Председатель Верховного Совета Абхазии В. Г. Ардзинба дал комментарий по поводу политического статуса Абхазии, заявив следующее: «Мы обсуждаем и пытаемся найти его решение за столом переговоров, но в принципе это вопрос народа Абхазии. Какой статус будет у Абхазии – это должно решаться народом Абхазии. Мы должны готовиться к соответствующему референдуму с тем, чтобы народ сам определился, и мы приняли новую Конституцию»¹.

Первый этап переговорного процесса, в ходе которого были подписаны соглашения, определил последующее содержание переговоров, выявив круг острых проблем и обозначив контуры возможных мирных договоренностей, касавшихся, во-первых, государственно-правовых взаимоотношений Абхазии и Грузии, во-вторых, вопрос беженцев и перемещенных лиц и, в-третьих, экономической реабилитации Абхазии.

«После определения спектра вопросов на первом совещании экспертов, по вопросу о политическом статусе Абхазии представители ООН, СБСЕ и РФ стали настаивать на том, чтобы стороны исходили из необходимости соблюдения территориальной целостности Грузии»². Абхазская сторона обосновывала свою позицию, ссылаясь на норму международного права, а именно на право нации на самоопределение, заявляя, что международно-правовые документы не предполагают верховенство принципа территориальной целостности, о котором заявляла грузинская сторона, над принципом права нации на самоопределение. В этих условиях сложилась непростая ситуация, поскольку если бы была применена одна из правовых норм в практике урегулирования конфликта, то тогда соблюдение одной из них становилось бы нарушением другой. О том, как в этих непростых условиях будут строиться взаимоотношения между Грузией и Абхазией в будущем, Председатель Верховного Совета Абхазии заявил следующее: «Эти отношения могут зависеть от двух факторов: первое – Абхазия, согласно ныне действующей Конституции 1925 года, – это суверенное государство, поэтому у нас есть и возможность восстановления государственной независимости Абхазии. Это один возможный вариант. Второй вариант – это вопрос о воссоздании и восстановлении межгосударственных отношений между Абхазией и Грузией, но только при подходе, что это два равноправных субъекта, а не метрополия и колония»³. Вместе с тем, руководство Абхазии понимало, что возможности наших дипломатов при отстаивании национальных интересов минимальны, поскольку Абхазия

¹ Ардзинба В.Г. Сборник интервью и выступлений 1992-2005 гг. Сухум, 2011. – С 105-106.

² Архивы Генерального секретаря ООН/1994/80 25/01/1994г. <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/003/97/IMG/N9500397.pdf?OpenElement>

³ Ардзинба В.Г. Сборник интервью и выступлений 1992-2005 гг. Сухум, 2011. С 114.

является страной с ограниченными экономическими, военными и, соответственно, политическими ресурсами и поэтому не имеет возможности оказывать определяющее влияние на геополитику и позицию ведущих мировых игроков на переговорах. Вследствие этого осуществлялось беспрецедентное давление со стороны международных структур и ряда государств, принимавших участие в переговорном процессе. Но, как показало время, в сложнейших обстоятельствах абхазские дипломаты оказались искусными политиками.

С 8 по 10 февраля 1994 года в Москве состоялась вторая встреча экспертов по вопросу о политическом статусе Абхазии, где с целью конструктивного подхода к переговорам и нивелирования острых вопросов стороны стали рассматривать вопрос о разделении полномочий между грузинскими и абхазскими властями. Председатель экспертной комиссии предлагал создать некий род конфедеративной структуры, но при этом просил стороны избегать такие абстрактные термины, как «Конфедерация», «Федеральное государство» или «Региональное государство», сосредоточив внимание на практическом вопросе – разделении полномочий между двумя образованиями, которые могли бы входить в совместное ведение, к примеру, внешняя политика, внешняя торговля, таможенная служба, пограничная служба, создав в последующем общее государство.

«После двух совещаний экспертов о политическом статусе Абхазии 22 февраля в Женеве состоялся третий раунд переговоров по полномасштабному урегулированию грузино-абхазского конфликта. Представителями РФ и ООН было разработано предложение, где содержалось признание территориальной целостности Грузии. Также ими было озвучено предложение о размещении Миротворческих сил и гражданской полиции ООН по всей территории Абхазии для спокойного возвращения беженцев и, заявлено дальше, для помощи абхазской милиции для обуздания криминальной ситуации внутри страны»¹. Подобные условия абхазская сторона не захотела даже рассматривать. Руководство Абхазии понимало, что этот шаг может только укрепить позицию Грузии на переговорах, которая и без того пользовалась огромной поддержкой со стороны международного сообщества. В. Г. Ардзинба прокомментировал данные предложения, заявив следующее: «Шеварднадзе не скрывает, для чего ему нужны Миротворческие силы. Для того, чтобы разоружить абхазскую армию, упразднить органы государственной власти Абхазии, создать некий директорат, который станет управлять нашим государством. Таким образом, речь идет об оккупации Абхазии силами ООН и о решении этими силами тех проблем, которые Шеварднадзе не смог решить в прошлом году танками. В докладе

¹Архивы Генерального секретаря OOHС/1994/253 03/03/1994г. <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/003/97/IMG/N9500397.pdf?OpenElement>

Шеварднадзе в Совете безопасности речь прямо идет о создании прецедента использования «голубых касок» в горячих точках бывшего Союза...»¹. Шеварднадзе пытался в тот период всяческими методами продавить данное решение.

С 7 по 9 марта 1994 года в Нью-Йорке были продолжены трехдневные переговоры, которые состояли из трех главных вопросов: 1) признание территориальной целостности Грузии; 2) репатриация беженцев и перемещенных лиц; 3) роль и район развертывания возможных сил по поддержанию мира. Сама постановка вопроса о признании территориальной целостности Грузии негативно влияла на переговорный процесс, поскольку абхазская сторона в очередной раз заявила о том, что она не имеет в настоящее время с Республикой Грузия никаких политико-правовых взаимоотношений, и просит, чтобы к ней относились как к равноправному участнику переговоров по политическому статусу. «Ведь политический диалог (переговорный процесс) – это не только инструментарий; как таковой он может состояться лишь при условиях соблюдения определенных правовых процедур, в первую очередь признания формального равенства прав его непосредственных участников. Сам факт участия в переговорном процессе Абхазии, не признанной еще *de jure* международным сообществом, есть не что иное как своеобразное (скрытое) признание ее в качестве субъекта государственно-правовых отношений»². Надо заметить, что в период проходящих в Нью-Йорке переговоров Э. Шеварднадзе получил поддержку со стороны США. «В США Шеварднадзе подписал совместное с американцами заявление о военном сотрудничестве, в соответствии с которым США будут оказывать Грузии помощь в реорганизации армии и ее вооружений, подписан также документ о создании программы совместной безопасности»³. Главным вопросом на этих переговорах был вопрос размещения Миротворческих сил в Абхазии. В результате трех первых раундов переговоров стороны согласовали вопрос о воссоздании межгосударственных отношений между Абхазией и Грузией.

Следующий большой раунд переговоров прошел в Москве, где в присутствии Генерального секретаря ООН, министра иностранных дел РФ и западных дипломатов 4 апреля 1994 года было подписано два важнейших документа «Заявление о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта» и «Четырехстороннее соглашение о добровольном возвращении беженцев и перемещенных лиц». Договоры были подписаны всеми участниками переговорного процесса. Эти соглашения явились итогом работы предыдущих раундов, проходивших в Женеве и Нью-

¹ Ардзинба В.Г. Сборник интервью и выступлений 1992-2005 гг. Сухум, 2011. – С.122.

² Дамениа О.Н. Абхазия на рубеже веков. СПб., 2011. – С 101.

³ Ардзинба В.Г. Сборник интервью и выступлений 1992-2005 гг. Сухум, 2011. – С 123.

Йорке. В «Заявлении о мерах по политическому урегулированию» констатировалось отсутствие де-юре каких-либо государственно-правовых взаимоотношений между конфликтующими сторонами, что соответственно означало отсутствие спора о «территориальной целостности», о которой так упорно заявляла грузинская сторона. «Стороны заявили об уважении территориальной целостности в границах бывших Грузинской Советской Социалистической Республики и Абхазской Автономной Советской Социалистической Республики на 21 декабря 1991 года, на период и до окончательного решения вопроса, касающегося политического статуса Абхазии. Стороны также подтвердили, что Абхазия имеет свою Конституцию и законодательство, соответствующую государственную атрибутику: гимн, герб, флаг. Они согласились, что при определении формы политического и правового статуса Абхазии будут рассмотрены вопросы совместного ведения и разграничения полномочий. Решения по данной проблеме будут закреплены специальным договором. Стороны достигли взаимопонимания о делегировании полномочий для совместных действий в следующих областях: а) внешняя политика и внешнеэкономические связи, б) пограничная служба, в) таможенная служба, г) энергетика, транспорт, связь, д) экология и ликвидация последствий стихийных бедствий, е) обеспечение прав и свобод человека и гражданина, прав национальных меньшинств»¹.

Этот этап назван этапом прорыва в грузино-абхазском переговорном процессе, поскольку абхазская сторона сумела отстоять свои позиции практически по всем пунктам, добившись своих целей. Это была дипломатическая победа, несмотря на огромное давление со стороны иностранных дипломатов и представителей МИДа РФ. Но самое главное то, что все участники, подписавшись под этим документом, признали на тот момент отсутствие государственно-правовых отношений между Абхазией и Грузией.

Международной организацией юристов была проведена независимая экспертиза данного соглашения, где они констатировали, что государственно-правовые отношения между конфликтующими сторонами отсутствуют. Сферы разграничения совместной деятельности, например, таможенная служба или внешняя политика свойственны только суверенному государству. Тем самым стороны признали наличие таковых у каждой из них. Соответственно данное соглашение является международным (межгосударственным) договором. К аналогичным выводам пришел и доктор международного права из Брюсселя Б. Дрисеен. В его правовой оценке данного документа говорится, что это международно-правовой договор, подписанный двумя государствами. По итогам переговоров международное сообщество впервые признало право Абхазии на самоопределение и

¹Архивы Генерального секретаря ООН /1994/529/ 03/05/1994г. <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/003/97/IMG/N9500397.pdf?OpenElement>

тот факт, что Абхазия и Грузия признаются двумя равноправными субъектами. После подписания данного документа В. Г. Ардзинба заявил: «Вот тот фундамент, на котором можно созидать»¹. «Создаст ли Абхазия свое суверенное государство или предпочтет войти в состав другого государства – это ее право, право самостоятельного решения вопросов своего государственного обустройства»². Переговоры между Грузией и Абхазией – это переговоры о возможном воссоздании государственно-правовых отношений. Отсюда следует, что не только де-факто, но и де-юре между Абхазией и Грузией нет государственно-правовых отношений, а, следовательно, любые заявления на тему о государственной целостности Грузии не имеют к Абхазии никакого отношения. Такая связь может возникнуть в результате договора между Сухумом и Тбилиси. Таким образом, договор с Грузией должен быть договором двух равных субъектов. Оценивая результаты переговоров, Генеральный секретарь ООН Бутрос Гали говорил о Конфедеративном договоре.

После подписания договоров 15 апреля 1994 года в Москве, Совет глав государств Содружества независимых государств (СНГ) принял заявление о проведении операции по поддержанию мира в зоне грузино-абхазского конфликта, где выражал готовность ввести туда Миротворческие силы, состоявшие из воинского контингента государств – участников Договора. Протокол гласил, что функции Миротворческих сил Содружества независимых государств будут заключаться в том, чтобы приложить максимум усилий для поддержания прекращения огня и обеспечения его неукоснительного соблюдения, а также содействовать добровольному возвращению беженцев. Миротворческие силы будут действовать под командованием Временного объединенного командования и командующего Миротворческими силами.

В этот день была принята Декларация о соблюдении суверенитета, территориальной целостности и неприкосновенности границ государств – участников Содружества независимых государств, где пункт 1 гласил: «Государства – участники СНГ обеспечивают выполнение в своих взаимоотношениях принципов суверенитета, территориальной целостности и нерушимости государственных границ. Пункт 3 гласил: «Захват территорий с применением силы не может быть признан, а оккупация территорий государств не может использоваться для международного признания или навязывания изменения ее правового статуса»³. Тем самым, перед введением МС в зону конфликта страны содружества недвусмысленно дали понять, что они всячески будут поддерживать Грузию в этом конфликте.

¹ Ардзинба В.Г. Сборник интервью и выступлений 1992-2005 гг. Сухум, 2011. – С. 147.

² Дамения О.Н. Абхазия на рубеже веков. СПб., 2011. – С. 101.

³ Свободная Грузия. 19 апреля 1994 г., № 62. – С. 2.

Фактически страны СНГ, принимая Декларацию, пренебрегли международным документом, несмотря на договор от 4 апреля 1994 года, под которым подписались международные участники переговоров, где констатировалось, что Абхазия является независимой страной, не имея с Грузией никаких политико-правовых и государственных взаимоотношений.

21 апреля 1994 года представителями ООН был подготовлен и представлен сторонам проект «Политические и правовые элементы всеобъемлющего урегулирования грузино-абхазского конфликта», где, в частности, было заявлено: «Абхазия будет являться субъектом, обладающим суверенными правами, в составе союзного государства, которое будет создано в результате переговоров после урегулирования спорных вопросов. Название союзного государства будет определено сторонами в ходе дальнейших переговоров»¹.

14 мая 1994 года в Москве состоялось подписание еще одного фундаментального документа – «Соглашения о прекращении огня и разъединении сил». На основании данного Соглашения в зону конфликта отправлялись Миротворческие силы СНГ, состоявшие из российских военнослужащих. Мандат на проведение операции по поддержанию мира в зоне грузино-абхазского конфликта был утвержден Советом глав государств Содружества независимых государств. «В решении говорилось, что оно основано на просьбе Республики Грузия и Решении об использовании Коллективных сил по поддержанию мира в зоне грузино-абхазского конфликта для скорейшего безопасного возвращения беженцев и решения проблемы статуса Абхазии при сохранении территориальной целостности Республики Грузия».² Надо отметить, что изначально абхазская сторона была склонна согласиться на размещение Миротворческих сил ООН в зоне конфликта, но только на реке Ингур. «Абхазская сторона заявляет, что она согласится на развитие сил только в том случае, если они будут размещены вдоль реки Ингур, являющейся в настоящее время линией противостояния, для обеспечения защиты от нападения грузинской стороны».³ Однако, когда международные посредники объявили условия размещения Миротворческих сил ООН, абхазская сторона отказалась от этого варианта. В условия ввода миротворцев ООН входило: 1) признание территориальной целостности Грузии и возвращение беженцев; 2) введение гражданской полиции в Галский район и размещение международных сил по поддержанию мира

¹ Ардзинба В.Г. Сборник интервью и выступлений 1992-2005 гг. Сухум, 2011. – С. 273.

² Барциц И.Н. Государственное (конституционное) право Республики Абхазия. Том 1. М., 2010. – С. 161.

³ Доклад Генерального секретаря ООН «О положении дел в Абхазии, Грузия» Совету безопасности ООН. 3 марта 1994 г. s/1994/253/ http://apsnyteka.org/1154-akaba_khintba_transformatsya_gruzino_abkhazskogo_konflikta_pereosmyslenie_paradigmy.html

по всей территории Абхазии. Так как данные условия были абсолютно неприемлемы для абхазской стороны, она предпочла вариант, предложенный Россией.

Контроль за соблюдением договоренностей о неприменении силы в подписанном Соглашении возлагался на Коллективные силы СНГ по поддержанию мира (КСПМ) и Миссию наблюдателей ООН в Грузии. Однако «конкретных механизмов воздействия (военного, политического, экономического) гарантов на сторону, нарушающую соглашения, так и не было выработано»¹. Как показало время, это явилось большим просчетом дипломатов, участвовавших в переговорах.

15 мая 1994 года Председатель Верховного Совета Абхазии, а затем 16 мая глава государства Республики Грузия официально обратились к Совету глав государств СНГ с призывом разместить Миротворческие силы СНГ по их просьбе и обоюдному согласию. В решении Совета глав государств – участников Содружества независимых государств об использовании Коллективных сил по поддержанию мира в зоне грузино-абхазского конфликта констатировалось следующее. «В связи с просьбой абхазской стороны от 15 мая и грузинской стороны от 16 мая 1994 года о скорейшем размещении в зоне конфликта Коллективных сил по поддержанию мира государств – участников СНГ и в соответствии с Соглашением о прекращении огня и разъединении сил, подписанным сторонами 14 мая 1994 года, решили следующее: Пункт 1. Разместить в зоне грузино-абхазского конфликта Коллективные силы по поддержанию мира, состоящие из воинских контингентов заинтересованных государств – участников Содружества в количестве 2,5-3 тыс. человек, а также военных наблюдателей. При этом исходить из того, что основой Коллективных сил будет уже находящийся в Республике Грузия в зоне конфликта российский воинский контингент. Пункт 2. Командующим Коллективными силами по поддержанию мира назначить представителя Вооруженных сил РФ. Пункт 5. Перед КСПМ стоят следующие задачи: а) обеспечение строгого соблюдения прекращения огня, установление мира и предотвращение возобновления военных действий в зоне конфликта путем разъединения вооруженных формирований конфликтующих сторон; б) создание условий для безопасного и достойного возвращения людей, покинувших зону конфликта, в районы их прежнего постоянного проживания и выполнения других положений Четырехстороннего соглашения о добровольном возвращении беженцев и перемещенных лиц от 4 апреля 1994 года, в том числе деятельности четырехсторонней Комиссии, создаваемой в соответствии с упомя-

¹ Журнал, №5. Некоторые аспекты человеческой безопасности. Соглашение о неприменении силы как важный фактор в урегулировании грузино-абхазского конфликта. Сухум, 2009. – С. 16.

нутым Соглашением; в) наблюдение за выполнением сторонами достигнутых между ними договоренностей, в частности от 1 декабря 1993 года, 13 января, 4 апреля и 14 мая 1994 годов. Подписан главами государств – участников СНГ. 22 августа 1994 года»¹.

21 июня 1994 года решением Федерального Собрания РФ «Об участии РФ в операции по поддержанию мира в зоне грузино-абхазского конфликта» и на основании Соглашения «О прекращении огня в зоне грузино-абхазского конфликта» от 14 мая 1994 года вводится Миротворческий контингент российских войск.² Официальный ввод МС в зону конфликта произошел 24 июня 1994 года. Фактически до введения МС, несмотря на подписанные ранее соглашения, в которых говорилось о неприменении силы друг против друга, конфликт протекал в форме открытого вооруженного противоборства.

Надо заметить, что изначально подходы сторон по вопросам гарантий безопасности и размещения Миротворческих сил противоречили друг другу. Тбилиси видел миротворческий контингент в качестве инструмента для обеспечения возвращения беженцев на всю территорию Абхазии. При этом, возвращение беженцев рассматривалось как инструмент для восстановления «территориальной целостности государства». Сухум же надеялся с помощью международных гарантий предотвратить возможное возобновление военных действий, а также не допустить массового возвращения грузинских беженцев ввиду отсутствия политического урегулирования, которое неизбежно привело бы к возобновлению насилия.

«Принятые документы за этот период... являются базовыми, они создали правовую основу для урегулирования конфликта, и практическая их реализация могла бы значительно продвинуть переговорный процесс»³. Соглашения 1993–1994 годов стабилизировали ситуацию в регионе, а самое главное – дали надежду на продолжение дальнейших конструктивных переговоров.

Но в сентябре 1994 года произошел серьезный инцидент, который мог повлечь за собой срыв всех подписанных ранее документов, а заодно непредсказуемые последствия. В ночь с 13 на 14 сентября замминистра обороны РФ генерал-полковник Георгий Кондратьев, являющийся одновременно и командующим Миротворческими силами СНГ, вопреки положению документа о четырехстороннем соглашении о поэтапном возвраще-

¹Диасамидзе Т. Региональные конфликты в Грузии – Юго-осетинская автономная область, Абхазская АССР (1989-2001). Тбилиси, 2002. – С. 318.

² Республика Абхазия, 17-21 июня 1994 г., № 44 (349).

³ Шамба С.М. Переговорный процесс: надежды и разочарования. Сухум, 2000. – С. 1. Abkhaziy.orgwww.mfaabkhazia.org/documents/stati_i_analiz/peregovornyj_process_nadezhdy_i_razocharovaniya/.

нии беженцев в Галский район Абхазии, подписанного 4 апреля 1994 года, попытался сделать процесс возвращения беженцев массовым, прибегнув к силовому давлению на абхазскую сторону.

«Приказ о начале «операции» отдал сам Кондратьев; по его же команде в ночь с 13 на 14 сентября отряд российских солдат блокировал здание галской милиции и администрации Галского района, а утром российская бронетехника выстроилась вдоль дороги, ведущей от автомобильного моста через Ингур, и образовала «коридор», по которому должны были двинуться первые 40 автобусов с беженцами. Кондратьев в ультимативной форме заявил о начале массового возвращения грузинских беженцев; абхазов предупредили, что в случае какого-либо противодействия с их стороны по ним будет открыт огонь на поражение»¹. Данная авантюра едва не привела к столкновению абхазской армии с российскими военнослужащими.

«Руководство страны и Парламент Абхазии расценили такие действия как откровенное предательство и удар в спину. Миротворцы были серьезно дискредитированы, и с этого времени у абхазов не осталось никаких иллюзий»².

«Для нормализации ситуации 15 сентября по инициативе Б. Ельцина в Сочи, а затем 16 сентября в Новом Афоне состоялась встреча В. Ардзинба, Э. Шеварднадзе и П. Грачева, длившаяся 4 часа. На встрече Ардзинба жестко требовал придерживаться подписанного соглашения об упорядоченном, поэтапном возвращении грузинских беженцев в Галский район»³. На следующий день 17 сентября переговоры были продолжены в Сухуме. В этот день грузинская сторона заверила участников переговоров в том, что возвращение беженцев должно проходить в соответствии с ранее подписанными документами и после вывода их вооруженных формирований из Кодорского ущелья.

После сентябрьских провокаций, непрекращающихся террористических актов, давления со стороны международного сообщества, а также неуступчивости на переговорах грузинской стороны руководство Абхазии 26 ноября 1994 года пошло на исторический шаг, приняв Конституцию суверенного государства. «В опубликованном в тот же день заявлении Верховный Совет объявил, что Абхазия... не порывает с процессом переговоров с Грузией, готова продолжать в целях создания союзного государства двух

¹ Жидков С. Бросок малой империи. Майкоп, 1994. – С. 372.

² Лакоба С.З. Абхазия де-факто или Грузия де-юре. (О политике России в Абхазии в постсоветский период 1991-2000 гг.) Саппоро, 2001. <http://apsnyteka.org/104-Lakoba1.html>

³ Студеникин А.Л. Внешняя политика Республики Абхазия в период построения независимого государства 1990-2000 гг. Сухум, 2002. Источник http://www.abkhaziya.org/books/polit_stud.html

равноправных субъектов и предлагает активизировать этот процесс»¹. Надо отметить тот факт, что Парламент Абхазии после окончания войны не сразу принял Конституцию независимого государства, хотя имел на это как юридическое, так и моральное право.

После принятия основного закона страны состоялась пресс-конференция Президента Республики Абхазия В.Г. Ардзинба, на которой он заявил, что «принятие новой Конституции Республики Абхазия не означает практически ничего нового в плане статуса республики. В действовавшей до этого Конституции 1925 года Абхазия в статье 5-й также признавалась суверенным государством, только там это основывалось на принципах другой правовой системы – диктатуры пролетариата...»².

«Мы ведем переговоры и полны решимости вести их дальше, чтобы прийти к компромиссному решению. Таким решением могла бы стать конфедерация, хотя в Абхазии это и не встретило бы всеобщего одобрения... Но как бы то ни было, все должны понять, что мы не поступимся своими интересами, не вернемся больше к тому состоянию, в каком были до войны»³.

После принятия Конституции смысл переговорного процесса стал заключаться в определении принципов будущих отношений между двумя равноправными субъектами, Абхазией и Грузией, но по инициативе грузинской стороны переговоры были прерваны.

Осуждение в связи с принятием Конституции Абхазии высказали европейские страны. Из резолюции Будапештской встречи СБСЕ: «Государства – участники выразили озабоченность в связи с односторонними действиями, предпринятыми 26 ноября 1994 года властями Абхазии (Республика Грузия). Эти действия подрывают как усилия ООН, так и усилия СБСЕ по содействию мирному политическому урегулированию между конфликтующими сторонами в Грузии. Они настоятельно призывают правительства соответствующих стран и соответствующие международные организации оказывать Республике Грузия политическую поддержку, а также гуманитарную и техническую помощь. г. Будапешт, 6 декабря 1994 года»⁴.

С этого момента начался откровенный шантаж Грузии в отношении России. Тбилиси стал требовать, чтобы Москва ужесточила давление на Абхазию, иначе Грузия будет вынуждена ставить вопрос о выводе российских военных баз, находящихся на ее территории, а Миротворческие

¹Архивы Генерального секретаря ООН S /1995/10/ 6 января 1995 года.<http://daccess-dds-nu.un.org/doc/UNDOC/GEN/N95/003/97/IMG/N9500397.pdf?OpenElement>

² Ардзинба В.Г. Сборник интервью и выступлений 1992-2005 гг. Сухум, 2011. – С. 159.

³ Там же. – С.161.

⁴ Диасамидзе Т. Региональные конфликты в Грузии – Юго-осетинская автономная область, Абхазская АССР (1989-2001). Тбилиси, 2002. – С. 320-321.

силы должны будут покинуть территорию дислокации. По этому поводу В. Г. Ардзинба заявил следующее: «Миротворческие силы были введены с согласия обеих сторон. Такое же согласие нужно и на их вывод, это тоже должны решать обе стороны. Мы будем решительно возражать против этого, так как считаем, что именно присутствие Миротворческих сил является главным фактором стабильности в регионе. Мы считаем, что диалог между Грузией и Абхазией должен завершиться принятием документа, где Россия выступит гарантом того, что военных действий больше не будет»¹. Оценив в итоге складывающиеся обстоятельства, РФ ввела в отношении Абхазии сухопутную и морскую блокаду, перекрыв при этом границу по реке Псоу. Было принято Постановление Правительства РФ от 19 декабря 1994 года за № 1394 «О мерах по временному ограничению пересечения государственной границы Российской Федерации с Азербайджанской Республикой и Республикой Грузия»². Данное Постановление МИД РФ обосновал возможным притоком добровольцев из Абхазии в Чечню, поскольку в тот момент шла первая русско-чеченская война.

«Начиная с 1995 г. Россия установила морскую и сухопутную блокаду Абхазии, закрыла свою границу, отказалась признавать абхазские паспорта и отказала абхазским гражданам в выезде за границу. С апреля 1997 г. Россия отключила все телефонные линии, соединяющие Абхазию с внешним миром, установив таким образом информационную блокаду маленькой республике. Все это вызвало серьезные сомнения в способности России выступать в качестве посредника, поскольку такая позиция требует нейтрального и равного подхода к обеим сторонам в конфликте»³.

По сути, руководство РФ перестало быть посредником в конфликте, оказывая беспрецедентное военное, дипломатическое, финансово-экономическое, информационное, морально-психологическое давление на руководство и гражданское население Абхазии. Российская дипломатия стала открыто лоббировать интересы Грузии, полагая, что в знак благодарности она не будет стремиться в НАТО и останется в СНГ. Но, как показало время, Москва сильно ошиблась в своей стратегии, применяя санкции в отношении Сухума. Введенная блокада противоречила выше подписанным документам по восстановлению экономической и социальной инфраструктуры Абхазии, ведь данные обязательства были даны не только грузинской стороной, но и РФ, ООН и ОБСЕ. Спустя два года, 19 января 1996 года, блокада была поддержана странами содружества СНГ.

¹ Ардзинба В.Г. Сборник интервью и выступлений 1992-2005 гг. Сухум, 2011. – С. 161.

² Собрание законодательства РФ. 1994 г., № 35. – С. 3704.

³ Чирикба В. А. Грузино-абхазский конфликт: в поисках путей выхода. http://apsnyteka.org/727-chirikba_v_izbrannye_statji_i_interviu_politologia.html#4

С начала 1995 года стороны перешли к активному обсуждению различных моделей государственно-правовых взаимоотношений, где стали поступать новые предложения, которые в корне противоречили ранее подписанным соглашениям. В ходе переговоров в течение всего 1995 года можно проследить изменение дефиниций предполагаемого грузино-абхазского государственного образования – от «союзного» (абхазский вариант), конфедеративного объединения Грузии и Абхазии в качестве независимых государств с равной правосубъектностью, в том числе и международной, к «сложносоставному федеративному» (грузинский вариант). Представители Грузии предлагали решать форму будущих взаимоотношений Сухума и Тбилиси на основе федеративного устройства единого государства. «Российские представители исходили на переговорах из необходимости сохранения принципа территориальной целостности Грузии, опираясь при этом на большой и разносторонний опыт России в области федеративных отношений, побуждая стороны искать решение именно в этом направлении»¹.

В этот же период грузинской стороной стал использоваться термин не «грузино-абхазский конфликт», а «конфликт в Абхазии, Грузия». Эта формулировка стала придавать конфликту не межгосударственный характер, а внутри-государственный, тем самым действия абхазской стороны представлялись направленными на нарушение территориальной целостности Грузии, а международные посредники стали вновь, несмотря на подписанное соглашение от 4 апреля 1994 года, открыто заявлять о приверженности принципу территориальной целостности Грузии. Для Сухума это значило, что исход переговоров заранее предрешен в пользу Тбилиси в неприемлемом для Абхазии варианте. Все предложения сводились к тому, что Грузия станет федеративным государством. С февраля 1995 года Шеварднадзе исключил из обращения на переговорах дефиницию «союзное государство», поскольку надеялся на давление Москвы в отношении Сухума. Грузинская сторона открыто стала заявлять, что Абхазия должна являться субъектом сложносоставного (федеративного) государства Республики Грузия, что противоречило ранее подписанным соглашениям.

Абхазская сторона вновь настаивала на том, что необходимо исходить из подписанных ранее документов, заявляя, что выступает за равносубъектные отношения, в рамках которого и могут возникать отношения территориальной целостности. То есть стороны заключают равноправный договор в рамках одного государства, но на паритетных началах.

Абхазское руководство пыталось найти форму будущих взаимоотношений с Грузией. Главная сложность состояла в том, что Грузия, а также МИД

¹ Дипломатический вестник. 1995, №6. – С. 46-47.

РФ, являющийся посредником на переговорах, стали уходить от подписанных ранее документов о политическом урегулировании, пытаясь навязать абхазской стороне неприемлемые решения. Как заявлял в тот период В. Ардзинба: «В Москве им пообещали – не беспокойтесь, мы так задавим этих абхазов, что они поднимут руки и сами к вам прибегут! ООН тоже не торопится, потому что им г-н Пастухов обещал: вы подождите, мы их так придушим, что они на все условия согласятся и любые договоры подпишут»¹.

26 мая 1995 года прошла встреча глав государств СНГ, где было принято решение изменить мандат Миротворческих сил. В одном из пунктов было заявлено о том, что МС должны обеспечить безопасность ИнгурГЭС, что является прямым вмешательством во внутренние дела суверенной Абхазии.

«В этой связи 13 июля 1995 года В. Г. Ардзинба направил письмо Б. Н. Ельцину, где говорилось, что уже более года Вооруженные силы РФ под эгидой СНГ осуществляют миротворческую функцию. Основанием для ввода МС явились договоренности, достигнутые сторонами в ходе переговоров. Цели и задачи миротворческой акции были сформулированы в Коммюнике о втором раунде переговоров от 13 января 1994 года и в «Заявлении о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта» от 4 апреля 1994 года. Вместе с тем, как нам стало известно, на встрече глав государств СНГ 26 мая 1995 года было принято решение об изменении Мандата Коллективных миротворческих сил. Таким образом, без нашего участия в Мандат МС внесены существенные изменения, что является нарушением Соглашения от 14 мая 1994 года»².

25 июля того же года на рассмотрение сторонам был предложен российский вариант – Протокол о грузино-абхазском урегулировании. В МИДе РФ было заявлено, что данный протокол должен стать основой для дальнейшего продвижения переговорного процесса. Если сопоставить данный документ с ранее подписанными, то этот документ по многим позициям ужесточал подход по отношению к правам Абхазии о будущем совместном с Грузией государстве. На Абхазию в очередной раз стало оказываться давление. Из заявления представителей Президента РФ и Генерального секретаря ООН на грузино-абхазских переговорах сказано: «Считаем необходимым подчеркнуть, что выработанный в ходе предыдущего этапа переговоров проект Протокола о грузино-абхазском урегулировании представляет собой основу для установления мира в регионе, определяет рамки будущего устройства единого государства в границах бывшей Грузинской ССР»³.

¹ Ардзинба В.Г. Сборник интервью и выступлений 1992-2005 гг. Сухум, 2011. – С. 198.

² Там же. – С. 184.

³ Студеникин А.Л. Внешняя политика Республики Абхазия в период построения независимого государства 1990-2000 гг. Сухум, 2002. Источник http://www.abkhaziya.org/books/polit_stud.html

В свою очередь Парламент Абхазии 22 августа 1995 года заявил, что отказывается вести переговоры на основании Протокола от 25 июля, поскольку данный Протокол фактически подверг ревизии «Заявление о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта» от 4 апреля 1994 года, где было отмечено, что стороны будут строить свои взаимоотношения на принципах равносубъектности. В этой связи Б. Пастухов сделал заявление, в котором обвинил абхазскую сторону в срыве переговоров. «Считаем, что позиция, занятая абхазской стороной, является не только контрпродуктивной, но и опасной, ибо может привести к новому обострению ситуации в зоне конфликта, в кавказском регионе в целом»¹. После чего переговорный процесс был прерван до назначения главой МИДа РФ Е. Примакова.

После провала проекта Протокола, предложенного Россией от 25 июля 1995 года, в начале августа в Тбилиси с новым предложением вылетел представитель Генерального секретаря ООН Э. Бруннер. Он предложил Э. Шеварднадзе проект документа, который предусматривал конфедеративные отношения между Абхазией и Грузией, заявив следующее: «Все же необходимо считаться с фактом поражения в войне»². Но Президент Грузии категорически отказался рассматривать данный вариант, надеясь на культурную поддержку со стороны РФ.

«Абхазская сторона была непреклонна в своем отказе от любого решения «в рамках государства Грузия», грузины же были слишком уверены в себе, чтобы принять любой «суверенитет» Абхазии в рамках их государства, полагая, что время будет работать на них, в результате чего они добьются решения на более выгодных для них условиях»³.

Надо отметить, что перед самым приходом Е. М. Примакова во внешнеполитическое ведомство России в конце 1995 года Президент РФ Б. Н. Ельцин заявил о том, что статус Абхазии должен определить Парламент Грузии. Это заявление еще больше накалило обстановку как на переговорах, так и в регионе в целом. Высказывание Президента России в очередной раз подорвало доверие к российской стороне. Москва пыталась в этот период всеми силами продавить Сухум с целью оставить Тбилиси в сфере своих политических интересов.

Назначение Примакова министром иностранных дел РФ послужило новым импульсом в переговорном процессе. При его непосредственном участии стали обсуждаться новые варианты устройства будущего грузи-

¹Студеникин А.Л. Внешняя политика Республики Абхазия в период построения независимого государства 1990-2000 гг. Сухум, 2002. Источник http://www.abkhaziya.org/books/polit_stud.html

² Республика Абхазия, 16-18 августа 1995 г., № 64 (467).

³ Дитер Боден. О трудностях мирного процесса на Южном Кавказе. <http://www.caucasustimes.com/article.asp>

но-абхазского государства. Абхазские дипломаты настаивали на том, чтобы все участники переговорного процесса не отходили от формата предыдущих договоренностей.

В начале 1996 года Шеварднадзе обратился к главам государств СНГ с целью усиления давления на Абхазию.

Министр иностранных дел Абхазии Л. Лакербая заявил о том, что нам «известно содержание обращений главы Грузии к руководителям государств СНГ о поддержке плана Шеварднадзе – Козырева, включающего комплекс мер по экономическому удушению нашей республики, в том числе придание Миротворческим силам полицейских функций»¹.

«19 января 1996 года Совет глав государств – участников СНГ принимает решение о мерах по урегулированию конфликта в Абхазии, Грузия, ссылаясь на положение Меморандума о поддержании мира и стабильности в СНГ от 10 февраля 1995 года (Алматы) и Заявления Совета глав государств от 26 мая 1995 года (Минск), подтверждая свои обязательства, вытекающие из указанных документов, не поддерживать сепаратистские режимы, не устанавливать с ними политических, экономических и других связей, не оказывать им экономической, финансовой, военной и другой помощи, отмечая в этой связи необходимость принятия комплекса мер воздействия на абхазскую сторону, действуя в соответствии с Уставом ООН, решая: 1. Осудить деструктивную позицию абхазской стороны, препятствующую достижению взаимоприемлемых договоренностей по политическому разрешению конфликта, безопасному и достойному возвращению беженцев и перемещенных лиц в места их постоянного проживания. 2. Подтверждая, что Абхазия является неотъемлемой частью Грузии, государства – участники Содружества без согласия Правительства Грузии: а) не будут осуществлять торгово-экономические, финансовые, транспортные, иные операции с властями абхазской стороны, б) не будут вступать в официальные контакты с представителями или должностными лицами структур, существующих на территории Абхазии, а также членами созданных ими вооруженных формирований. 3. Государства – участники СНГ не будут допускать функционирования на своих территориях представительств властей абхазской стороны, а также лиц, официально представляющих эти власти. 4. Государства – участники СНГ обращаются к Совбезу ООН с призывом поддержать принятые государствами – участниками Содружества меры воздействия на власти абхазской стороны и рекомендовать всем государствам – членам Организации присоединиться к этим мерам. Москва, 19 января 1996 года. Подписан главами государств – участников СНГ. Решение не под-

¹ Ардзинба В.Г. Сборник интервью и выступлений 1992–2005 гг. Сухум, 2011. – С. 230.

писано Республикой Беларусь, Туркменистаном»¹. Фактически блокада была продолжением давления РФ на Абхазию, поскольку в тот год Россия председательствовала в Совете глав государств СНГ.

«После Совета глав государств СНГ Президент Абхазии сделал Обращение к главам СНГ, где заявил, что уже на протяжении 2 лет ведутся переговоры об урегулировании грузино-абхазского конфликта и за это время был подписан ряд фундаментальных договоров. В частности, «Меморандум о понимании» от 1 декабря 1993 года, «Коммюнике о втором раунде переговоров между грузинской и абхазской сторонами» от 13 января 1994 года, «Заявление о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта» и «Четырехстороннее соглашение о возвращении беженцев и перемещенных лиц» от 4 апреля 1994 года, «Соглашение о прекращении огня и разъединении сил» от 14 мая 1994 года. По смыслу данных документов стороны взяли на себя обязательство мирным, политическим путем, без применения силы и угроз ее применения урегулировать государственно-правовые отношения между Абхазией и Грузией. В ходе дальнейших переговоров, пытаясь отойти от этих принципов, грузинская сторона постоянно предлагает проекты государственного устройства, в котором Абхазии отводится роль автономии в составе грузинского государства, на что последняя не может согласиться. Мы настаиваем, чтобы четко был отражен принцип равноправия договаривающихся субъектов. В последние дни грузинской стороной активно нагнетается обстановка в наших взаимоотношениях, ставится вопрос о придании полицейских функций Миротворческим силам и применении в отношении Абхазии мер политического и экономического давления. Согласно сообщениям средств массовой информации, на совещании глав государств СНГ 19 января 1996 года предлагается рассмотреть вопрос об урегулировании грузино-абхазского конфликта, где Грузия будет настаивать на принятии против Абхазии всех перечисленных выше мер. Я хотел бы выразить надежду, что решения глав государств СНГ будут способствовать справедливому урегулированию грузино-абхазского конфликта и недопущению возобновления войны»².

В начале февраля 1996 года Ардзинба провел ряд встреч в высших политических кругах в Москве. В процессе переговоров он выступил с инициативой создания федеративного союза равноправных государств, что находится на стыке с теми предложениями, с которыми выступает Грузия. Это союз государств с общей внешней границей, но с сохранением каждой из сторон своей Конституции и с тем объемом полномочий, который, по

¹ Диасамидзе Т. Региональные конфликты в Грузии – Юго-осетинская автономная область, Абхазская АССР (1989–2001). Тбилиси, 2002. – С. 332–333.

² Республика Абхазия. 26 января 1996 г., № 9 (527).

сути, носит конфедеративный характер. Это тот минимум, дальше которого абхазская сторона идти не могла. Это что-то среднее между федерацией и конфедерацией. «Как пояснил полпред Президента на переговорах А. Джергения, Абхазия готова жить вместе с Грузией в условиях «Федеративного союза», притом, что каждая из двух равноправных сторон сохраняет свою Конституцию, а отношения между ними будут регулироваться особым договором, которому по соглашению сторон может быть придана сила конституционного закона. И второе – гарантом возможных государственно-правовых отношений будет в первую очередь Россия и потом уже международные организации. После трехдневных консультаций в российском МИДе с грузинской стороной абхазский вариант был фактически принят по всем пунктам. Грузинская сторона просила изменить название «Федеративный союз» на «Федеративное государство», мы заявили, что готовы пойти на этот шаг, только чтобы все остальные пункты были выполнены. Через день грузинская сторона стала вносить еще коррективы в документ, который уже коренным образом менял суть предложения. Тогда переговоры были приостановлены»¹.

К сожалению, в июле на переговорах грузинская сторона и российские посредники попытались вообще свести на нет идею равноправных отношений между Грузией и Абхазией. 1996 год не дал никаких существенных результатов в переговорном процессе.

«28 марта 1997 года состоялось очередное заседание Совета глав государств – участников Содружества независимых государств, где грузинской стороной был предложен проект «О развитии операции по поддержанию мира в зоне конфликта в Абхазии, Грузия». В данном проекте Грузия попыталась расширить зону безопасности, предусмотренной Соглашением о прекращении огня и разъединении сил от 14 мая 1994 года. Решение было одобрено главами государств-участников СНГ, за исключением Республики Беларусь, Молдовы, Туркменистана, Украины»². По заявлению специального представителя Президента Абхазии на переговорах А. Джергения, проведение такого рода операции может происходить только с согласия вовлеченных в конфликт сторон, которые и определяют мандат МС и их дислокацию, а также в соответствии с нормами международного права.

Надо отметить, что «командующий МС в регионе генерал Якушев выступил против решения глав государств СНГ о придании КСПМ полицейских функций».³ Шеварднадзе настаивал, чтобы 345-й российский полк МС, находящийся в Абхазии, стал действовать силовыми методами по

¹ Республика Абхазия. 21-22 августа 1996 г., № 90 (608).

² Диасамидзе Т. Региональные конфликты в Грузии – Юго-осетинская автономная область, Абхазская АССР (1989–2001). Тбилиси, 2002. – С 351.

³ Республика Абхазия. 20-22 января 1996 г., № 7 (525).

типу натовской операции в Боснии, решая задачи, отвечающие интересам Грузии.

После принятия решения Советом глав государств – участников СНГ от 28 марта 1997 года последовала реакция Парламента Абхазии, в постановлении которого говорилось, что решение о расширении зоны безопасности противоречит Соглашению о прекращении огня и разъединении сил от 14 мая 1994 года, на основании которого в зону грузино-абхазского конфликта были введены Миротворческие силы, оно неминуемо дестабилизирует обстановку в регионе. Изменения в мандат Миротворческих сил могут вноситься только по взаимному согласию сторон. Народное Собрание – Парламент РА считает, что игнорирование мнения Абхазии, как стороны в конфликте, может привести лишь к усилению противостояния и срыву процесса политического урегулирования грузино-абхазского вооруженного конфликта. Народное Собрание – Парламент РА постановляет: «Решение Совета глав государств – участников СНГ от 28 марта 1997 года о расширении зоны безопасности соответствующей передислокацией Миротворческих сил, принятое в нарушение Соглашения о прекращении огня и разъединении сил от 14 мая 1994 года, без учета мнения Абхазии – одной из сторон грузино-абхазского конфликта, является неприемлемым для абхазской стороны. Сухум, 1 апреля 1997 года»¹.

«В свою очередь Парламент Грузии принял Постановление «О дальнейшем пребывании в зоне конфликта в Абхазии находящихся под эгидой СНГ Вооруженных Сил РФ», где отмечалось, что, несмотря на усилия властей Грузии, не наблюдается какой-либо прогресс как в вопросах возвращения беженцев, так и в восстановлении юрисдикции Грузии в Абхазии. Несмотря на решение глав государств – членов СНГ от 28 марта 1997 года, в зоне конфликта не удалось реально задействовать Миротворческие силы РФ, находящиеся под эгидой СНГ. Миротворческие силы фактически выполняют функцию пограничных войск, что, по существу, поддерживает и усиливает сепаратистский режим Абхазии, который в надежде на эту поддержку уклоняется от мирных переговоров и не соглашается на поэтапное возвращение беженцев. Обращение Совета Федерации Государственной думы РФ к Президенту РФ о снятии экономических санкций с сепаратистского режима Абхазии явно свидетельствует о том, что российские политические силы не желают урегулирования конфликта в Абхазии путем осуществления политического воздействия РФ. Учитывая и то, что экономические и политические санкции в отношении сепаратистского режима – последняя, мирная форма получить согласие сепаратистов на проведение мирных переговоров, такая позиция ставит под со-

¹ Республика Абхазия. 16-18 апреля 1997 г., № 28.

мнение перспективы всего мирного процесса. Согласно постановлениям Парламента Грузии от 17 апреля и 2 октября 1996 года, принятой 3 апреля 1997 года Концепции, если со стороны РФ не будут предприняты серьезные шаги по урегулированию конфликта в Абхазии, Грузия будет вынуждена пересмотреть вопрос продления мандата Миротворческих сил. Исходя из вышеуказанного, для защиты суверенитета и восстановления территориальной целостности Грузии Парламент Грузии постановляет: 1. В случае если до 31 июля текущего года не будет достигнут существенный прогресс в вопросе мирного урегулирования конфликта: считать нецелесообразным использование в миротворческих операциях, находящихся в зоне конфликта в Абхазии под эгидой СНГ Вооруженных Сил Российской Федерации. Просить Президента Грузии: а) обеспечить разработку и реализацию механизмов для вывода с 1 августа 1997 года находящихся на территории Грузии под эгидой СНГ Вооруженных Сил РФ; б) разработать мероприятия по сохранению после вывода находящихся под эгидой СНГ Миротворческих сил РФ режима прекращения огня как своими силами, так и средствами приглашенных миротворческих сил; в) обеспечить начало переговоров с РФ о выводе войск из зоны конфликта, активизировать работу и обеспечить участие международных организаций в решении указанного вопроса. 2. Принять к сведению, что Президент Грузии поставил вопрос о передаче Грузии принадлежащей ей доли Черноморского военно-морского флота и учредить контроль за решением этого вопроса. 3. До завершения переговоров запретить вывоз с территории Грузии военной техники, оснащения и материальных ценностей РФ. 4. Незамедлительно начать с РФ и странами – участницами Ташкентского договора от 15 мая 1992 года переговоры о передаче Грузии предусмотренного квотой военного вооружения. 30 мая 1997 года, Председатель Парламента Грузии З. Жвания»¹.

С этого момента Грузия стала уже открыто заигрывать с Америкой и со странами НАТО, тем самым уходя из-под российского влияния. Руководство Грузии считало, что МС должны в первую очередь способствовать восстановлению территориальной целостности Грузии, а в противном случае они должны уйти из зоны конфликта. После заявления Парламента Грузии Президент КНК Юсуп Сосламбеков отметил, что в случае вывода МС из зоны конфликта КНК готова перебросить туда свои силы.

23 июля 1997 года в Женеве на встрече сторон Грузия попыталась изменить формат переговоров, включив в него группу стран «Друзей Грузии», в которую входили Франция, Англия, США, РФ и Германия. «Друзья» попытались выступить на переговорах в роли посредника, что фактически означало расширение существующего формата переговоров. По существу, это вело

¹Диасамидзе Т. Региональные конфликты в Грузии – Юго-осетинская автономная область, Абхазская АССР (1989–2001). Тбилиси, 2002. – С. 352.

к укреплению грузинской позиции. Однако абхазским дипломатам удалось добиться изменения названия организации с «Группы Друзей Генсека ООН по Грузии» на «Группу Друзей Генсека ООН» и привлечь ее к Женевскому процессу в качестве наблюдателей, без права участия принятия решений, что явилось еще одной маленькой победой абхазской дипломатии.

13 июня 1997 года стороны вновь приступили к переговорам по выработке «Протокола о грузино-абхазском урегулировании» при посредничестве РФ. В итоге кропотливых переговоров Протокол был все же согласован. Перед абхазской стороной встал вопрос о том, на какой компромиссный вариант можно пойти. Руководство Абхазии вновь однозначно заявило, что готово принять федеративный договор равных субъектов в общем государстве, но не более. То есть не конфедерация и не федерация в чистом виде. Подписать данный Протокол намеревались 18 июня, но в последний момент произошел срыв подписания по вине грузинской стороны. Весь четырехлетний переговорный процесс стал на грани срыва. В. Г. Ардзинба обратился к Генсеку ООН К. Аннани, заявив о том, что Грузия в очередной раз срывает подписание документа, согласованного с ООН и РФ. Он выражал недовольство тем, что Тбилиси отходит от принципов урегулирования грузино-абхазского конфликта. В частности, отмечалось, что в документах ООН стали меняться терминология и оценки грузино-абхазских отношений. В последних документах ООН говорится уже о политическом статусе Абхазии в составе государства Грузия. Абхазский руководитель подчеркнул, что любая попытка навязать обсуждение вопроса о возможности вхождения Абхазии в состав Грузии будет расцениваться руководством Абхазии как вмешательство во внутренние дела. «Мы готовы обсуждать только один вопрос – вопрос о возможных взаимоотношениях двух равноправных суверенных государств – Абхазии и Грузии. Причем не с позиции диктата, а в правовом русле»¹.

После срыва подписания договора по инициативе Президента РФ Б. Ельцина была организована встреча между В. Ардзинба и Э. Шеварднадзе, которая прошла в Тбилиси 14 августа в присутствии Е. Примакова. После переговоров Е. Примаков сказал следующее: «С большим трудом нам удалось убедить Ардзинбу принять формулу, согласно которой стороны согласны жить в общем государстве в границах Грузинской ССР (фактическое признание территориальной целостности Грузии). Вместе с тем абхамам отводилось все, что не укладывалось в схему равносубъектности двух сторон, составляющих это государство»².

¹ Грунин В.Ф. Абхазия: цена независимости. http://psou.narod.ru/history/smi_ejurnal.html

² Студеникин А.Л. Внешняя политика Республики Абхазия в период построения независимого государства 1990–2000 гг. Сухум, 2002. Источник http://www.abkhaziya.org/books/polit_stud.html

С 1998 года Грузия стала активно заигрывать с НАТО, пытаясь заменить российский Миротворческий контингент на международные силы. В ходе состоявшихся переговоров в начале 1998 года министров обороны США и Грузии в Вашингтоне было подписано сотрудничество между двумя государствами. Соглашение предполагало активное участие Грузии в программе НАТО «Партнерство во имя мира», в соответствии с которым США выделит Грузии на военные цели 1,3 млн. долларов. «Весной 1998 года Госдепартамент США объявил о том, что страны СНГ, за исключением России, включаются в зону военной ответственности США: с 1 октября 1998 года – Украина, Беларусь, Молдова и Закавказье»¹. Таким образом, Госдепартамент США недвусмысленно дал понять странам Закавказья, что они открыто будут играть в этом регионе.

Почувствовав в очередной раз поддержку из-за океана, Грузия в ночь на 18 мая 1998 года начала активные боевые действия в Галском районе с целью оторвать этот район от Абхазии, но 24 мая эта операция завершилась разгромом грузинских вооруженных формирований. «25 мая в Гагре был подписан Протокол «О прекращении огня, разведении вооруженных формирований и гарантиях по недопущению силовых действий»². Это была самая серьезная провокация за все послевоенное время, была угроза всей республике. Россия признала, что это диверсионно-террористические формирования. В военных действиях принимали участие и спецподразделения МВД Грузии, что подтвердил и сам министр внутренних дел Грузии. Впервые в резолюции ООН говорилось об осуждении грузинской стороны за террористическую деятельность. Майские события существенно ухудшили климат переговоров и ощутимо подорвали доверие абхазов к намерениям грузинской стороны решать вопросы мирным путем. Для абхазской стороны было очевидно, что подписанные ранее при международном посредничестве документы не являются гарантией того, что Грузия в той или иной форме не прибегнет к использованию силы. После этого события в абхазском обществе вызывало недовольство обсуждение любых планов урегулирования, ведущих к отказу от независимости, поскольку признание независимости Абхазии воспринималось в обществе как единственная эффективная гарантия безопасности страны.

На протяжении 1998-1999 годов со стороны Министерства иностранных дел Абхазии велась активная работа по снятию экономических санкций с Абхазии в Совете Федерации и Государственной Думе РФ. По мере того, как Москва убеждалась в том, что Грузия окончательно сделала свой выбор не в пользу России, и все меньше шансов вернуть ее в сферу своего

¹ Российско-грузинские отношения 1991–2000 гг. Грузино-абхазский конфликт как арена политической борьбы. http://text.tr200.biz/referat_mejdunarodnye_otnosheniya/

² Республика Абхазия. 27-28 мая 1998 г. № 58 (832).

влияния, а абхазская политическая элита вполне определенно проявляет пророссийские симпатии, политика Кремля относительно Абхазии стала постепенно смягчаться.

Надо напомнить тот факт, что «в 1994-1999 годах Москва в полном объеме осуществляла блокаду Абхазии. Более того, в 1996 году Россия вместе с Грузией подвигла Совет глав государств СНГ на принятие санкций по отношению к сепаратистским образованиям, и вплоть до 1998 года жестко давила на Сухуми, «принуждая» Абхазию к принятию плана общего государства с Грузией. По мере того, как у РФ и тогда еще непризнанной республики обнаруживались общие позиции, Москва и Сухуми сближались»¹.

В начале сентября 1999 года правительство РФ приняло решение открыть границу по реке Псоу. «9 сентября под № 1029 правительство РФ за подписью В. Путина приняло Постановление «признать утратившим силу Постановление КМ РФ от декабря 1994 года о введении ограничений на р. Псоу».² Этот шаг со стороны руководства РФ показал, что Москва стала менять свое отношение к Абхазии и к конфликту в целом, поскольку она окончательно убедилась в том, что Грузия все больше стала уходить от российского влияния, при этом все больше втягивая в регион страны НАТО и США. Руководство Абхазии в свою очередь расценило данный шаг как кардинальный поворот во всем переговорном процессе.

С этого момента процесс шестилетнего давления на Абхазию со стороны МИД РФ стал постепенно ослабевать. Следует отметить, что руководство Абхазии не сразу после окончания войны стало объявлять о своей государственной независимости, до последнего стремясь найти с Грузией компромиссные решения выхода из сложившейся ситуации, порою идя на варианты, которые в чем-то ущемляли собственные интересы. Но, как показало время, давление со стороны РФ, СНГ, западных стран и международных организаций не дали желаемого результата. Снятие блокады со стороны РФ окончательно убедило руководство Абхазии провести референдум о политическом статусе страны. «3 октября 1999 г. в Республике Абхазия был проведен референдум об отношении граждан к действующей Конституции. В голосовании приняло участие 87,6 % граждан, внесенных в избирательные списки, что составило более половины от довоенной численности избирателей. 97,7% проголосовавших одобрили действующую Конституцию Республики Абхазия»³. На основании проведенного референдума 12 октября 1999 года депутаты Народного Собрания – Парламента Республики Абхазия приняли Акт о государственной независимости

¹Маркедонов С. Уроки пятидневной войны. Новая политика. <http://otechestvoua.org/main/20109/0107.htm>

²Ардзинба В.Г. Сборник интервью и выступлений 1992-2005 гг. Сухум, 2011. – С. 444.

³Зантария В.К. Слово о Первом Президенте. Сухум, 2014. – С. 31-32.

Республики Абхазия, который подписал Президент Республики Абхазия В. Ардзинба. Народ Абхазии подтвердил свою решимость продолжить строительство суверенного, демократического, правового государства – субъекта международного права и добиваться его признания международным сообществом. С принятием Акта о государственной независимости Абхазии была поставлена окончательная точка в переговорном процессе о политическом статусе Абхазии. Данный шаг был продиктован стремлением обеспечить безопасность своих граждан и государства в целом. После Акта о государственной независимости говорить о формах взаимоотношений уже не имеет никакого смысла. С этого момента переговоры с грузинской стороной могут вестись только на предмет международных гарантий невозобновления военных действий и заключения соглашения о мире.

Д. Т. Ачугба

О ГРУЗИНО-АБХАЗСКОМ КОНФЛИКТЕ И ГЕОПОЛИТИКЕ¹

Не вдаваясь в дискуссию о долговременности/не долговременности геополитического порядка, сложившегося после распада СССР, очевидности/неочевидности дестабилизации мировой системы и её регионализации, анализируя некоторые итоги 2013 года, в части современного состояния грузино-абхазского конфликта и возможного его влияния на геополитические процессы как регионального, так и глобального масштабов, связанные с обеспечением мирного и устойчивого развития Абхазии, России и других миролюбивых государств, считаем важным отметить следующее.

Конфликт – от лат. *conflictus* столкновение – столкновение противоположных интересов, взглядов. Грузино-абхазский конфликт является межгосударственным, этнополитическим, так как имеет статусную природу и ведётся в связи с неприятием Грузией независимости Абхазского государства. Данный конфликт глубоко укоренившийся, ибо обусловлен глубинными причинами и историческими корнями, затрагивающими вопросы идентичности стороны конфликта – абхазов. Источник конфликта, грузинская сторона, претендует на исконно абхазскую территорию и свою автохтонность, вопреки исторической действительности и здравому смыслу.

Подобный конфликт не поддается разрешению таким образом, чтобы в выигрыше оказались все стороны конфликта. Поэтому он относится к категории трудноразрешимых. Рассчитывать на то, что даже изменение позиции Грузии в отношении Абхазии, приведёт к урегулированию конфликта, не приходится, т.к. в Тбилиси, не одно столетие, раз за разом меняются лишь декорации и исполнители, остается прежней суть – инкорпорация Абхазии и ассимиляция абхазов с привлечением наиболее сильных на тот момент государств. Смена системы власти в Грузии и выбор новых руководителей на должности Премьер-министра (Иванишвили), Президента (Маргвелашвили) и нового Премьер министра (Гарибашви-

¹ Данное сообщение было зачитано на Международной научно-практической конференции «Россия и Кавказ в пространстве единой державы», которая состоялась в Краснодаре 22 – 23 ноября 2013 г.

ли) не влияет на цели Грузии в отношении Абхазии. Все они выступают за включение Абхазии в грузинское пространство, пока т. н. мирными средствами. Показательно интервью одного из бывших (в 2012 г.) министров обороны Грузии, который открыто говорил о том, что Грузия всегда готовилась и будет готовиться к войне против Абхазии («Грузия – история одного разочарования»¹).

Геополитика (географическая политика; греч. *γη* – земля + *πολιτική* – государственные или общественные дела) – наука о контроле над территорией. Различают традиционную геополитику, новую геополитику (геоэкономику) и новейшую геополитику (геофилософию)². Традиционная геополитика делает акцент на военно-политическую мощь государства и доминирующую роль географических факторов в захвате чужих территорий, являясь (по Хаусхоферу) «географическим разумом» государства³. Геоэкономика, в отличие от традиционной геополитики, делает акцент на экономической мощи государства. Новейшая геополитика, в которой доминирует сила духа над военной и экономической мощью, способствует преодолению традиционного географического и экономического детерминизма за счёт расширения базисных факторов, определяющих поведение государств в международных отношениях².

Основной объект изучения геополитики – геополитическая структура мира, представленная множеством территориальных моделей. Исследование механизмов и форм контроля над территорией – одна из основных задач геополитики. Историческим ядром геополитики выступает география, ставящая во главу угла исследование прямых и обратных связей между свойствами территории и балансом (соперничеством или сотрудничеством) мировых силовых полей. Методологическим ядром геополитики при этом является «моделирование» на общепланетарном уровне, хотя в составе этой научной дисциплины существуют и региональные и локальные разделы, например, исследование границ, проблем спорных территорий, межгосударственных конфликтов и т. п. Тем не менее, региональные и локальные проблемы могут успешно исследоваться только в контексте указанного методологического ядра, то есть, следуя от общего к частному.

Не вдаваясь в вопросы отграничения понятий вызовы, проблемы, угрозы, в силу их взаимосвязи, т.к. «глобальные проблемы соотносятся с глобальными вызовами как причина и следствие»³ и рассматривая вопросы урегулирования грузино-абхазского конфликта в контексте глобальных вызовов современности – рост амбиций и влияния транснациональных

¹ Телеканал НТВ (Москва), 17 ноября 2013 г.

² Там же.

³ <http://ru.wikipedia.org/wiki/Геополитика>.

корпораций, нивелирующих значение и роль суверенных государств и институтов власти, терроризм, контрабанда и др., выделим некоторые из них, оказывающие, на наш взгляд, наибольшее влияние:

1. В силу ограниченности ресурсов Земли, геополитические интересы индустриально развитых стран Запада состоят в сбережении собственных минеральных ресурсов и стремлении больше и дешевле скупить их у других¹.

2. Геополитические разломы конца XX века, приведшие к утрате установившегося миропорядка, не преодолены до той степени, чтобы можно было говорить об установившейся новой конфигурации², гарантирующей в т. ч. решение конфликтов в рамках международно принятых норм и с учетом права народа на самоопределение. «Глобальные вызовы современной эпохи».

3. «Глобализация, пришедшая на волне демократизации, демонстрирует ограниченность наиболее привычных демократических структур, а именно структур парламентской демократии»³.

По мнению политолога В. А. Мальцева, «глобальные проблемы современности являются комплексными и всеобъемлющими. Они тесно переплетены между собой, с региональными и национально-государственными проблемами. В их основе – противоречия глобального масштаба, затрагивающие основы существования современной цивилизации. Обострение противоречий в одном звене ведет к деструктивным процессам в целом, порождает новые проблемы»⁴.

В сложнейших глобальных и региональных условиях, основателю и Первому Президенту Республики Абхазия Владиславу Григорьевичу Ардзинба удалось, несмотря на внутриабхазские проблемы, сплотить народ, начать процесс восстановления независимой государственности Абхазии, отразить военную агрессию Грузии и выиграть тяжелейшую и неравную войну. Более того, в критические послевоенные годы Абхазия сформировалась как демократическое, правовое государство. Всё это, в результате, привело к признанию Россией независимой государственности Абхазии (пятилетие которого отмечали в преддверии двадцатилетия великой победы в Отечественной войне 1992 – 1993 гг.).

Следует отметить и трансформацию в политике России с приходом к власти Владимира Путина, являющейся одним из главных государств – объектов глобальной охоты за ресурсами со стороны развитых стран Запада – членов блока НАТО во главе с США. Заняв позиции по развитию

¹ http://test.plusgarantiya.ru/doc/konk_mol/dankova.doc.

² <http://lib.vvsu.ru/books/bakalavr01/page0110.asp>.

³ <http://ecsocman.hse.ru/data/363/924/1219/013.GLUKHOVA.pdf>.

⁴ http://test.plusgarantiya.ru/doc/konk_mol/dankova.doc.

суверенной демократии с одной стороны, и защите независимой государственности стран, сопротивляющихся современным тенденциям глобализации и по этой причине подвергающихся военному вмешательству, Россия все больше пытается влиять на процессы формирования нового мирового порядка. К примеру, позиция России в отношении Абхазии, РЮО и особенно Сирии – тому подтверждение.

И в таких условиях, Грузия, несмотря на сокрушительное поражение в войне 1992 – 1993 гг., все эти двадцать лет не раз предпринимавшая попытки силового решения «абхазского вопроса», для чего и сейчас не на шутку наращивает свою военную мощь, при поддержке Запада, разработала и методично продвигает в отношении Абхазии и Республики Южная Осетия «Государственную стратегию вовлечения без признания», являющаяся развитием известного вариативного «Плана мирного покорения Абхазии»¹. По сути – это «долгосрочный новый подход к населению находящихся под юрисдикцией Грузии неотъемлемых частей Грузии – Абхазии и Цхинвальского региона/Южной Осетии...»².

В 2004 – 2005 гг. были озвучены первые пункты «Плана мирного покорения Абхазии», где речь шла о недопустимости для Грузии ведения переговоров по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта, необходимости создания видимости доверия через совместные экономические проекты под лозунгом «экономический магнетизм» и совместная борьба с криминогенной ситуацией. При этом на государственной границе по р. Ингур требовался фактический режим наибольшего благоприятствования и в Абхазию должно вернуться как можно больше т.н. «грузинских беженцев». В зависимости от ситуации предлагалось несколько вариантов по достижению заданных в плане параметров.

Позже, в 2010 году, «с целью практической реализации Государственной стратегии Грузии», был утвержден «план действий», который «включает четыре измерения – гуманитарное, человеческое, социальное и экономическое, – охватывающих широкий спектр программ и проектов, соответствующих одному или нескольким программным измерениям»³. Данный план действий «...включает целый ряд инициатив, направленных на повышение благосостояния населения, в настоящее время проживающего в Абхазии и Цхинвальском регионе/Южной Осетии, облегчение его доступа к льготам, установленным для населения Грузии, и улучшение возможностей участия в гражданской жизни Грузии. Соответственно он способствует процессу примирения разобщенных членов общества»⁴.

¹ Газ. «Резонанс», №294, 28.10. 2004 г. (на груз. яз.).

² <http://www.smr.gov.ge/docs/doc213.pdf>.

³ Там же.

⁴ Там же.

В плане действий по реализации стратегии вовлечения определены инструменты вовлеченности.

«Семь новых инструментов обеспечивают осуществление целей Плана действий. Эти инструменты способствуют интеграции населения Абхазии и Цхинвальского региона/Южной Осетии в гражданскую жизнь Грузии; коммуникацию и координацию действий между Тбилиси и властными структурами, контролирующими Абхазию и Цхинвальский регион/Южную Осетию; также формирование институциональных, финансовых и административных основ для проектов, предусмотренных Планом действий. Для достижения отдельных целей будет образована независимая структура, которая обеспечит функционирование каждого инструмента. Все эти структуры будут работать самостоятельно, и координировать их действия будет аппарат Государственного министра по вопросам реинтеграции, который одновременно с этим продолжит разработку и проведение политики вовлеченности в отношении Абхазии и Цхинвальского региона/Южной Осетии».

Вместе с тем, Грузия стремится к увеличению количества возвращающихся в Абхазию граждан Грузии, ставших в авангарде наращивания горизонтальных связей между конфликтующими государствами. Здесь особое место уделяется предоставлению гражданам Грузии права проживания на территории Абхазии и их незаконная массовая паспортизация с обязательным сохранением у них гражданства Грузии, с нескрываемой целью – распространения юрисдикции Грузии на Абхазию. О недопустимости всего этого предупреждал В. Г. Ардзинба, сделавший все необходимое для защиты национальных интересов РА. Международные договорённости относительно условий возвращения «беженцев» в Галский район нарушены Грузией и теми, кто возвращался, т.к. они должны были пройти соответствующую процедуру фильтрации через анкеты УВКБ ООН и таковых всего 300 человек. По законам Абхазии, исходя из норм международного права все остальные лица, не принявшие основных условий возвращения в Галский район, должны быть, как минимум депортированы в страну своей гражданской принадлежности, т.к. являются носителями конфликтности, фактором формирования отложенного взрыва, направленного не только против Абхазии, но и против России.

Резюмируя некоторые практические шаги Грузии, позицию абхазской стороны, следует отметить, что многие параметры «стратегии вовлечения» выполнены и это очевидно даже при поверхностном наблюдении, а политика абхазской власти, почему то совпадает с грузинским заказом, тем самым содействуя реализации этой стратегии.

Государственная граница между Абхазией и Грузией не стала препятствием для реализации «стратегии вовлечения». Десятки тысяч жителей

Абхазии, ездят в Грузию решать экономические, образовательные, медицинские и иные вопросы, часто не ведая, что подписывают документы о приобретении грузинского гражданства. Только за сентябрь минувшего года границу пересекли более 80 тыс. чел.

Из доклада Секретаря Совбеза Абхазии Станислава Лакоба¹, интервью министра МВД Отара Хеция² и результатов расследования парламентской комиссии по проверке законности выдачи паспорта гражданина Абхазии жителям восточных районов Абхазии, очевидно, что граждан Грузии, незаконно приобретших абхазский паспорт, огромное количество. Т.е. почти все, кто уже постоянно проживает в приграничных с Грузией районах. Таким образом, на Абхазию распространяется юрисдикция Грузии. Около 11 тыс. граждан Грузии получили ещё и абхазский загранпаспорт, что даёт им право беспрепятственного въезда на территорию РФ сроком на 90 дней. И это уже угроза безопасности не только Абхазии, но и Кавказа, России в целом.

Высший законодательный орган Республики Абхазия – Парламент РА, несмотря на то, что является независимой ветвью власти, не выполняет своих функций в полной мере, возложенных на него Конституцией, особенно в части обеспечения защиты основ Конституционного строя РА и контроля исполнительной ветви власти, ответственной за пресечение вышеуказанных процессов, угрожающих безопасности Абхазии. Общественными организациями Абхазии, как и представителями научных кругов, было предложено Парламенту РА принять Закон об аннулировании не только незаконных комиссий, рекомендовавших выдачу абхазского паспорта гражданам Грузии, но и всех паспортов, выданных таким образом, чего на данный момент не было сделано.

Спекулятивный капитал западных стран, скупающий всевозможные ресурсы в мировом масштабе способен в короткие сроки скупить основные фонды, составляющие экономические основы суверенитета Абхазии. По тем же причинам нельзя допускать повальной приватизации, как и предоставления иностранным гражданам права на покупку недвижимости в Абхазии.

Как известно, в Абхазии в довоенный период активно действовали всевозможные грузинские демографические фонды, скупавшие недвижимость в Абхазии для новых переселенцев из Грузии. В этой связи, актуализированная в очередной раз тема изменения законодательства Абхазии с целью предоставления иностранным гражданам возможности приобретения имущества в Абхазии еще одна прямая угроза безопасности нашей страны. Кстати, только граждан России грузинской национальности около

¹ abh-ng.ru/?p=78.

² <http://apsnypress.info/news/8821.html>.

миллиона человек. А Россия признала независимость Абхазии, чтобы спасти абхазский этнос от физического истребления и поддержать развитие государственного суверенитета, а не для того, чтобы содействовать демографической, или какой-либо иной экспансии. Так ставить вопрос, мягко говоря, некорректно. К тому же снятие запрета на покупку недвижимости не гражданами Абхазии нужно не столько России и россиянам, сколько именно развитым странам Запада. Последние и есть источники проблем, заинтересованные в ухудшении абхазо-российских отношений, прямо и опосредованно дезориентирующие общества наших стран в развитие известной западной стратегии «вовлечения без признания»

Подводя некоторые итоги 2013 г. приходится констатировать утрату достигнутых ключевых позиций. Грузино-абхазский межгосударственный конфликт может быть трансформирован во внутриабхазский. Нарастает угроза безопасности Абхазии, когда под предлогом защиты граждан Грузии, Абхазия вновь может быть подвержена военной агрессии, уже с участием войск стран НАТО. Или граждане Грузии хоть и незаконно, но формально легализованные в Абхазии, политическими методами пытаются изменить ориентиры Республики Абхазия в угоду транснациональных корпораций и стран – членов НАТО.

А реанимированный уже некоторыми абхазскими деятелями грузинский псевдоисторический тезис о том, что грузинское население Галского района – «мингрелы, коренные жители Самурзакан, в отношении которых никто не в праве ставить вопросы проживания за исключением лиц, обвиняющихся в военных преступлениях, даже если «они» одновременно являются гражданами Грузии, не выдерживает никакой критики. Но последнее не дает им право претендовать на гражданство РА, к чему они относятся с пониманием» – почва для отторжения Галского района, или его использования, как плацдарма для очередной волны грузинизации Абхазии.

Нет никаких т.н. «грузинских беженцев». Они, потомки целого ряда потоков грузинских колонистов, теперь репатрианты, вернувшиеся на свою Родину, в Республику Грузия. Более того, исходя из норм международного права, всех, кто находился на оккупированной территории Абхазии и бежал вместе с оккупационными войсками, можно и нужно приравнять к военным преступникам. Это лишает их презумпции невиновности автоматически и каких-либо прав – на законный въезд на территорию Абхазии, имущественные и иные претензии и т.д.

Одностороннее Заявление В. Г. Ардзинба о возвращении беженцев в Галский район (1999 г.), имело политическое значение и никогда не рассматривалось как возможность для возвращения и проживания граждан Грузии в Галский, или какой-либо другой район Абхазии, тем более, их паспортизации, а требовало тщательного проведения процедур филь-

трации, предусмотренную нормами УВКБ ООН, что практически не было выполнено. Следовательно, почти все жители Галского района (в старых границах) – нелегально находящиеся на территории Абхазии граждане Грузии, «которые антиконституционными методами выступают за изменение суверенного статуса Республики Абхазия» (пункт а, статьи 5 «Закона о гражданстве Республики Абхазия»)¹.

В связи с этим, на наш взгляд, необходимо:

1. Законодательно закрепить закрытие государственной границы по р. Ингур, т.к. Абхазия и Грузия находятся в состоянии войны, тем самым обеспечить безопасность приграничных районов Абхазии.

2. Законодательно закрепить запрет на въезд на территорию Абхазии граждан Грузии.

3. Народному Собранию – Парламенту Республики Абхазия рекомендовать принятие отдельного Закона об аннулировании незаконно созданных районных комиссий и всех выданных ими паспортов гражданина Абхазии и наказать виновных.

4. Выявить нелегально находящихся на территории Абхазии граждан Грузии и депортировать их на территорию Грузии.

5. Запретить деятельность иностранных НПО на территории Абхазии, кроме дружественных нам стран.

6. Выявить находящихся на территории Абхазии военных преступников, сотрудничавших с оккупантами, подчинившихся оккупационной власти, и осудив их, депортировать на территорию Грузии.

7. Народному Собранию – Парламенту Республики Абхазия рекомендовать принятие Закона «О статусе беженцев», где на основании международного права Абхазия получит, и должна будет реализовать свое право – заочно осудить военных преступников, законодательно закрепив запрет на их въезд на территорию Абхазии, вне зависимости от их нынешней гражданской принадлежности.

Только в таком случае, тема возвращения т.н. «грузинских беженцев», будет окончательно снята с повестки дня, как и возможность реализации целого ряда положений «Плана действий по стратегии вовлечения» Абхазии в Грузию, направленных на подрыв основ Конституционного строя Республики Абхазия, трансформацию межгосударственного грузино-абхазского конфликта во внутриабхазский, способного привести к дестабилизации не только в региональном, но и в глобальном масштабе.

¹ <http://Абхазия.рф/государство/гражданство/закон о гражданстве Республики Абхазия>.

Э. Д. Эшба

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ: РЕГИОН СОПЕРНИЧЕСТВА ИЛИ СОТРУДНИЧЕСТВА?¹

Черноморский регион всегда привлекал к себе внимание государств, как входящих в него, так и лежащих за его пределами, оставаясь зоной их особых интересов. Об этом свидетельствует и давняя, и не очень история. Даже в советское время, когда большая его часть контролировалась СССР, не вызывал сомнения факт, что регион находится на стыке разнонаправленных интересов геополитических субъектов (учитывая членство Турции в НАТО). В силу всего этого на протяжении веков Причерноморье не отличалось реальной стабильностью, выступая, скорее, ареной соперничества.

Кто хозяин на Босфоре – тот хозяин положения

Черноморские проливы, несомненно, играют важнейшую роль в торгово – экономическом развитии государств Черноморско-Средиземноморского региона. Вместе с тем они постоянно в орбите пристального внимания целого ряда внерегиональных государств из-за, в частности, значительных экономических и политических преимуществ, которые предоставляет контроль над Босфором. Контроль же тесно связан с режимом Черноморских проливов по причине их географического положения.

Во-первых, необходимо учитывать физические параметры и пропускную способность проливов (на Босфоре ширина самого узкого отрезка равна примерно 600 м, в Дарданеллах – около 1300 м.)², что как раз и создаёт возможность осуществлять эффективный контроль над проливами: либо не пропускать суда вообще, либо проводить их сортировку.

Второй важный фактор заключается в том, что оба берега контролируются одним государством – Турецкой Республикой, что ставит её в наиболее благоприятное в геополитическом отношении положение.

¹ Статья ранее была опубликована в журнале Современная Европа (Института Европы РАН), №2- 2014 г.

² Вышинский А.Я., Лозовский С. А. Дипломатический словарь. Государственное издательство политической литературы. – М.: 1948.

И, наконец, в-третьих, что, как представляется, является важнейшей характеристикой проливов, они соединяют закрытое Чёрное море с открытым Средиземным, будучи единственной водной артерией между бассейнами двух морей. Именно по этой причине режим мореплавания затрагивает интересы всех черноморских государств, и, в частности, Турции, которая в силу своего географического положения и исторически сложившейся традиции контролирует порядок входа судов в Чёрное море.

До начала XIX века Османская империя, обладавшая значительной военной мощью и обеспечившая себе весьма крепкие позиции в регионе, фактически диктовала условия использования проливов. Соответственно каждая из европейских держав стремилась договориться со Стамбулом об условиях прохода своих судов. К этому времени относятся и первые договоры России с Портой об использовании Черноморских проливов [см.: Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г., Русско-турецкие союзные договоры 1799 и 1805 гг., Ункяр-Искелесийский договор 1833 г.].

Тогда задача Османской империи (как и теперь современной Турции) состояла в охране своего суверенитета, что достигалось посредством закрытия проливов для иностранных военных кораблей и стремлением всецело регулировать торговое и военное мореплавание через Босфор. Таким образом, на протяжении всей истории османского владычества на Чёрном море Турция выступала и теперь продолжает выступать в роли гаранта того или иного режима прохода иностранных судов через проливы.

К примеру, во время Русско-японской войны 1904-1905 годов Османская империя закрыла проливы для русского военного флота¹, что поставило Россию в затруднительное положение, так как Черноморский флот был, таким образом, лишён возможности участвовать в боевых операциях против Японии. А в самом начале Первой мировой войны, в августе 1914 года, когда Османская империя формально ещё сохраняла нейтралитет, она пропустила в Черное море немецкие крейсера «Гебен» и «Бреслау», которые затем атаковали русский флот и черноморские порты России [Кооп Г. 2002]. Позже, в сентябре 1914 года, Стамбул полностью закрыл проливы для прохода торговых судов и тем самым лишил Россию и её союзников важнейших морских коммуникаций.

После падения Османской империи и победы кемалистской революции политика Турции относительно проливов претерпела некоторые изменения. В период Лозаннской конференции 1922-1923 годов для неё основным приоритетом было сохранение Турции как национального государства. Вследствие этого проблемы, связанные с безопасностью в Черномор-

¹ Вельможко А.В. Возможное участие Черноморского флота в Русско-японской войне 1904-1905 гг. // Морское право: история, современность, перспективы развития. Вып. 1. – Одесса. – 2002.

ском регионе, и даже вопрос проливов отошли на задний план. Вместе с тем интересы молодой Турецкой Республики диктовали необходимость обеспечения гарантий безопасности турецкого государства, по крайней мере, в зоне проливов. В результате, добившись не без помощи Советского Союза в 1936 году суверенитета над Босфором, Турция решила одну из основных своих проблем – обеспечение безопасности. При этом статус регулятора Черноморских проливов позволил ей сохранять баланс между великими державами, избегая вовлечения в военные конфликты.

На конференции в Лозанне в 1923 году было подписано соглашение о режиме Черноморских проливов, которое действовало до 1936 года, когда вступила в силу новая конвенция, принятая на международной конференции в г. Монтрё. Эта конвенция действует и по настоящее время. Она не содержит ограничений по тоннажу военных кораблей черноморских стран для прохода через проливы, но существенно ограничивает тоннаж и число военных кораблей нечерноморских государств¹, что, несомненно, соответствует интересам безопасности на Чёрном море.

Однако стоит отметить и некоторые изменения в позиции России относительно Черноморских проливов. Если в Лозанне советские дипломаты настаивали на закрытии Чёрного моря для всех военных кораблей, то в Монтрё советские представители выступали за особый статус черноморских государств, стремясь таким образом закрепить статус СССР как сильнейшей черноморской державы. Соответственно, логичным выглядело и стремление СССР усилить своё влияние в Черноморском регионе, делая попытки ограничить контроль Турции над проливами.

Современный же этап российско-турецких отношений показывает, что у Москвы и Анкары имеются определённые разночтения относительно реализации контрольных функций в Причерноморье. Сегодня Турция явно демонстрирует желание укрепить и расширить свое влияние в Черноморском регионе.

Глобальные изменения конца 90-х годов XX века привели к реформированию черноморского геополитического пространства, на карте мира появились новые независимые государства. Одновременно с распадом Советского Союза и ослаблением позиций России роль и влияние Турции в регионе стали возрастать, особенно с учётом увеличения её экономического потенциала и активной поддержки государств-членов НАТО.

Принимая во внимание сложившуюся ситуацию, Турция предприняла решительные шаги для укрепления собственных позиций в Причерноморье, воспользовавшись для этого своим суверенитетом над проливами,

¹ Конвенция о режиме Проливов 20 июля 1936 г., Монтре (Швейцария) // Законы России// URL: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_456/doc456a303x620.htm (Дата посещения: 01.05.2013).

которые являются единственным выходом в теплые моря для черноморских государств.

Так, в 1993 году правительство Турции в одностороннем порядке приняло новый Регламент режима прохода торговых судов через Черноморские проливы. Эти действия вызвали протест Москвы, так как они напрямую касались жизненных интересов России в регионе. Начались российско-турецкие переговоры, в ходе которых был разработан новый Регламент, вступивший в силу в ноябре 1998 года. Однако и он не устраняет всех препятствий для прохода российских судов через Босфор, и переговоры между Москвой и Анкарой по этим вопросам продолжаются.

По мнению России, режим Проливов определяется в том числе и их международным статусом, в соответствии с которым Турция, даже обладая суверенитетом над Черноморскими проливами, не имеет права вносить изменения в порядок судоходства без предварительного обсуждения этого вопроса с остальными участниками конвенции 1936 года. Тем не менее вариант нового Регламента о судоходстве, принятый в 1998 году, можно считать компромиссным, так как он в определённой мере способствовал смягчению проблемы транспортировки российской нефти.

Вместе с тем в последние годы наблюдается усиление взаимодействия России и Турции в плане поддержания существующего порядка. Об этом можно говорить, исходя из стремления России и Турции решать вопросы безопасности на Чёрном море совместными усилиями посредством целого спектра черноморских организаций. К примеру, в 2006 году, в ходе заседания средиземноморской программы НАТО «Активные усилия» Россия и Турция наложили вето на предложение США о распространении этой программы на Чёрное море. Причиной тому, очевидно, послужили опасения относительно возможной ревизии конвенции Монтре 1936 года в случае усиления позиций США в Черноморском регионе.

Таким образом, ситуация вокруг Черноморских проливов сыграла во многом решающую роль в российско-турецких отношениях.

В настоящее время вопрос обеспечения контроля и безопасности на Чёрном море встаёт с особой остротой. Количество транзитных торговых судов, проходящих через Черноморские проливы, год от года растёт. С развитием мирового хозяйства и торговли увеличивается и поток судов нечерноморских государств. Таким образом, транспортная нагрузка на Босфор, а вместе с тем и контроль над ним превращаются в серьёзную международную дилемму, затрагивающую интересы и экономическую безопасность всех причерноморских стран. В этих условиях возрастает роль крупных региональных акторов.

Новые времена – новые реалии

Российская Федерация и Турция на современном этапе выступают основными субъектами на геополитическом пространстве Причерноморья. Несомненно, обе страны позиционируют себя в качестве региональных лидеров, причём важно отметить, что позиция Турции качественно меняется. Если раньше большинство аналитиков сходилось во мнении, что политика Анкары подвержена чрезмерному влиянию со стороны Вашингтона, то в последнее время можно говорить о том, что Турция всё чаще отличается более самостоятельным, чем ранее, поведением, в том числе и в рамках Североатлантического альянса.

С распадом СССР отпала необходимость неукоснительного следования военно-политической стратегии Запада, и Турция приступила к активной реализации региональной политики. Анкара планомерно расширяет контакты с государствами Черноморско-Кавказского региона и тем самым пытается укрепить свои позиции и контроль на Чёрном море.

Кроме того, современная геополитическая динамика заставляет Анкару идти на неотложные меры по укреплению своего влияния, чтобы оправдать претензии на роль региональной державы. Война в Южной Осетии, разгоревшаяся в августе 2008 года, стимулировала активизацию турецкой внешней политики в Черноморском и Кавказском регионах: именно после неё Анкара разработала и предложила государствам Закавказья программу «Платформа по сотрудничеству и стабильности на Кавказе», в рамках реализации которой предполагалось исключить применение силы при решении межгосударственных проблем в регионе. По мнению политологов, Анкаре тогда удалось использовать события в Южной Осетии и на фоне агрессивного имиджа России и США предложить государствам региона собственную модель мирного сосуществования. Это предложение, безусловно, было нацелено на быстрое прекращение войны и поиск решений проблем безопасности на региональном уровне. Турция понесла прямой ущерб от августовских событий 2008 года. Разрыв российско-грузинских отношений после войны в Южной Осетии потенциально мог крайне негативно сказаться на турецкой черноморской политике, а также на региональных инициативах типа «Блэксифор»¹ и операции «Черноморская гармония»². В связи со сложившейся ситуацией в регионе весьма ос-

¹TheBlackSeaNavalCo-operationTaskGroup(БЛЭКСИФОР) – проект, запущенный в начале 2001 года по инициативе Турции с участием всех черноморских государств (РФ, Украина, Румыния, Болгария и Грузия). Цели проекта: продвижение стабильности и безопасности на Чёрном море, организация взаимодействия военных флотов стран региона, антитеррористическая борьба.

²BlackSeaHarmony(Черноморская гармония) – изначально военно-морская операция, проведённая Турцией в марте 2004 года в соответствии с несколькими резолюциями Совбеза ООН о борьбе с терроризмом и асимметричными угрозами. После неё Анкара об-

ложнялось и осуществление таких крупных экономических проектов, как трубопроводы Баку – Тбилиси – Джейхан, Баку – Тбилиси – Эрзерум или железнодорожный проект Баку – Тбилиси – Карс.

Неслучайным поэтому представляется визит президента Турции Абдуллы Гюля в Москву в феврале 2009 года, когда состоялось подписание соглашения о безопасности в Черноморском регионе. В нём стороны «подтверждают важность укрепления сотрудничества, в том числе взаимодействия между прибрежными государствами Чёрного моря»¹.

Такой акцент соглашения весьма важен для обеих сторон, а для Турецкой Республики отношения и с Грузией, и с Россией даже жизненно важны. Представляется, что, по мнению Турции, именно инициатива «Кавказской платформы» должна была стать стабилизирующим фактором в регионе, и вместе с тем усилила бы влияние Турции в Черноморско-Кавказском регионе.

Кроме того, опираясь на свою инициативу, Турция приступила к активной деятельности с целью урегулирования нагорно-карабахского конфликта и предприняла попытки налаживания диалога с Арменией. Она внимательно следит за ходом армяно-азербайджанских переговоров по Нагорному Карабаху. В интервью турецкой газете Sabah от 8 декабря 2012 года министр иностранных дел Турции Ахмед Давутоглу заявил, что «Турция ждёт видимых результатов от переговоров между Арменией и Азербайджаном по урегулированию нагорно-карабахского конфликта, а достижение результатов по этому вопросу откроет путь и перед Турцией»². И хотя значительного прогресса здесь пока не наблюдается, Анкара не ослабляет усилий, направленных на активное участие в региональных делах.

Интерес к Азербайджану со стороны Турции, кроме всего прочего, обуславливается и существованием крупных совместных энергетических проектов, в частности и в акватории Чёрного моря. Отметим, что, даже не являясь черноморским государством, Азербайджан активно вовлечен в региональные энергетические программы. Соответственно участие в урегулировании карабахского конфликта и налаживание диалога с Арменией имеют серьёзное значение для Турции не только с политической точки зрения, но и ввиду солидных экономических и торговых перспектив.

Другая страна, которая в настоящее время занимает одно из центральных мест в политике Анкары в Причерноморье, это Грузия. Без сомнения, круп-

ратилась с предложением присоединиться к этому проекту соседним странам. Россия поддержала турецкую инициативу 27 декабря 2006 года. Украина 17 января 2007 года подписала с Турцией Протокол об обмене информацией в рамках данной инициативы.

¹ Захаров В.А., Арешев А. Г. Кавказ после 08.08.08: старые игроки в новой расстановке сил. М., 2010. – С. 235.

² ABD de Patriot gonderecek//sabah gazetesil7 URL: <http://www.sabah.com.tr /Gundem /2012/12/07/turkiyeye-abd-de-patriot-gonderecek> (Датаобращения 28. 03.2013)

ные торговые проекты крепко связывают экономические структуры Турции и Грузии. А первостепенное внимание Грузии членству в ЕС, учитывая её курс на полномасштабное развитие отношений с Организацией Североатлантического договора, дополнительно способствует сближению двух стран, поскольку Анкара разделяет надежды Тбилиси по этим вопросам.

Стоит также иметь в виду, что помимо своей официальной внешнеполитической позиции, Турция устанавливает неформальные отношения с участниками региональных конфликтов на Кавказе. В качестве примера можно привести развитие торгово-экономических связей с Абхазией, которые, как представляется, в России несколько недооценивают.

Стоит отметить и ту роль, которую играет заметно активизировавшая свои действия абхазская диаспора в Турции. Она энергично выступает за возобновление морского сообщения Трабзон – Сухум и продолжает продвигать идею открытия воздушного и паромного сообщения с Абхазией. Известно, что на встрече с президентом Турции Абдуллой Гюлем в январе 2009 года члены Федерации Кавказских обществ (KAFFED), крупнейшей диаспоральной организацией Турции, поднимали вопрос об открытии морского и воздушного сообщения с Сухумом¹.

Интересно, что после признания Абхазии Россией [TurkishpoliceguaterlyV 8, #4: 86] количество соответствующих запросов в адрес турецкого парламента со стороны парламентариев от основной оппозиционной Народно-республиканской партии (*CumhuriyetHalkPartisi*) увеличилось. Без сомнения, абхазское лобби в лице диаспоры а определённой степени способствует интенсификации торговых и экономических контактов, не носящих тем не менее государственного характера. Соответственно, несмотря на экономические выгоды, полноправное участие Абхазии в региональных черноморских инициативах на данном этапе невозможно. Хотя нужно отметить, что в целом уровень кооперации в регионе в последние годы значительно возрос.

После распада Советского Союза Анкара пересмотрела своё отношение к Чёрному морю. Его стали рассматривать как транзитный коридор, который может открыть альтернативные транспортные и торговые пути в Восточную Европу, Центральную Азию и на Кавказ. Важную роль в реализации этих планов было призвано сыграть активное участие всех стран региона в Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС). В настоящее время это единственная международная полноформатная организация в регионе, хотя из 12 её членов только шесть имеют выход к Чёрному морю.

¹ TURKI'YE CUMHURİYETİ CUMHURBAŞKANLIĞI MAKAMINAff Kafkas Demekleri Federasyonu// URL: http://www.kafkasfederasyonu.org/haber/federasyon/2009/050109_talep_dilekcesi.htm (Дата посещения 27.04.2013).

Проекты, важные для всех

Сегодня причерноморские страны прилагают усилия для реализации сотрудничества по двум основным направлениям: это строительство скоростной автомагистрали вокруг Черного моря и развитие морских магистралей в регионе. Странами – членами ОЧЭС были подписаны соответствующие документы.

Первые шаги на уровне Меморандума о взаимопонимании, касающегося строительства скоростной автомагистрали¹, были сделаны ещё в 2007 году, а сейчас, вероятно, можно говорить уже об активной фазе проработки проекта, который совсем не прост. Ведь протяжённость дороги, по предварительным оценкам, составит более 7 тысяч километров. Предполагается, что автомагистраль пройдёт через территории всех государств – членов ОЧЭС, в том числе и по городам РФ, расположенным на Черноморском побережье. Планируется, что после завершения согласования основного маршрута автомагистрали вокруг Чёрного моря стороны приступят к выработке технико-экономического обоснования развития отдельных её участков. Способствовать появлению в регионе современной скоростной автомагистрали, оборудованной всеми необходимыми объектами инфраструктуры, может, несомненно, привлечение крупных иностранных инвесторов, к чему стремятся региональные акторы.

Ещё один принятый меморандум – о взаимопонимании по развитию морских магистралей в регионе² – не менее важен, чем первый. Осуществление его на практике позволило бы Черноморскому региону в рамках интенсификации морских перевозок и развития новых морских транспортных путей занять солидное место в мировой торговле. Причерноморье сейчас фактически исполняет роль звена, связывающего страны региона с развитыми государствами других континентов.

Процесс увеличения региональных перевозок начался после периода застоя 1990-х годов. В результате общий грузооборот портов в Болгарии, Румынии, Грузии, России и Украине за семь лет (2000-2007 гг.) существенно вырос, в том числе в российских портах на 94%, украинских – на 76%, в румынских – на 74%³. И всё большее значение в регионе приобретают ближние трансчерноморские линии.

¹ Memorandum of Understanding for the Coordinated Development of the Black Sea Ring Highway (Belgrade, 19 April 2007) // Organization of the Black Sea Economic Cooperation // URL:<http://www.bsecorganization.org/documents/LegalDocuments/agreementmou/m3/Documents/MoU%20BSRH%200711227.pdf> (Дата посещения 15.03.2013).

² Там же.

³ Токман Г.И. «Seamotorways» и не только/І Порты Украины, № 04 (106) – Одесса: изд-во «Порты Украины», 2011.

Важность морского транспорта для Черноморского региона подчёркивается в разного рода декларациях и заявлениях ОЧЭС. В частности, проект развития морских портов в регионе был отражен в «Совместной декларации о сотрудничестве в сфере транспорта в регионе ЧЭС», принятой в апреле 2008 года в Одессе. Более того, одесская декларация предусматривает широкомасштабное сотрудничество, в том числе и совместные действия по упразднению как физических, так и нефизических барьеров в регионе ЧЭС на ключевых транспортных узлах, включая и морские порты.

Перспективным представляется проект железнодорожно-паромного сообщения между Россией и Турцией через Черное море. Железнодорожно-паромная переправа между портом Кавказ в Керченском проливе и турецким портом Самсун была создана в 2010 году, но до февраля 2013 года эксплуатировалась в тестовом режиме. Линия была открыта на основании Соглашения между Министерством транспорта Российской Федерации и Министерством транспорта и коммуникаций Турецкой Республики об организации смешанного международного железнодорожно-паромного сообщения через порты Кавказ и Самсун.

По словам министра транспорта РФ Максима Соколова, благодаря этому проекту Россия сможет наладить транспортное сообщение со Средиземноморским регионом и Ближним Востоком. Одновременно у Турции также появится возможность наладить сообщение с бывшими советскими республиками, тюркскими государствами и Сибирью¹.

Предполагается, что до конца 2013 года пропускная способность на линии будет увеличена в 2,5 раза. Согласно предварительным оценкам, благодаря этому проекту грузооборот между двумя странами может возрасти на 15%. Объёмы международного транзита вырастут на 20%. Отметим, что турецкие политики уже указывают на необходимость совершенствования системы дорожного транспорта, в частности, реализации проекта Черноморской кольцевой автомагистрали.

Министр транспорта Турецкой Республики Бинали Йылдырым в частности сообщил, что на сегодняшний день Турция построила около 700 километров дороги от КПП Сарп за турецко-грузинской границей до города Синоп, а также завершила строительство участка дороги к западу от Синопа. «Создание кольцевой дороги такого типа на севере Причерноморья обеспечит ускоренное развитие отношений между странами региона, а также внесет вклад в углубление дружественных, добрососедских связей» [там же], – заявил министр.

¹ Россия и Турция открыли ж/д-паромную линию Кавказ – Самсун // Информационный портал по логистике, транспорту и таможне// URL:<http://www.logistic.ru/news/news.php?num=2013/02/25/15/11199845> (2013, Апрель 27).

Интересными являются и некоторые другие перспективные предложения взаимодействия в Причерноморье, среди которых проект многовекторной программы развития морского пассажирского транспорта на Чёрном и Средиземном морях и предложение о сотрудничестве в области обеспечения безопасности навигации, включая обмен соответствующей информацией, в частности в зоне проливов (эти предложения были выдвинуты министерством транспорта Российской Федерации).

Нельзя обойти вниманием и энергетический вопрос, бесспорно, являющийся одним из ключевых в регионе. Конец 2011 года ознаменовался двумя важными энергетическими соглашениями. В подписанном в декабре 2011 года меморандуме о реализации нового проекта Трансанатолийского газопровода (TANAP), речь шла о транспортировке азербайджанского природного газа с месторождения Шах-Дениз II через Турцию в Европу. Кроме того, предполагается, что проект TANAP будет расширять инфраструктуру для транспортировки в Турцию и Европу газа не только из указанного месторождения в Азербайджане, но при благоприятных условиях также туркменского, казахского и, возможно, иранского газа. При этом примечательно, что Турция сможет использовать 6 из 16 миллиардов кубометров природного газа, который будет транспортироваться по этому трубопроводу.

Что касается второго соглашения относительно сотрудничества в области реализации проекта Южно-Европейского газопровода («Южный поток»), то можно говорить о том, что оно предоставило России преимущество в энергетическом соперничестве.

Согласно проекту, газопровод «Южный поток» будет иметь пропускную способность 63 млрд кубометра и позволит России поставлять естественный газ напрямую в Европу по дну Чёрного моря в обход Украины. Турция поддержала этот важнейший российский инфраструктурный проект, хотя поставки газа в Турцию по нему не предусмотрены. Тем не менее, подписав соответствующее соглашение, Анкара предоставила России своё разрешение на прокладку «Южного потока» в исключительной экономической зоне (ИЭЗ) Турции в акватории Чёрного моря. В свою очередь, Россия снизила цены на природный газ, который приобретает Турция.

Таким образом, несмотря на известное соперничество в регионе, перекрёстные экономические интересы толкают Россию и Турцию к совместному осуществлению масштабных и амбициозных проектов, значение которых для региона трудно переоценить.

В первой половине 2012 года наблюдалась интенсификация деятельности по реализации указанного проекта. Газпром подписал несколько соглашений и создал государственные совместные предприятия с компаниями Австрии, Болгарии, Венгрии, Греции, Сербии, Словении и Хорва-

тии для управления наземным участком «Южного потока». В этом же году были заключены важнейшие соглашения по морским и береговым секторам. Среди них окончательное инвестиционное решение (ОИР), принятое в ноябре 2012 года, и соглашение о создании совместных предприятий для каждого раздела проекта. В декабре 2012 года проект Южно-Европейского газопровода был торжественно открыт в Анапе.

Между тем, по мнению ряда экспертов, возможность использовать азербайджанский и потенциально туркменский и казахский газ в соответствии с проектом TANAP могла угрожать так называемой российской монополии, в связи с чем обозначился антагонизм альтернативных трубопроводов. В этом контексте новое соглашение является, по сути, переломной вехой в региональном энергетическом соперничестве.

Любопытно отметить, что за период после подписания соглашений, проектные предложения, нацеленные на альтернативные пути транспортировки газа, значительно сократились, а некоторые были пересмотрены.

Региональная безопасность

Сравнивая политические и экономические компоненты региональной безопасности, очевидно, что приоритетным направлением кооперации для стран региона является экономическое сотрудничество. Но, к сожалению, приходится констатировать, что черноморским государствам, в том числе и в рамках ОЧЭС, всё ещё не удаётся выработать согласованную политическую стратегию относительно обеспечения и поддержания стабильности и безопасности в регионе.

С учётом существующих трудностей в области политического решения насущных проблем региона деятельность ОЧЭС в последние годы всё чаще подвергается критике. В том числе и потому, что, несмотря на масштабные проекты (которые в полной мере ещё не реализованы), ОЧЭС пока не смогла превратиться в сильную региональную структуру, которая способствовала бы интенсификации экономического и торгового сотрудничества. В связи с этими претензиями к ОЧЭС высказывается мнение, что организации следует сосредоточиться на конкретных проектах, возможно, не столь амбициозных, но приносящих реальный экономический эффект.

Вообще проблема обеспечения региональной безопасности в настоящее время приобретает всё большую актуальность. С открытием железнодорожно-паромного сообщения между Турцией и Россией, а также с учётом всех энергетических, инфраструктурных и торговых проектов обеспечение стабильности в Причерноморье становится одним из основных приоритетов в политике региональных акторов.

Тема безопасности широко обсуждается как в черноморских государствах, так и за пределами региона, и мнения на этот счёт разнятся. Одни предлагают поддерживать безопасность в соответствии с докладом «Комиссии по Чёрному морю 2020 года»¹, в котором черноморский регион рассматривается в качестве связующего звена между Европой и «Большим Ближним Востоком», что обуславливает его геостратегическую привлекательность. Кроме того, особое внимание уделяется тому значению, которое имеет регион в транзите энергоносителей в Европу. Исходя из этих и ряда других соображений, стратегия регионального сотрудничества по мнению авторов доклада, должна предусматривать участие всех заинтересованных участников в решении региональных дел и учитывать их приоритеты и интересы. Однако есть и противники этой идеи, выступающие за решение региональных вопросов без вовлечения внерегиональных сил, усилиями самих черноморских государств.

Между тем, учитывая колоссальную значимость региона для европейских потребителей энергоресурсов, ЕС обозначил свою позицию относительно вопросов регионального сотрудничества и безопасности, осветив направление своей деятельности в районе Чёрного моря в стратегическом документе «Синергия Чёрного моря» (2007 г.). Основной задачей политики этой синергии является «развитие сотрудничества в регионе Чёрного моря и между всем регионом и Европейским Союзом»².

Кроме «Черноморской синергии», в 2009 году Европейским Союзом была принята программа «Восточное партнёрство», которая своей целью ставит «создание необходимых условий для ускорения политической и экономической интеграции между Европейским Союзом и заинтересованными странами-партнёрами»³. Реализация данного проекта будет проходить на территории Азербайджана, Армении, Грузии, Белоруссии, Украины и Молдавии. По сути же, проект «Восточное партнёрство» во многом повторяет цели и задачи «Синергии».

Безусловно, европейская политика в Черноморском регионе носит прагматический характер. Помощь в создании демократических институтов, гуманитарной и социальных сферах ЕС предлагает в обмен на обеспечение безопасности транспортировки энергоносителей.

¹ Черноморский регион: горизонт 2020. Доклад комиссии по Чёрному морю // BlackSeaNews// URL: <http://www.blackseanews.net/read/13> (Дата посещения 01.05.2013).

² Communication from the commission to the Council and the European Parliament. Black Sea Synergy – a new regional cooperation initiative/7 European Commission// URL: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/com07_160_en.pdf (Дата посещения 27.04. 2013).

³ Joint Declaration of the Prague Eastern Partnership Summit Prague, 7 May 2009 If URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/er/107589.pdf (Дата посещения 15.04.2013)

Если для Европейского Союза основным элементом, обуславливающим интерес к Черноморскому региону, является транзит энергоресурсов, то для США немаловажно и его геостратегическое положение, и глобальные перспективы, открывающиеся в связи с контролем этой территории. На протяжении последнего десятилетия Соединённые Штаты неоднократно предпринимали попытки закрепить своё военное присутствие на Чёрном море на долговременной основе. Однако из-за действия конвенции Монтрё Вашингтон пока такой возможности не имеет.

К примеру, во время эскалации конфликта в Южной Осетии военные корабли США были вынуждены покинуть Чёрное море по истечении закреплённого конвенцией срока пребывания в регионе для судов нечерноморских государств. В данном контексте стоит отметить принципиальность Турции, которая не отошла от норм конвенции и не позволила американским кораблям остаться.

Тем не менее в настоящее время США приступили к активным действиям на черноморском направлении. Вашингтон размещает средства противоракетной обороны на территории Турции и Румынии, что способствует увеличению их военного присутствия в черноморском ареале. Кроме того, корабли ВМС США регулярно заходят в акваторию Чёрного моря. Комментируя появление американского крейсера *Monterey* в Чёрном море, начальник управления по ракетной и ядерной обороне Пентагона Джон Плам заявил, что «это первая конкретная демонстрация наших намерений по обороне наших вооружённых сил, сил союзников и партнёров в Европе от ракет. Мы сказали, что мы собираемся сделать это, и мы это делаем»¹.

Интересно, что в последние годы в Черноморский регион стремится проникнуть и НАТО путём присоединения боевых кораблей нечерноморских стран – членов Североатлантического альянса к функционалу «Блэксифор». Надо отметить, что с точки зрения укрепления региональной безопасности «Блэксифор» и «Черноморская гармония», инициированные Турцией, приобретают всё большее значение. В них активное участие принимают также Россия, Болгария, Румыния, Грузия и Украина.

Вместе с тем турецкие военные подчёркивают, что основным их партнёром в осуществлении этих программ являются именно российские ВМС. В последние годы Анкара пересмотрела отношение к РФ и её роли в регионе. Турецкая сторона в настоящее время продвигает идею, суть которой заключается в том, что Россия и Турция должны взять на себя ответственность за происходящее в районе Чёрного моря по праву держав – наследниц великих империй. К тому же, как полагают некоторые эксперты, в

¹ США перехватывают оборону Европы. Коммерсант. 3 марта 2011 // Пир. Центр <http://www.pircenter.org/static/yademyj-kontrol-404> (2013, Май 1).

случае поддержки инициатив, предполагающих присутствие в акватории Чёрного моря внерегиональных акторов, Россия и Турция как крупнейшие черноморские державы могут потерять контроль над регионом.

* * *

Исходя из этого, вполне разумно, что позиции Москвы и Анкары в вопросах обеспечения черноморской безопасности в бассейне Черного моря не расходятся. Поэтому обоюдное нежелание видеть в Чёрном море суда государств, не являющихся причерноморскими, но занимающихся отнюдь не благотворительными делами, представляет собой важный аспект в российско-турецких отношениях. Это весьма актуально в связи с намерениями США активизировать деятельность НАТО в регионе.

Представляется, что в дальнейшем наряду со своей активной региональной политикой Турция тем не менее будет стараться сочетать хорошие отношения с США, планы интеграции в ЕС, а также развитие ближневосточного и евразийского вектора своей внешней политики. Что же касается отношений с Российской Федерацией, то, оставаясь заинтересованной в интенсивном торгово-экономическом сотрудничестве и региональной кооперации, имея общие интересы в отношении отдельных вопросов международной повестки дня, Турция в то же время остаётся конкурентом России в Черноморском регионе и на Южном Кавказе, хотя, судя по ситуации, именно сторонние интересы создают политические проблемы вокруг региона, существенно затрудняя претворение в жизнь планов многостороннего сотрудничества в ареале Причерноморья.

РЕЦЕНЗИИ

Ю.Д. Анчабадзе

ПРЕДСТАВЛЯЕТ НЕПРЕХОДЯЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ

Прошедшие в Сочи зимние Олимпийские игры 2014 года имели огромный резонанс в глобальном мире. Их итоги стали не только триумфом российских спортсменов, ставших победителями в медальном зачете, но и успехом Российского государства, которое продемонстрировало свою способность предлагать амбициозные проекты, качественно и в оговоренные сроки создавать мощные инфраструктурные кластеры мирового уровня, обеспечивать безопасность участников и гостей всемирного спортивного праздника – и последнее очень важно. Дело в том, что за фанфарами спортивных побед, красочностью праздничных шоу, зрительскими эмоциями и переживаниями как-то подзабылось, что с самого начала вокруг Олимпиады в Сочи завязалась сложная геополитическая игра. Ее участниками оказались весьма могущественные силы, которые планировали сорвать подготовку олимпиады, а путем нагнетания в регионе напряженности, дестабилизации и конфликтности сделать ее проведение если и не невозможным вовсе, то хотя бы сильно затруднительным. Вполне понятно, что реализация этого сценария нанесла бы России непоправимый геополитический и репутационный ущерб.

Новое фундаментальное исследование заслуженного юриста Российской Федерации и Республики Абхазия, кандидата юридических наук Г.Н.Колбая посвящено анализу исторических корней, идеологических приемов и практических ходов этого почти десятилетнего антироссийского заговора. Оно осуществлено на базе прежде всего систематического отслеживания событий, предшествовавших Олимпиаде, с учетом, как пишет автор, «необходимости нейтрализовать имеющиеся или, возможно, будущие угрозы безопасности ее проведения»¹. Ведь призыв бойкотировать Олимпиаду, обещания сорвать ее проведение, угрозы решившим ехать в Россию спортсменам начали раздаваться практически вскоре после того, как 5 июля 2007 года сессия МОК объявила Сочи столицей XXII

¹ Колбая Г.Н. Сочинская Олимпиада в глобальной политике. М.: Инфра-М, 2013. 559 с.; указ. имен.

зимней Олимпиады. При этом до ухода М. Саакашвили с поста президента Грузии негативистская риторика особенно громко раздавалась в соседнем закавказском государстве, расположенном вблизи мест проведения Олимпиады, ей поначалу не очень активно, а затем все более энергично вторили на Западе, главным образом в США, где эта тема эксплуатировалась отдельными сенаторами Конгресса США, всевозможными фондами, возглавляемыми бывшими руководителями американских спецслужб и финансируемыми не без заботливого к ним отношения со стороны тех же спецслужб и Государственного департамента. В числе таких «неправительственных» фондов, с привязкой к предстоявшей Олимпиаде сильно озаботившихся «российско-адыгско-грузинскими» отношениями, оказался, в частности, американский Фонд Джеймстауна, в руководящий совет которого входят бывший советник Президента США по национальной безопасности Збигнев Бжезинский, известный своим крайним русофобством, и бывший директор ЦРУ Джеймс Вулси. Изначально имея разную политическую и идеологическую подоплёку, оба эти потока – и шедший из Тбилиси, и тот, что двигался ему на подмогу из-за океана, – тем не менее сливались в четко выраженный антироссийский хор, в котором порой трудно было различить, кому принадлежала роль хормейстера.

В этой связи Г.Н. Колбая обращает внимание на роль запевалы, которую играла Грузия в этом хоре. Автор показал, что едва ли не все нити антиолимпийского заговора, во всяком случае его первоначальные интенции, вели в Тбилиси, где было решено использовать сочинскую Олимпиаду для достижения собственных политических целей.

При этом Г.Н. Колбая показал, что позиция Грузии не была однозначной и однолинейной. При неизменности цели конкретные задачи несколько раз подвергались переформатированию, соответственно столь же последовательно менялись идеологические акценты, а терявшие актуальность аргументы заменялись новыми, такими же лукавыми и провокационными, зато отражавшими изменившуюся международную конъюнктуру и скорректированные задачи внешнеполитической стратегии. Кроме того, Г.Н. Колбая продемонстрировал, что свою атаку на предстоящую Олимпиаду Грузия предприняла отнюдь не в качестве своеобразного эмоционального ответа на события августа 2008 года, унижение из-за бесславного бегства из Цхинвала или же признание Российской Федерацией государственной независимости Абхазии и Южной Осетии, хотя несомненно, что упомянутые факторы сильно способствовали разогреву настроений грузинской элиты, задавшей целью, если невозможно помешать проведению Олимпиады, то хотя бы попытаться ценой своей лояльности к ее проведению добиться понуждения к уступкам, могущим разрешить грузино-абхазский конфликт на «грузинских условиях».

В этих целях, с первых же дней после известного решения сессии МОК Грузия начала шантажировать Россию, педалируя идею о рисках проведения Олимпиады в регионе, расположенном в непосредственной близости от очагов неразрешенных конфликтов, грозящих в любой момент новым взрывом силового противостояния. Г.Н. Колбая вполне обоснованно утверждает, что Грузия недвусмысленно надеялась, что Россия, дабы «обезопасить» Олимпиаду, решит абхазский и юго-осетинский вопросы, естественно, в благоприятном для Грузии ключе.

События августа 2008 года, показавшие беспочвенность стратегических мечтаний тбилисских политиков, заставили последних изменить тактику. Г.Н. Колбая показал, как уже с этого момента Грузия начала тотальную дискредитацию идеи проведения «русской» Олимпиады, избрав в качестве предлога тезис об аморальности спортивных игр на земле «геноцида».

Такая смелость грузинских политиков находит свое объяснение. Г.Н. Колбая прослеживает тесные связи между Тбилиси и Вашингтоном, которые имели весьма разносторонний и многоаспектный характер. Они строились, с одной стороны, на официальных межгосударственных договорах, соглашениях и декларациях, носивших едва ли не союзнический характер («стратегическое партнерство»), с другой — на неформальных дипломатических согласованиях, тайно поощрявших антироссийскую риторику и действия грузинских властей. При этом Г.Н. Колбая видит еще один пласт — относящийся, по существу, к национально (этно)-политической психологии, которая к сожалению, не часто берется в расчет, как лицами, принимающими решения, так и экспертами, пытающимися эти решения анализировать. В частности, по тонкому и точному замечанию Г.Н. Колбая, у Грузии были «основания полагать, что США уже по имиджевым (курсив автора. — Ю.А.) соображениям будут сочувственно относиться к развернутой в ней кампании против проведения Олимпиады в Сочи».

Между тем концепт геноцида был и остается достаточно сильным аргументом в антироссийской кампании, и Г.Н. Колбая не склонен от него отмахиваться, тем более что исторические переживания, связанные с Кавказской войной и ее трагическими последствиями, остаются одной из доминант общественного сознания многих народов Кавказа, в том числе адыго-черкесов (кабардинцы, черкесы, адыгейцы, шапсуги). Автор ни в коей мере не оправдывает жестокости и зверства царских генералов, считает безнравственной апологетику политики покорения Кавказа, в особенности методов этого покорения, однако, основываясь на анализе исторических фактов, ратует за «корректную, характеристику трагических страниц в истории российско-адыгских отношений».

Эта «корректность» напрочь отсутствует у грузинских интерпретаторов истории Кавказа. Грузия, как отмечает Г.Н. Колбая, по существу начала «эксплуатировать эту катастрофу народов». Автор прослеживает последовательность ходов весьма изобретательно и целеустремленно разыгранной Тбилиси кампании, в которой были задействованы значительные пропагандистские, организационные и материальные ресурсы. Проведенная масштабная работа – конференции, встречи, заявления, публикации в электронных и печатных СМИ, выставки, «мемориалы» и др. – эффектно завершилась 20 мая 2011 года резолюцией парламента Грузии «О признании геноцида черкесов, осуществленного Российской империей». Несмотря на явную конъюнктурность и поли тизированность данного акта, он дал дополнительные аргументы тем силам, которые повели борьбу против Олимпиады под предлогом невозможности ее проведения на земле «геноцида». Г.Н. Колбая с сожалением отмечает, что в стане противников Олимпиады оказались и некоторые черкесские организации, правда не очень влиятельные. В то же время произведенный автором анализ их программных идей показал, что подавляющее большинство отвергло политическую тенденциозность и антироссийскую направленность грузинской активности, более того, наиболее авторитетные черкесские организации, как у себя на родине, так и в диаспоре, приветствовали Олимпиаду, считая, что проведение всемирного спортивного праздника не должно рассматриваться в контексте трагических событий исторического прошлого.

Между тем автора очень интересует исторический контекст. Предприняв глубокий экскурс в историю, он наглядно показал, что наблюдавшаяся лихорадочная активность Грузии на «олимпийском» направлении порождена отнюдь не только ситуационным казусом сочинских игр. В данном случае действия Тбилиси Г.Н.Колбая рассматривает как очередную попытку грузинского истеблишмента реализовать свой давний, уходящий корнями в XIX век, геополитический проект патронируемого ведущей западной державой «единства противостоящего России Кавказа во главе с Грузией». В логику этого проекта укладывается вся совокупность шагов, предпринятых Грузией для срыва Олимпиады – попытки сколотить блок «недовольных» (вспомним, что во второй половине 2008 года в Тбилиси планировалось проведение конференции представителей государств, «имеющих территориальные претензии к России»), реанимация травмирующую историческую память событий прошлого, присвоение себе роли непрошеной защитницы кавказских народов, шантажирование Москвы угрозами безопасности, стремление принудить Россию к геополитическим уступкам и т. д.

Было обращено внимание на существование и другого значимого проекта. Г.Н. Колбая утверждает (и знакомство с материалами исследо-

вания не оставляет в этом никаких сомнений), что антироссийская активность Тбилиси связана также с давним территориальным интересом грузинских элит к региону проведения зимней Олимпиады 2014 года. Современное российское Причерноморье по крайней мере с конца XIX века стало предметом вождения для грузинских элит, которые устами своих самых известных деятелей призывали расширить собственные этнические границы, заселив и освоив эти территории. Материалы Г.Н. Колбая свидетельствуют: кое-что сделать им удалось. Так, автор рассматривает процесс образования групп грузинского населения в районе Сочи – Адлер (с начала 80-х годов XIX века), анализирует пропагандистскую поддержку этого процесса, развернутую на страницах грузинской прессы того времени, описывает события 1918 года, связанные с оккупацией Грузией Абхазии и 100-километровой российской полосы Черноморского побережья вплоть до Туапсе включительно, освещает малоизвестные страницы дипломатической истории, связанные с демаршами правительства Грузинской республики, требовавшей на Парижской мирной конференции 1919 года признания этих территориальных захватов. Автор тщательно отследил активность депутатов парламента Грузии от саакашвилиевского «Единого национального движения Грузии», которые грозили России срывом Олимпиады в Сочи, предъявляли территориальные претензии на места проведения Олимпиады, аргументируя эти свои претензии упомянутыми территориальными захватами, осуществленными меньшевистским руководством Грузии еще в 1918 году на Черноморском побережье Кавказа.

Российское Черноморье Грузия не удержала, однако благодаря влиятельным ее представителям в высших эшелонах большевистской власти трофей под названием Абхазия, как, впрочем, тогда и Южная Осетия, ей достался. Г.Н. Колбая рассматривает этот казус, специально посвятив один из разделов своего исследования изучению политической ситуации в регионе в предреволюционный период, в годы Гражданской войны, раннесоветский и сталинский периоды, следствием которых стало административное подчинение превращенной в «автономию» Абхазии (до этого она была независимой ССР, которую Сталин принудил заключить с Грузинской ССР «военнополитический союз») прихотям республиканского центра в Тбилиси. Кавычки использованы здесь потому, что в сталинско-бериевский период истории СССР руководство Грузинской ССР не без ведома и согласия своих могущественных представителей в Москве проводило политику насильственной ассимиляции абхазов¹, для защиты самобытности которых якобы создавалась эта автономия. Рассмотренный материал свидетельствует о фактической предопределенности в данной ситуации гру-

¹ Реабилитация: как это было. Документы. Февраль 1956 – начало 80-х годов. Т. 2. М., 2003. – С. 151.

зино-абхазского конфликта, в котором абхазы в течение длительного периода были вынуждены отстаивать элементарное право на свое этнокультурное существование, а в 1992-1993 годах, подвергшись прямой агрессии со стороны Грузии, – защищать это право уже с оружием в руках.

Абхазо-грузинская война стала сильнейшим дестабилизирующим фактором геополитической ситуации на Кавказе, на Юге России и в прилегающих регионах зарубежья. Российским властным структурам пришлось приложить немало усилий (не всегда, правда, последовательных и успешных) для военного, миротворческого, дипломатического и гуманитарного урегулирования ситуации – по остроумному замечанию автора (так называется один из разделов книги): «Войны Грузии – заботы России». Однако, как известно, сменяющиеся грузинские правительства пока не готовы признать реалии, поэтому неудивительно, что в затеянной антиолимпийской игре Тбилиси попытался разыграть «абхазскую» карту, равно как и «югоосетинскую», чему в работе Г.Н. Колбая также посвящено немало интересных исторических и политологических наблюдений.

Отметим, что исследование основано на огромном массиве материалов самого разного характера. Автор прекрасный знаток истории региона в ее политическом, дипломатическом и социальном измерениях, детально представляет этнодемографическую динамику на данной территории, мировоззренческие и идеологические аспекты проблемы и т.д. По существу, автор далеко вышел за рамки заявленной исследовательской задачи. Анализируя проблему, которая казалось бы имеет отношение лишь к «жгучей» современности, Г.Н. Колбая встраивает ее в гораздо более широкий актуализированный исторический и геополитический контекст. Да, зимняя Олимпиада Сочи-2014 завершена, однако взвихренные ею глобальные политические процессы еще далеки от завершения. Утратив олимпийские коннотации, они сохраняют свои целевые задачи, равно как оставшийся неизменным состав игроков. С этой точки зрения аналитическая работа Г.Н. Колбая представляет непреходящее значение и интерес как исследовательский ориентир в хитросплетениях глобальной политики в одном из самых беспокойных и взрывоопасных регионов на постсоветском пространстве.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

А.Ф. Авидзба

О ВКЛАДЕ АКАДЕМИКА АНА А. Э. КУПРАВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И БИОГРАФИСТИКУ¹

В многогранной деятельности Арвелода Эрастовича Куправа, направленной на изучение истории Абхазии, немаловажное место занимают источниковедение и биографистика.

А. Куправа значительное внимание уделял составлению и изданию источников по истории Абхазии советского периода. Он – составитель и главный редактор сборника документов и материалов «Социалистическая промышленность Абхазской АССР. 1921-1950 годы» (Сухум, 1981), составитель и редактор сборника «Абхазская партийная организация в резолюциях и решениях областных партийных конференций и пленумов. 1922–1930 годы» (Сухум, 1971) и других. При его активном участии были подготовлены для издания сборники архивных материалов о сельском хозяйстве и культурном строительстве в Советской Абхазии, которые погибли во время варварского сожжения ЦГА Абхазии в октябре 1992 г.

Также при его участии и руководстве изданы ряд других сборников. В частности, «Участники освободительного движения в Абхазии. 1917–1921 годы. Воспоминания киаразовцев, красногвардейцев и красных партизан» (Сухум, 2007). В книге собраны воспоминания, автобиографии и выписки из личных дел киаразовцев, красногвардейцев и красных партизан – участников освободительного движения в Абхазии в 1917–1921 гг. Они в свое время были извлечены, в основном, из фондов Центрального государственного архива Абхазии, Архива Абхазского обкома КПГ, Партархива Грузинского филиала Института марксизма-ленинизма ЦК КПСС. Эти материалы публикуются впервые. Их ценность состоит в том, что временной интервал между описываемыми событиями и составлением самих воспоминаний незначителен. Они, насколько это было возможно в то время, непредвзято излагают конкретные факты и впечатления самих авторов.

¹ Доклад прочитан на конференции, посвященной 90-летию академика, доктора исторических наук, профессора А. Э. Куправа, состоявшейся 13 ноября 2014 года.

В сборнике в основном собраны материалы о большевиках и сочувствовавших им ветеранах рассматриваемых событий. Материалы о других участниках освободительного движения в первые годы советской власти и в последующие времена не собирались и не хранились по причине того, что все другие политические течения считались враждебными.

В сборник включены материалы из личных дел красногвардейцев и красных партизан Абхазии, составленным в основном в 1932-1933 гг., когда проводилась работа по их выявлению, регистрации и перерегистрации. В Абхазии такой комитет был основан в марте 1931 г. Его почетным руководителем был Н. Лакоба, а председателем – И. Вардания. Материалы, составленные этим комитетом, были уничтожены во время акта культурного геноцида абхазского народа, совершенного грузинскими оккупантами 22 октября 1992 г. – сожжения Центрального государственного архива Абхазии.

В книге собраны воспоминания и материалы из личных дел 101 участника освободительного движения Абхазии означенного периода. 20 из них – Н. Лакоба, Е. Эшба, Н. Акиртава, М. Цагурия, В. Лакоба, Е. Аргун, Т. Бгажба, З. Бения, П. Бигвава, И. Вардания, И. Джавахия, К. Инна-ипа, Т. Лагвилава, С. Пилия, К. Семирджиев, Мар. Тарнава, Мих. Тарнава, Ф. Торрия, Я. Хабурзания, И. Хиоти – были репрессированы в 1937-1941 гг.

Сборник «Участники освободительного движения в Абхазии 1917-1921» составлен на основе материалов, хранившихся в личных архивах трех видных абхазских историков: Г. А. Дзидзария, Б. Е. Сагария и А. Э. Куправа. Он подготовлен к изданию рабочей группой в составе: А. Куправа, А. Авидзба, С. Салакая.

Следующим изданием является серия сборников материалов по истории Абхазии XIX века на основе документов из личного архива Г. А. Дзидзария, которые занимают важное место в деле восстановления источниковой базы истории Абхазии. В настоящее время издан из названного архива 3 тома – составитель 1 тома Г. А. Дзидзария (Сухум, 2008), а второго (2011) и третьего (2012) – А. Куправа, С. Салакая и А. Авидзба.

Основу источников, опубликованных в названных сборниках, составляют материалы, выявленные и доставленные в Абхазию еще до войны с Грузией и хранившиеся в архиве выдающегося абхазского историка, а также сведения, опубликованные ранее в различных сборниках, которые уже стали библиографической редкостью и не доступны широкому кругу читателей. В названном издании, во всех трех томах, стиль и орфография оригинальных документов сохранены. Материалы публикуются в хронологическом порядке в соответствии со временем их написания.

1 том «Материалов» был издан в том виде, в котором его подготовил Г. А. Дзидзария еще в середине 80-х гг. XX столетия. В документах сборника многие названия географических местностей, абхазские фамилии и име-

на написаны неточно, искажено, иногда с грубейшими ошибками. Почти все имена и фамилии записаны в мегрельской и грузинской формах. Многие топонимы и антропонимы изменены до неузнаваемости. Высказывания некоторых авторов, особенно царских генералов и чиновников, далеких от абхазской действительности, порой опираются на неверные и тенденциозные источники. Они предвзято с позиции интересов колониального режима освещают положение дел в Абхазии, иногда неправильно трактуют отдельные события, оскорбительно и унижительно высказываются об абхазском народе, о его культуре. В 1 том сборника вошли в общем 104 документа, охватывающие период с 1803 по 1839 гг.

Во 2-й том «Материалов по истории Абхазии» вошли как лично выявленные Г.А. Дзидзария в различных архивах документы (часть из них публикуется впервые), так и материалы ранее публиковавшиеся в различных сборниках документов, но ныне недоступные современному исследователю. Эти документы чрезвычайно разноплановы и нередко противоречивы, научная ценность некоторых весьма сомнительна, но составители решили опубликовать их, как свидетельство взглядов современников на Абхазию. Вместе с тем в данный том включены уникальные документы, исключенные Г. А. Дзидзария, вероятно, по цензурным соображениям. Хронологически материалы частично совпадают с опубликованными в 1-м томе издания. В целом в нем собраны 295 документов, охватывающих период с 1762 по 1859 гг.

В III том «Материалов по истории Абхазии» включены 133 документа, датированные 1863 – 1874 гг. Основу сборника составили материалы из личного архива Г. А. Дзидзария, помимо которых в него включены ранее опубликованных 18 документов. Основными темами сборника являются Лыхненское восстание 1866 года и связанные с ним события (обстановка в Абхазии накануне восстания, наказания его участников), махаджирство, а также разбор имущественных дел, главным образом владетельского дома Чачба-Шервашидзе. Значительная часть документов по цензурным соображениям ранее не публиковалась или публиковалась не полностью. Вместе с тем в сборнике есть документы, достоверность и научная ценность которых сомнительна, но составители включили их в настоящее издание как отражение мнений некоторых слоёв и групп (представителей царской администрации, грузинского дворянства и т.д.) на события, имевшие место в Абхазии.

В названном издании приведены выдержки из книг об Абхазии и ее описаний, сделанные различными авторами, а также всевозможные сведения и описания Абхазии и абхазов.

Основными документами являются официальная переписка, рапорты, донесения, извещения, секретные докладные записки царских чиновни-

ков о событиях в Абхазии. Авторами, составителями и адресатами названных документов являлись, в частности, российские императоры, высшие государственные чиновники (военные и гражданские), высшее военно-политическое командование на Кавказе, владетели Абхазии Келешбей, Сафарбей, Дмитрий, Михаил Чачба – Шервашидзе и другие.

В названных изданиях есть материалы, содержащие сведения об адыгах, убыхах и черкесах, родственных с абхазами и во многом разделивших их трагическую судьбу в новое время. В документах можно встретить сообщения о культуре, быте и нравах, социальном строе названных народов. Большая часть этих сведений связана с военно-политической обстановкой на Черноморском побережье Кавказа в свете геополитических и геостратегических противоречий держав в регионе. В частности, довольно большое место в сообщениях занимают сведения о выселении горских народов Кавказа в пределы Османской империи в XIX веке.

А. Э. Куправа продолжает работу в этом направлении и занимается составлением сборников документальных материалов по истории Абхазии 1920-1930 годов. В 2012 г. вышла его книга «Материалы по истории Абхазии советского периода. ССР Абхазия в первом десятилетии (1921–1931 годы). Деревня. Сельское хозяйство. Том 1». Подготовлены для издания еще два тома, в которые вошли документы и материалы о народном образовании, культуре, науке, выявленные им в советское время в Центральном госархиве Абхазии, сохранившиеся в домашнем архиве ученого.

А. Куправа активно участвует, как уже было отмечено выше, в развитии биографистики в абхазской исторической науке. Он соавтор книг о борцах за Советскую власть: Борцы за Советскую власть в Абхазии. (Сухум, 1965); Борцы за Советскую власть в Абхазии. (Сухум, 1973); Борцы за Октябрь в Абхазии. – (Сухум, 1981). В последние годы для «Абхазского биографического словаря» им написаны более 130 персональных статей, а также очерки об участниках грузино-абхазской войны 1992-1993 годов.

В 2010 году в Сухуме вышла его книга «Люди: время и жизнь», где собраны биографические очерки и статьи, посвященные представителям абхазской интеллигенции первой волны, народным учителям, просветителям, сказителям, ораторам. В нее вошли биографические очерки и исторические портреты ярких деятелей Абхазии XIX–XX вв., опубликованные в разное время в периодической печати. Однако основная часть очерков, публикуется впервые – они написаны в последние годы (прежде всего, об отдельных представителях абхазского дворянства).

В основу биографических очерков, представленных в издании, положены, в основном, письменные и архивные источники. Автор использует и материалы, содержащиеся в фундаментальной монографии известного

абхазского историка Г. А. Дзидзария «Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции», изданной в 1973 году.

В первые десятилетия после вхождения Абхазии в состав Российской империи представители абхазской дворянской интеллигенции, большей частью, получили военное образование, становясь офицерами русской армии. В книге приводятся сведения о боевых подвигах, общественных взглядах и разносторонней деятельности абхазских военных деятелей. Некоторые из них были защитниками интересов русского самодержавия, другие – участниками национально-освободительного движения.

В первой главе издания «Из первой плеяды абхазской дворянской интеллигенции (XIX – нач. XX вв.)» можно прочитать биографические очерки, посвященные военным служащим русской армии, государственным деятелям, деятелям культуры и искусства.

В главе «Представители народной интеллигенции Абхазии (конец XIX – XX вв.)» представлены биографические очерки о первых специалистах с высшим и средним специальным образованием, показан их вклад в развитие народного образования, науки и культуры, активное участие интеллигенции в общественной и государственной жизни.

Специальные главы книги также посвящены деятелям науки и культуры; абхазским революционерам и участникам освободительного движения; государственным и общественным деятелем; передовикам хозяйственной жизни; абхазским долгожителям – сказителям, народным ораторам конца XIX – начала XX веков.

Вклад нашего сегодняшнего уважаемого юбиляра в отечественную историческую науку весьма обширен и многогранен. Результаты его трудов говорят сами за себя. Сегодня историографию истории Абхазии советского периода невозможно себе представить без трудов Арвелода Эрастовича Куправа. Нам же остается пожелать ему здоровья и новых творческих успехов.

С юбилеем Вас дорогой Арвелод Эрастович!!!

А. Р. Гумба

**ЛЮБОВЬ К НАРОДНОЙ ПЕСНЕ
(К 110-летию Астамура Маргания)**

Тема абхазской народной песни, её исполнения, непосредственно связана с условиями быта, уровнем культуры народа, его чаяниями и устремлением в будущее. Абхазский народ всегда любил, и ценил песенное искусство, окружал почетом и уважением лучших мастеров – исполнителей. И сегодня, проблема становления и состояния хорового искусства приобретает особую актуальность, так как это один из факторов духовного возрождения абхазского народа.

Одним из плеяды ярких представителей песенно-хорового искусства Абхазии является **Астамур Николаевич Маргания**.

Самодеятельное песенно-хоровое искусство Очамчирского района тесно связано с именем замечательного мастера хорового дирижирования Астамура Николаевича Маргания.

А.Н. Маргания родился в селе Река Очамчирского района в 1905 году, ему было 14 лет, когда родители определили его в Сухумскую семинарию. При этом учебном заведении функционировал хоровой коллектив, который возглавлял композитор – мелодист Иван Александрович Лакербай, куда и был зачислен маленький Астамур. Иван Лакербай был первым учителем и наставником Астамура, от него Астамур перенял любовь к абхазской народной песни. Впоследствии, после окончания уже Сухумского педагогического института он направляется на работу (по распределению) в село Джгерда Очамчирского района, в качестве педагога. Однако он испытывает неудержимую тягу к народной песне. В свободное от работы время он ходит к старожилам и просит их исполнить народные песни, а сам, затаив дыхание, – слушает. Впоследствии А.Н. Маргания говорил, что именно с их помощью ему удалось организовать при школе хор, который со временем обратил на себя внимание всего села. Так, в селе Джгерда, ему удалось реанимировать и вынести на суд зрителей несколько абхазских старинных песен. Имелись попытки подвергнуть музыкальной обработке несколько абхазских народных песен.

В дальнейшем, переехав на работу в г. Очамчир (1932-1933 гг.), при рабочем клубе он организует хор, устраивает концерты, совершенствует мастерство хорового дирижирования известного певца и дирижера Платона Панцулая,.

В сфере своей основной деятельности, а именно в деле развития народного образования, Астамур Маргания работает успешно. Он назначается заведующим Очамчирского РОНО. Этот период играет решающую роль и в деле дальнейшего развития Очамчирского районного хора, который он параллельно берется возглавлять.

Для Астамура Маргания 1946 г. и последующие были и трудными и плодотворными, так как возглавлять народное образование и художественный коллектив районного масштаба было нелегко. Однако, несмотря на трудности, замечательный организатор, одаренный от природы мастер, берется за комплектование нового коллектива.

Во вновь созданный коллектив объединяются лучшие музыкальные силы района (певцы, танцоры). Так постепенно к Астамуру Маргания приходят слава и признание. Хотя он сам хорошо понимал, что это только начало пути, что ему нужно гораздо больше музыкальных впечатлений и знаний.

А.Н. Маргания выносит на суд зрителя все больше и больше абхазских песен. В репертуаре ансамбля звучали песни: «Шишь-нани», «Шаха-марджа», «Гудаутская плясовая», «О махаджирах» (гудаутский вариант), «О махаджирах» (гагрский вариант), «Варидада», «Кях Хаджарат», «Инапха Кягуа», «Озбак» и мн. др.

Трудящиеся всегда с нетерпением ждали концерт любимого коллектива.

В каждом селе с радостью встречали выступление Очамчирского районного ансамбля. Вот как об этом писала газета: «Сельские жители нередко пускаются в пляс вместе с танцорами ансамбля и подпевая любимым песням»¹. Только за один 1948 год, ансамбль побывал в 19 селах района, на всех этих выступлениях присутствовало свыше 4 тыс. слушателей.

Залогом успеха в большинстве случаев было то, что А.Н. Маргания знал, что предпочитает слушатель. Поэтому он был заинтересован в том, чтобы в репертуаре ансамбля помимо абхазских песен звучали также и песни различных народов населяющих Абхазию.

Таким образом, районный ансамбль перед зрителем предстал с разнообразной программой и всегда пользовался популярностью. Астамур Маргания считался с тем, что ближайшим соседом была Мегрелия, что некоторые жители Гальского и Очамчирского районов были выходцами из Западной Грузии. И с мегрельской стороны такое понимание воспринимали с благодарностью, т. к. в определенных уголках Западной Грузии хорошие коллективы включали в свой репертуар и абхазские народные песни. К примеру, песня «Антица» пелась как на абхазском, так и на мегрельском языках. Крепла прекрасная традиция, когда районы встречались друг с другом и показывали свое искусство. Это было своего рода соревнование, где повышалась творческая активность и ответственность за район.

¹ Концерты районного ансамбля. // Советская Абхазия 1949 г., 23 марта.

Возглавляемый Астамуром Маргания, Очамчирский районный хор был на вершине славы. Пожалуй, не было случая, будь то олимпиада областная или республиканская, смотр или любое другое мероприятие, где бы ансамбль под руководством А.Н. Маргания мог бы остаться незамеченным, в большинстве случаев он являлся претендентом на первое место.

Говоря об А.Н. Маргания нельзя не вспомнить о его ближайших помощниках: Климентии Жвания, Джансухе Мебония, Табаке Возба (певец-сказитель, приглашенный из Гудауты для разучивания песен), Алане Хетагурове (консультант по постановке осетинских танцев).

А.Н. Маргания 20 лет возглавлял Очамчирский районный хор.

Это было время наивысшего расцвета народного, песенно-хорового искусства Абхазии. Музыкальная жизнь района была ознаменована необыкновенно ярким песенным расцветом. Песня звучала всюду: и в районе, и в глухих некогда селах. На это время в репертуаре ансамбля было: 67 – абхазских песен, 60 – мегрельских, 40 – гурийских, 10 – сванских.

А.Н. Маргания обработал 9 абхазских народных и 5 мегрельских песен. Ансамбль насчитывал 80 участников, из которых 25 – танцевальная группа.

При сборе материала, мне посчастливилось встретиться с замечательными представителями хорового искусства Очамчирского района, да и не только Очамчирского. Многие из них стали украшением всей республики, так как в свое время, были переведены в состав Государственного ансамбля песни и танца Абхазии. Это: Владимир Минджия, Шура Гогоуа, Борис Кубрава, Жора Шакая, Шалико Габлая, Климентий Жвания, Ваню Сохадзе, Илья Ашуба и мн. др.

Многочисленные встречи и беседы с бывшими участниками районного ансамбля, при которых происходило становление и развитие хорового искусства Очамчирского района, убедили меня в том, что среди всех руководителей ансамбля районного хора, с которыми им довелось в разное время работать, имя – Астамура Маргания (не считая Платона Панцулая) является самым ярким и самобытным, не потерявшим любовь народа и сегодня.

Весьма интересные сведения удалось узнать из жизни А.Н. Маргания от старейшего участника ансамбля Владимира Минджия¹ – так, например, оказалось, что: *«Астамур Николаевич сам не пел, но обладал необычайным музыкальным слухом и памятью. К своей работе относился безупречно, на репетиции никогда не опаздывал, приходил всегда за пять минут до начала. Это всех очень дисциплинировало в ансамбле. Репетиция начиналась всегда одинаково — он выходил на сцену, оглядывал всех, потирал ладони и говорил: Что, начнем? Задавал тон и хор начинал петь. Так было всегда. Астамур Николаевич не любил повышать голос, качество нашего пения мы определяли по его лицу, когда оно делалось холодным и неподвижным, было ясно — поем*

¹ Владимир Минджия – потомственный певец, его отец Беглар Минджия был участником первого в Очамчирском районе хора под руководством Дзуку Лолуа в 1918 году.

плохо, приходилось одну маленькую фразу разучивать десятки раз, пока не было необходимого совершенства которого он от нас требовал. Мы любили его сильно и поэтому без всякой обиды выполняли его требование, но потом, – когда в глазах у него появлялся блеск, и пробивалась едва заметная, но всем знакомая улыбка — мы были счастливы».

Примечательным в работе А.Н. Маргания было также и то, что в отличие от других руководителей (и ранее и в последующем) он добивался денежной оплаты певцам. Работая заведующим РОНО, он старался, часть денег выделенных на развитие народного образования, переводить на нужды районного ансамбля. Таким образом, не было недостатка ни в костюмах, ни в инструментах, а также выделялась ежемесячная плата участнику ансамбля – 400 рублей. Возможно, это в определенной степени и стимулировало такую «живучесть» ансамбля. Хор функционировал на протяжении 20 лет!

В 1952 году А.Н. Маргания переезжает на работу в г. Ткуарчал, где под его руководством организуется коллектив художественной самодеятельности – шахтеров. Концерты зачастую давались бесплатно.

А в 1954 году по решению вышестоящих органов Абхазии А.Н. Маргания переводится на работу в столицу Абхазии – Сухум, директором Абхазской государственной филармонии. Когда в Абхазии было основано Музыкально-хореографическое общество (МХО) А.Н. Маргания был избран ее председателем. С большим желанием и энтузиазмом приступил он к работе новой организации но, к сожалению, осуществить многие замыслы не удалось. Он умер 17 апреля 1968 г. Это была большая потеря для музыкальной общественности Абхазии. За заслуги в деле развития народного образования Астамур Маргания в 1939 году был награжден почетным орденом «Знак Почета», за заслуги в творческой деятельности – званием «Заслуженный деятель искусств Абхазии», позже званием «Заслуженный деятель искусств Грузии» а, также, многими медалями.

В 1988 году бывшие участники Очамчирского районного ансамбля создали **«Этнографический ансамбль имени Астамура Маргания»**. В составе ансамбля было 8 человек. Свой первый концерт, они уже поседевшие, записали на Очамчирском коммерческом телевидении в 1990 году. Запись сохранилась у участницы ансамбля Шуры Гогуа. В репертуаре ансамбля были песни, которые некогда исполнялись в хоре под руководством самого А. Маргания.

Народная песня, народный танец – неиссякающее творчество широких народных масс и отдельных исполнителей, непрерывно развивающихся в поколениях. Высокая художественная культура, которую наши предки завещали нам, и, наша главная задача – сберечь и сохранить их имена для грядущих поколений, среди которых ярко светит имя Астамура Николаевича Маргания.

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Л.А. Шервашидзе

ДРАНДСКИЙ ХРАМ¹

Одним из интереснейших памятников Средневековья на территории Абхазии является купольный храм Дранда. Этот памятник по своему виду и архитектурному решению входит в группу памятников, объединенных определенными качествами одного общего типа и представляющих, по словам акад. Г.Н. Чубинашвили, определенно очерченный круг явлений.

Драндский храм издавна привлекал внимание ученых и путешественников. Один из первых о нем упоминает царевич Вахушти в своей «Географии Грузии». Он говорит: «К западу от Моквы течет река Кодор, на которой в горах в Дранде, стоит большой и изящный храм с куполом. Там сидел епископ, заведующий страной между Кодором и Анакопией, ныне там нет больше епископа».

О Драндском храме пишет Дюбуа де Монпере, причем, как он отмечает, сам он этого храма не видел, а описывает его со слов имеретинского губернатора Вакульского. В своём атласе «Voyage archeologique» он дает план храма по чертежу, исполненному Норовым².

О Драндском храме пишет А.М. Павлинов в «Материалах по археологии Кавказа», вып. III, на стр. 8 – 13.

Он отмечает, что эта церковь находится в Абхазии и расположена на равнине, неподалеку от моря в 24 верстах от Сухум-Кале.

Он указывает, что этот весьма обширный храм сложен из кирпича, что на Кавказе встречается довольно редко, так как обыкновенно постройки производятся из местного камня неправильной формы с тесаной облицовкой.

Даются исторические сведения о нём, указывается, что время его постройки неизвестно, что царевич Вахушт (Вахушти) о нём упоминает вскользь, что к западу от Моквы течет река Кодор, близ которой стоит большой изящный храм с куполом, что Дюбуа сам не видел его и приво-

¹ Часть годовой темы 1974 г. (публикуется впервые).

² Дюбуа де Монперэ Ф. Путешествие вокруг Кавказа. Т. 1. – С. 152. Сухуми. 1937. Перевод с французского. 1939.

димое им описание заимствовано из рассказа имеретинского губернатора Вакульского, посетившего Дранды в мирное время. Рассказ этот содержит некоторые подробности, относящиеся к архитектуре храма и к его изящным украшениям, следы которого теперь навсегда исчезли.

Вакульский еще видел остатки мраморных колонн, вероятно отделявших алтарь от остального храма, что указывает на существование алтарной преграды из мрамора.

Броссе, как отмечает Павлинов, относительно Дранд очень краток, но в своем атласе он дает план этого храма, отснятого у него самим Павлиновым.

Так, с севера и с юга он указывает на входные двери и паперти, чего уже при Павлинове не было. Далее Павлинов дает описание храма; он отмечает, что план храма представляется в виде креста, середина которого занята кругом, диаметр которого значительно превышает ширину рукавов креста. Вследствие этого между рукавами образуются внутри цилиндрические стенки, на которые опираются парусные своды, поддерживающие круглый барабан главы. В наружных углах между рукавами креста находятся четыре помещения, в восточной части эти помещения соединяются и с алтарем, и с рукавами-арочками. С востока они кончаются полукруглыми выступами, меньшими, чем выступ алтаря.

Таким образом, с востока фасад храма имеет три выступа, но не круглых, как внутри, но граненных. Угловые помещения между руками креста в западной части представляют круг, каждый с тремя нишами довольно неправильной формы. Помещения эти соединяются с рукавами и с пристройкой, обозначенной на плане Павлинова буквой Р.

Весьма важно, отмечает Павлинов, что в плане Броссе, который он приводит (план, судя по его идентичности, с планом, приведенным у Г.Н. Чубинашвили, был исполнен Норовым), западное помещение не имеет поперечных стенок, которые отделяют их от среднего нефа храма. Средний неф или западный конец креста на плане Броссе не длиннее боков, т.е. рукавов, и оканчивается стенкой под лицо с западными стенами угловых помещений. В середине эта стена имеет дверь. Таким образом, пристройки, соединенные в один длинный коридор, образуют как бы паперть перед входом в храм. Другая интересная подробность у Броссе та, что вместо дверей в западных стенах круглых угловых помещений показаны окна, что указывает на то, что паперть позднейшая. Прежде, западный фасад представлял сплошную стену, соединяющую существующие круглые помещения.

Далее, на основании плана Броссе и собственных рассуждений, Павлинов делает попытку реконструкции Драндского храма в его первоначальном виде.

Он считает, что для того, чтобы представить себе план Драндского храма в первоначальном виде, следует отбросить помещения пристройки и сделать западную стенку, а западные двери, ведущие в круглые помещения, заменить на окна, кроме того, у Броссе с севера и юга показаны не окна, а входы в виде отдельных небольших пристроек. Поэтому, вместо существующих нижних окон, не имеющих древнего вида, в боках, т.е. рукавах креста, следует сделать двери с пристроенными особыми входами.

Подобный же вход с пристройкой, может быть, несколько больших размеров, существовал, вероятно, и с запада. Дальше Павлинов, на основании своей реконструкции дает западный фасад таким, каким он представляется ему до позднейших перестроек и изменения.

Наконец, Павлинов считает, что для завершения реставрации фасада Драндского храма следует снять шатровую крышу с шестнадцатигранного барабана его главы и сделать византийское шатровое покрытие по своду, как в Пицунде.

Тогда, как отмечает Павлинов, византийское происхождение этого храма будет очевидным. Нужно отметить, что здесь имеет место тот характерный и обычный для дореволюционной науки неправильный взгляд, согласно которого все произведения средневекового искусства рассматриваются как ответвления византийского искусства, без учета местного творчества.

Далее Павлинов указывает, что внутренность Драндского храма в настоящее время носит следы новейшей отделки: в разных местах пилястры с канелюрами западного стиля, все побелено. Реставрацию нужно представить с кирпичными фасадами, с арочками над окнами и с черепичными крышами.

Ссылаясь на Бакрадзе, посетившего этот храм в 1860 году Павлинов приводит его слова: «Я видел фрески Спасителя, в своде – Преображение Господне и несколько святых во весь рост», отсюда Павлинов делает заключение, что храм внутри не имел пилястров, которые возведены сравнительно недавно, а первоначально был украшен фресками.

Дальше Павлинов отмечает, что Бакрадзе относит этот храм к глубокой древности.

Далее Павлинов переходит к датировке памятника, отмечая предварительно, что никаких надписей и дат, позволивших бы дать непосредственную датировку памятника, не имеет. После этого Павлинов делает следующие рассуждения: когда христианство стало явным и овладело Римом и цивилизацией, архитектура была уже на высокой степени развития.

Тогда при выборе церковных сооружений представлялись две формы зданий: базилика со своим длинным нефом, с глубоким перспективным эффектом и другое здание – круглая или четырехугольная часовня с кон-

струкцией, ведущей глаз зрителя кверху, к вершине купольного свода, отождествляющего в церквах небесный свод.

По этому типу был построен Юстинианом и храм в Иерусалиме над гробом Господним, который впоследствии должен был иметь большое влияние на выбор плана при постройке других церквей, ибо всем хотелось иметь церковь, похожую на ту, которая осеняет величайшую святыню мира.

На западе и востоке появляется ряд церквей этого типа с центральным планом, из которых назовем: церкви – Св. Георгия в Салониках, Св. Виталия в Равенне, Св. Софии в Константинополе (с планом несколько осложненным).

Из всего этого делается заключение, что храмы VI века и позднее имеют своеобразные планы с центром: круглые, многогранные или в виде греческого креста.

Во всех этих церквах купол или совсем не имеет барабана, или сидит на барабане очень невысоком. Фасады еще не выработаны; купол их еще не венчает главу храма и не имеет того заканчивающего значения, которое ему придается в XI – XII веках.

В более поздней христианской архитектуре X – XII вв., купольный центральный план соединяется с базиличным, как, например, в церквах Св. Андрея в Константинополе, Св. Апостолов в Афинах, в Дафии около Афона и др. видим совсем другое. В этих церквах купол не так велик по диаметру, как в церквах VI в., имеет меньший распор, и потому удержать его гораздо легче; это последнее обстоятельство дает возможность поднять барабан, выдвинуть над зданием главу и придать ей соответственные стройные пропорции, т.е. выработать фасад,

Исходя из этого, и сравнивая Драндский храм с храмами XI – XII вв. (Моква, Бедия и др.), Павлинов именно так датирует эти памятники, он приходит к выводу, что Драндский храм по форме своей древнее всех вышеупомянутых церквей.

Внутреннее его расположение, как сказано выше, представляет крест, в середине которого расположен большой купол.

В этом плане легко узнать древнейшую систему центрального купольного храма, хотя и осложненного угловыми пристройками, но еще не вполне слившуюся с базиличным планом, и потому отличную от церквей XI – XII вв. Западные углы плана, представляя внутри круглое помещение с нишами в стенах, не имеют ничего общего с серединой, и тем самым каждый из них отдельно напоминает древнейший круглый план. Храм в Дранде не представляет также тех особенностей, которые являются впоследствии в кавказской архитектуре и служат её отличительными признаками, как, например: ниши внутри и снаружи между концами креста. Значительная высота барабана главы мешает отнести его к VII веку, но возможно пред-

положение, что он выстроен не позднее X века и что его можно считать одним из представителей византийской архитектуры на Кавказе.

И, наконец, Павлинов делает заключение, что приём крестового плана с большим куполом в середине, подобный Драндскому, встречается в самых древнейших церквах Кавказа, например, в церкви Св. Креста, напротив Мцхета, в Сионской церкви, в главной церкви Мартвильского монастыря, в Атени, в церкви Св. Рипсима, в Вагаршапате и других. Единственная разница, отличающая все эти храмы от Дранды, состоит только в том, что у них концы креста не прямоугольные, как в Дранде, а полукруглые¹.

Нужно отметить, что отличий Драндского храма от указанных выше храмов, отнесенных Г.Н. Чубинашвили к «памятникам типа Джвари», значительно больше, чем указывает это Павлинов, о чем ниже.

О Драндском храме пишут Н. Толстой и И. Кондаков. Они отмечают, что Дранда лежит в Абхазии на р. Кодоре, близ моря, в 24-х верстах от Сухума. Церковь построена вся из кирпича больших размеров, какие встречаются лишь в древних греческих постройках Западной Грузии.

Внутри сохранились фрески: изображение Спасителя, в своде – Преображение Господне и несколько святых во весь рост.

О времени построения церкви не сохранилось никаких известий; по некоторым данным архитектуры церкви предполагают, хотя и очень гадалательно, что она построена в XI в.

В Дранде некогда была епископская кафедра, но уже в XVIII веке она была покинута. Вахушт в своей «Географии Грузии» говорит о Дранде: «К западу от Мокви течет р. Кодор, на которой в горах, в Дранде, стоит большой и изящный храм с куполом. Там сидел епископ, заведующий страной между Кодором и Анакопией, ныне там нет больше епископа»².

В своем капитальном труде «Памятники типа Джвари» Г.Н. Чубинашвили касается и Драндского храма. Он отмечает, что древнейшим представителем этой своеобразной группы является большая церковь мцхетского «Джвари», и от него в непосредственной зависимости находятся все остальные представители.

В связи с этим храмом (Мцхетский Джвари) у Моисея Хоренского говорится, что при царе Мириане был воздвигнут крест на востоке от города (Мцхета), на холме, который отделен от города рекой, причем поставлен был этот крест взамен разрушенных идолов.

Вообще известно, что при насаждении христианства рекомендовалось ставить христианские святыни для поклонения в тех же местах, где прежде были языческие капища и идолы.

¹ Павлинов А.М. Экспедиция на Кавказ 1888 года. Путевые заметки. МАК, Ш. М., 1893 г.

² Н.Толстой и Н.Кондаков. Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. Русские древности. Выпуск IV. СПб 1891. – С. 65.

А вот, как об этом повествуется в «Обращении Грузии» («Матианэ Картлиса») по Шатберскому и Челишскому списку:

«И этот небесными чудесами прославленный честный крест Мцхетский подняли мы человеческими руками и пришли к источнику под тем утесом... И на другой день взошли на тот утес... И святая Нина наложила руку на один камень... И на нём воздвигли крест с царским величием»¹.

С.К. Кекелидзе путем сравнительного анализа показал, что приведенное выше предание о воздвижении креста Мцхетского при Нине и царе Мириане есть литературная обработка по образцу сказания о воздвижении крестов императором Константином и др.² По армянским сообщениям конца VII в. при Мириане был воздвигнут «крест на восток от города на красивом холму, который отделялся от города небольшой рекой», причем отмечено, что это было исполнено взамен разрушенных идолов, как изображение для поклонения³.

Как отмечает в своем капитальном исследовании «Памятники типа Джвари» Г.Н. Чубинашвили, «...крест Мцхетский не мог долго оставаться под открытым небом, как это было первоначально». И действительно, первый же эрисмтавар Гуарам построил церковь при кресте Мцхетском... Сын же его Степаноз, не удовлетворяется постройкой своего отца, а принимается за новую храмовую постройку и выводит тут же рядом большой храм, используя последние завоевания местной христианско-кавказской архитектуры.

На основании исторических документов и нумизматических данных Г.Н. Чубинашвили уточняет время правления эрисмтаваров, производивших упомянутые выше постройки, и приходит к выводу, что малая церковь креста Мцхетского была построена в промежуток от 545 до 586 года, скорее всего на переломе третьей и четвертой четверти VI в. (т.е. около 575 г.), а большая в это время находилась в постройке. В 590 г. строителем её был эрисмтавар Грузии Степаноз⁴.

По определению Г.Н. Чубинашвили Джвари мцхетский является величайшим и самым законченным выражением художественного творчества той эпохи в области архитектуры.

В связи с храмом Мцхетским Джвари Г.Н. Чубинашвили отмечает, что близкий ему по типу Абхазский храм Дранда он обследовал уже после окончания исследования о памятниках типа Джвари.

¹ Изд. Такайшвили Е.С. Описание рукописей. Общ. распространенная грамотность. Т. II. 1906 – 1912 г., – С. 713 – 714, 787 – 792, 793 – 795, 800 – 801.

² Кекелидзе К.С. Иерусалимский канонарь VII в. 1912. – С. 239 – 245.

³ A. Carriere. Nouvelles sources de Moïse de Khoren. Etudes critiques/ 1893. Viennep. VII.47 и др. Литература, приведенная у Г.Н. Чубинашвили, в «Памятники типа Джвари». Тбилиси. 1948. – С. 3 – 4.

⁴ Чубинашвили Г.Н. Цит. соч. – С. 5.

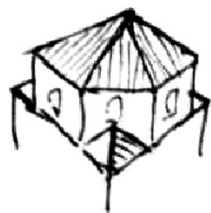
Прежде, чем говорить о Драндском храме, который по определению Г.Н. Чубинашвили, хотя и существенно отличается от группы памятников типа Джвари, но имеет вместе с тем несомненную связь с ними¹, рассмотрим на основании цитированного исследования Г.Н. Чубинашвили кратко, в общих чертах характерные особенности родоначальника этой группы памятников – Мцхетский Джвари, особенности, которые характерны и для других памятников этой группы.

По своим наружным формам Мцхетский Джвари, как и ряд других, образующих этот круг памятников, представляет храм центрально-купольный.

Центральная купольная часть храма открывается на все четыре стороны апсидами, образуя, таким образом, в плане крест, несколько удлиненный на восток и на запад.

В углах подкупольного квадрата, между концами стен рукавов креста, устроены ниши в $\frac{3}{4}$ круга, из которых ведут двери (на восток, или запад) в отдельные, совершенно обособленные комнаты, помещенные между каждой парой рукавов креста. Угловые комнаты представляют в плане центральный квадрат с короткими рукавами. Излишняя толщина стен, которая могла бы получиться в местах примыкания к апсидам угловых комнат, устранена созданием наружных ниш.

Охарактеризованные особенности плана вполне ясно выражены как внутри, так и снаружи. Внутри основной крест, каждый рукав которого заканчивается апсидой, имеет сверху её конху, а над продолжением рукава – коробовый свод. Над центральным квадратом креста возвышается купол с барабаном, утверждённый на системе тромп (или угловых арочек). Опорой купола служат выступающие в середину храма концы стен апсид. Угловые ниши в $\frac{3}{4}$ круга по плану имеют сверху конх, над полным полукругом плана; свод остальной части находится выше конхи, над которой получается открытый лоб стены. В угловых комнатах центральный квадрат имеет крестовый свод, а перекрытия коротких рукавов составляют арки.

Эти намеченные внутренние пространства храма, обусловленные планом, имеют вполне ясное, точное и адекватное выражение во внешних массах храма. Основной крест, выделенный двускатными крышами, доминирует над зданием; в центре его возвышается барабан с конической кровлей; боковые части имеют односкатные крыши на юг и север. Конечно, и углы квадрата основания купола, отвечающие четырем основным тромпам, имеют в углах свои дополнительные крыши.

¹Чубинашвили Г.Н. Цит. соч. – С. 31.

Фасады, как это уже ясно из рассмотрения плана, сильно изрезаны и поверхности их находятся в разных плоскостях, так как помимо углубленных в стены ниш, соответствующие апсидам части выступают вперед за прямую линию фасадов.

Оконные и дверные проёмы еще дополняют разбивку фасадов; хотя они размещены на разных высотах, в расположении их видна несомненная и определенная система.

Это последнее подчеркивается размещением фигурных рельефов, в большом числе украшающих наружные стены храмов этого типа. Кроме фигурных рельефов, окна и двери щедро декорированы также орнаментальными наличниками.

Говоря о Драндском храме, Г.Н. Чубинашвили отмечает, что этот храм «настолько существенно отличается от плана изучаемых церквей (т.е. памятников типа Джвари), что его нужно рассматривать, как совершенно самостоятельное решение при однородной компоновке и однородном взаимном распределении помещений.

Прежде всего, существенное отличие представляет форма рукавов – три из них прямоугольны, в углах центрального пространства (квадрата) нет вписанных трех-четвертных ниш, а наоборот, имеется закругление стены с прорезанными в неё арками рукавов креста; соединение с угловыми комнатами происходит через двери северного и южного рукавов, а не из угловых ниш квадрата. Не одинакова и форма угловых комнат в восточных и западных парах, она отлична от зданий Джварского типа.

Дранда по наружному абрису также подогнана к прямоугольнику, но только с выступающими гранеными апсидами восточного фасада¹.

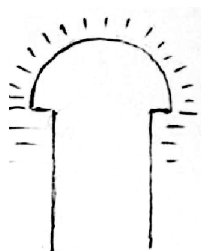
В текущем 1974 году реставрационной мастерской Комитета по охране памятников была произведена большая работа по очистке Драндского храма от новых наслоений.

Так, была сбита штукатурка, исполненная монахами в XIX в., после чего открылись стены сложенные из кирпича на известковом растворе, а также были сняты железная крыша и деревянные стропила. При этом оказалось возможным увидеть многое, что было до того скрыто от глаз.

Как оказалось, памятник весь сложен из кирпича, это единственное культовое сооружение на территории Абхазии, причем одно из наиболее ранних, где использован не камень, а кирпич.

Нужно отметить, что и для Грузии в целом, кладка из кирпича в раннем периоде не является характерной. Как исключительный в этом отношении памятник, мы можем отметить Кинцвисский храм Св. Николая XII в., сложенный из кирпича.

¹ Чубинашвили Г.Н. Цит. соч. – С. 66 – 67.

А в более позднем периоде, с XVI – XVII вв. кирпичная кладка, причем не рассчитанная на последующую штукатурку, покрывающую сплошь материал кладки, но на декоративное решение фасадов этим же самым кирпичом, что достигается применение различных способов кладки, выкладка выступающих или наоборот заглубленных элементов украшения фасадов (кресты, ромбы, квадраты и т.д.), как это видим, например, на колокольне Ниноцминда, а также применение лекального кирпича, из которого образуются профилированные колонки, арки, карнизы и др.

Судя по тому, как была осуществлена кирпичная кладка Драндского храма, первоначально не предполагалось производить штукатурку фасадов, они должны были быть открытыми и сама кладка, поверхность кирпича в сочетании с раствором, заполняющим швы между кладкой, кирпичные карнизы и т.д. должны были создавать художественное впечатление, эстетическое зрительное восприятие.

В своем труде «Памятники типа Джвари» Г.Н. Чубинашвили, видевший памятник еще сплошь покрытым штукатурным слоем, отмечает, что судя по обнажившемуся на западном фасаде участку стены, можно считать, что кладка исполнена перемежающимися слоями кирпича и булыжного камня¹. Однако, как оказалось, этот кусок стены относился к поздней кладке, а вся кладка целиком из кирпича.

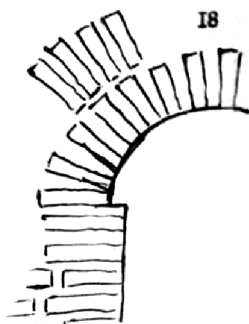
Кирпич, из которого выложен памятник, удлиненной формы, прямоугольный, имеющий размеры 5 x 30 x 20 см.

Характерно, что высота горизонтальных швов между рядами кирпича, заполненных раствором равна, а иногда и превосходит высоту кирпича.

Освобождение от поздней штукатурки позволило заметить особенность, характерную для всех внутренних дверных проемов храма, а именно: все проемы имеют полукруглое арочное навершие, причем ширина этого навершия не совпадает с шириной проёма, но несколько больше него, т.е. диаметр образующегося сверху проёма арки шире, чем этот проем, поэтому там, где кончается вертикальная стенка откоса и начинается закругление арки, у подошвы этой арки с обеих сторон образуется ступенька шириной до 10 см.

Ступенька эта могла иметь и практическое значение, так как могла служить основанием для установки кружал для выведения арки проема, с другой же стороны, такая конфигурация проема могла быть создана для художественного воздействия на зрителя.

¹Чубинашвили Г.Н. Цит. соч. – С. 9.

Второй особенностью при создании дверных проемов является то, что арки образуются радиально, т.е. веерообразно расходящимися кирпичами, со сближением этих кирпичей на ширину их толщины у края арки и с расхождением по мере удаления от центра. Такая арка наращивается вторым, а в отдельных случаях и третьим рядом веерообразно расположенных кирпичей.

Снятие поздней штукатурки позволило, особенно в откосах некоторых купольных окон, выявить наличие следов древней штукатурки, сильно отличающейся от новой штукатурки и по цвету и по составу входящих в него компонентов.

Однако, к сожалению, нигде не обнаружилось наружной поверхности этой штукатурки, которая могла бы сказать нам о наличии или отсутствии росписи на стенах интерьера храма. Нужно полагать, что монахи, наводившие благолепие на этот храм, полностью сбили всю прежнюю штукатурку вместе с возможно (или скорее наверняка) имевшейся на ней росписью.

Когда был сбит аляповатый и неуклюжий карниз, украшенный сухариками и сильно утяжелявший верхнюю часть фасадов, под ним открылся старый кирпичный, ступенчатый карниз, чистая кладка которого явно говорила об его органическом единстве с общим обликом здания и это еще раз подтвердило, что первоначально фасады здания вообще не были отштукатурены, но сама фактура кирпича с горизонтальными прослойками раствора являлась компонентом эстетического зрительного восприятия фасадов здания.

Во время обновления храма в XIX в. были изменены оконные проемы, переделаны отдельные части, пробиты дополнительные дверные проёмы, был добавлен с запада удлиненный по оси север-юг нартекс.

Все эти обновления и перестройки явно различаются благодаря тому, что исполнены они другим кирпичом, кладка без соблюдения таких широких горизонтальных швов, как в старой кладке, тем, что раствор применяется уже другой.

Всё это в какой-то мере дает возможность представить себе как должен был выглядеть памятник во время его первоначального состояния.

Особенно интересным и совершенно необычным нужно считать то, что было обнаружено после того, как сняли крышу и деревянные стропила и началась расчистка надсводного пространства от заполнявшего его строительного мусора, земли и щебня; это заполнение, видимо, было сделано для планирования площади под черепицу, которой раньше было покрыто здание.

При расчистке этого пространства оказалось, что под слоем строительного мусора и щебня находятся амфоры, положенные в ряд над северо-западным и юго-западным угловыми помещениями храма.

Амфоры эти уложены в определенном порядке, параллельно направлению ската, причем среди этих амфор есть и целые, и такие, которые при кладке уже были с дефектом; с пробитым боком, отбитым краем и т.д. Всего этих амфор, причем разного вида и размера, было найдено около тридцати пяти, не считая большого количества тех, которые были побиты и остались на месте.

Все эти амфоры по своему виду могут быть разделены на несколько групп, причем, амфоры, находящиеся в каждой из этих групп, одинаковы по форме и близки, хотя в отдельных случаях несколько отличаются друг от друга по размерам, или форме отдельных частей; при этом нужно отметить, что все амфоры из хорошо отмученной и обожженной глины, имеют светлый желтовато-охристый оттенок.

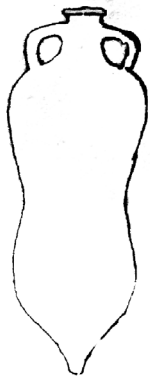
Амфоры относятся к раннему Средневековью, нужно полагать, что они одновременны самой достройке.

Местонахождение их в надсводном пространстве может быть объяснено как строительный приём, возможно, при планировке скатов надсводного пространства, чтобы поместить на нём кровельный материал, был использован строительный мусор, а для уменьшения нагрузки на своды были применены также и пустотелые объемы, каковыми являются найденные амфоры.

Они были использованы не по своему прямому назначению, т.е. как тара для жидких или сыпучих тел, а вторично, как строительный материал. Указывает на это то обстоятельство, что почти все эти сосуды имеют какой-нибудь изъян, не позволяющий использовать их по прямому назначению.

Рассмотрим отдельные амфоры, принадлежащие к различным группам:

I. Амфоры удлиненной формы с остроконечным тупо-срезанным дном, с двумя ручками, с высокой скошенной горловиной и с утолщением в середине. В нижней части ступенчатое рифление.

Амфоры этой группы представляют подавляющее большинство среди найденных на надсводном пространстве Драндского храма.

Рассмотрим конкретно одну из амфор этого вида.

Длина равна 74,5 см. Самое узкое место тулова на высоте 36 см, от низа днища, т.е. от срезанного острого конца. Ширина его, т.е. диаметр сечения в этом месте равен 12 см.

Наиболее широкое место тулова в ее верхней части на высоте 59 см, где диаметр сечения равен 18 см.

Наиболее широкое место тулова в нижней части пифоса на высоте 15 см. и диаметр сечения в этом месте равен 16 см.

Переход от окружностей наиболее широких частей тулова к наиболее узкой его части происходит посредством прямых образующих.

Конусовидное сужение низа сосуда к острию со слабым прогибом вовнутрь, Закраина амфоры имеет высоту 2 см. Её форма близка к усеченному конусу, диаметр нижнего основания которого равен 8 см, а верхнего 7 см.

При этом, нужно отметить, что форма этого конуса, возможно, в процессе обжига несколько искажена, отчего верхняя площадка его не горизонтальна, а скошена.

Ручки в сечении плоские, сечение их близко к удлинённому прямоугольнику с заваленными углами. Толщина сечения около 2 см, ширина – около 5,5 см. К месту прикрепления ручки к тулову и шейке сосуда её сечение увеличивается в ширину и высоту.

Верхняя часть ручек прикреплена к горловине амфоры на высоте 71 см. от низа амфоры. Нижняя часть ручек на высоте 63 см. от низа пифоса. Наибольшее расстояние отдаления ручки (ее наружной части) от поверхности горловины равно 4,5 см. При этом нужно отметить, что ручки прикреплены к амфоре без точной установки их по образующей сосуда, но несколько скошено.

Горловина амфоры имеет плавную вогнутость вовнутрь и плавный переход к тулову сосуда в месте наибольшего его уширения верхней части.

Высота горловины вместе со скошенной закраиной равна 9,5 см.

От нижнего основания закраины горловина амфоры отходит плавной дугой, образуя острую горизонтальную грань.

В нижней части амфоры, начиная с высоты 10 см. от низа сосуда и до высоты 5 см., идет горизонтальная ребристая гофрировка, образующая четыре волнистых ступени.

Стенки сосуда тонкие, при стуке издают звон, что говорит об их хорошем обжиге.

Острые дна срезано и образовавшийся круток имеет диаметр 2 см.

К тому же типу, что и предыдущий сосуд, относится и другой, отличающийся от первого в отдельных деталях.

Высота этого сосуда 75 см. Самое узкое место тулова на высоте 34 см. от низа днища. Диаметр сечения сосуда в этом месте равен 13 см.

Наибольшая ширина тулова в верхней части на высоте 56 см. и диаметр сечения равен 20 см.

Наибольшая ширина тулова в нижней части амфоры на высоте 15 см. ширина равна 16 см.

Дальше текст прерывается, так как отсутствует целая страница, на которой помещено не только продолжение описания предыдущей амфоры, но начинается описание другой амфоры: (следующая страница, к сожалению, отсутствует)

...части) от поверхности горловины равно 5,5 см. В отличие от предыдущей, в которой ручки прикреплены к амфоре без точной установки по образующей сосуда, в этой амфоре очень точно.

Горловина амфоры имеет плавную вогнутость вовнутрь и плавный переход к тулову сосуда в месте наибольшего его уширения в верхней части.

Высота горловины вместе со скошенной закраиной равна 10 см.

От нижнего основания закраины горловина амфоры отходит на плавной кривой, как в предыдущей амфоре, но образует резкий поворот.

Если в предыдущей амфоре ребристая горизонтальная гофрировка помещалась в нижней части сосуда, то в этом сосуде эта гофрировка в верхней части; она начинается у нижнего места прикрепления ручки к тулову амфоры на высоте 61 см., от низа амфоры и кончается на высоте 52 см от низа сосуда.

Гофрировка эта образует три горизонтально идущие валика дающие в разрезе плавную волнистую линию.

Стенки сосуда, так же как и в предыдущем, тонкие, при стуке издают легкий звон, что говорит о качестве обжига.

Острые дна срезано и образующийся круток имеет диаметр около 1,5 см.

Переход от уширяющейся нижней части к острию осуществляется плавными изогнутыми внутрь линиями.

Амфоры, описанные выше, по своему типу составляют преобладающее большинство по сравнению с другими видами амфор, из общего количества 35, они представлены в количестве 25.

Хотя все эти амфоры относятся к одному типу, но каждая из них отличается от других или размерами отдельных частей, или формой ручек, или наличием или отсутствием гофрировки или различием в форме горловины или закраины и т.д.

Однако, все эти различия настолько незначительны, что в целом все эти сосуды могут быть отнесены к одному общему типу удлиненных двуручных амфор с перетяжкой в середине и с остроконечным дном.

II. Другой вид амфор.

Эти амфоры тоже удлиненной формы, но более короткие, чем первые. Рассмотрим конкретно одну из амфор этого вида.

Высота амфоры от острия дна до края горловины – 60 см.

В этой амфоре в середине тулова нет сужения, как в амфорах первого вида.

Наиболее широкое место тулова на высоте 30 см, где диаметр сечения равен 22,5 см. Затем стенки сужаются к низу по плавной кривой, которая на высоте от низа сосуда резко изгибается в обратном направлении и сосуд заканчивается конусовидным острием со срезанной верхушкой, диаметр среза равен 1,5 см.

В верхней части амфоры, после уширения и перехода горловины в тулово, стенки идут вертикально от высоты 45 см, от низа сосуда, до высоты 37 см, от низа сосуда.

Затем начинается плавное уширение до высоты 30 см от низа сосуда, где наибольшая ширина тулова.

В отличие от предыдущего вида, амфора, где горловина имеет ясно выраженную уширенную и скошенную закраину, здесь горловина кончается гладко, она как бы срезана и край ее выровнен и чуть заovalен.

Две ручки прикреплены одним концом к верху горловины, другим – к тулову в месте начала его уширения. Ручки плоские в сечении, с желобчатым выемом по наружной поверхности. Ширина ручки в средней части около 2 см, толщина до 1,5 см. Место прикрепления верхней части ручки на высоте 57 см от низа сосуда, место прикрепления нижней части ручки на высоте 50 см.

Наибольшее отдаление наружной поверхности ручек от тела сосуда равно 5 – 6 см.

Отверстие, образованное ручкой и частью горловины, имеет очертание неправильного и наклоненного овала.

Поверхность амфоры не гладкая. В её верхней части, начиная от места прикрепления нижней части ручки и на ширину 5 см, идет горизонтальная полоса, состоящая из параллельных линий, образующих мелкую гофрировку поверхности.

Ниже идет гладкая полоса шириной в 2 см, а ниже ее снова гофрированная поверхность до уровня 12 см. от низа сосуда. Однако, эта гофрировка более крупная. Если наверху, на 1 см приходится около 3 – 4 полос, то здесь ширина каждой полосы до 1 см.

Полосы эти исполнены в виде валиков и в разрезе в совокупности имеют волнистое сечение.

Сосуд дошел до нас не в целом виде. Верхняя часть его вместе с одной ручкой отбита. Однако, это не мешает иметь представление об его первоначальном виде. Кроме того, форма его сильно смята, в тулове есть вдавленности, нарушающие общую конфигурацию сосуда.

Нужно полагать, что эта его деформация могла получиться во время обжига. Так же скошено поставлены и ручки.

Видимо, все эти изъяны в амфоре и послужили тому, чтобы использовать её как брак в качестве строительного материала, как заполнитель, облегчающий конструкцию. Из всего количества найденных в надсводном пространстве амфор, сосудов этого вида было ...единиц.

III. Этот тип амфоры близок к первому, но они меньше по размеру и несколько иной формы. Он тоже имеет расширенную закраину горловины, но иной формы, приближающейся к сплюсненному цилиндру и без плавного перехода в горловину, но слабо выраженной ступенькой.

Не имеет этот вид амфоры и сужения в середине тулова, но только очень слабый прогиб. Нижняя часть конусовидно сужается к низу, а затем, этот конус переходит в цилиндр, из которого ступенчато отходит острие дна в виде срезанного конуса.

Рассмотрим конкретно одну из амфор этого типа.

Общая высота амфоры равна 56 см.

Наиболее широкое место тулова на высоте 36,5 см от низа сосуда; диаметр сечения в этом месте равен 19,5 см.

Наиболее узкое место тулова на высоте 15 см от низа сосуда, а диаметр сечения в этом месте равен 14 см.

От наиболее широкого сечения, до наиболее узкого – контур сопрягается почти по прямой, с очень слабым изгибом вовнутрь.

Дальше, на этой же высоте 15 см тулово резко переходит в новую форму, в форму усеченного конуса, наиболее узкая часть которого находится на высоте 5 см от низа сосуда и диаметр сечения здесь равен 4 см.

Здесь конус плавно переходит в цилиндр, имеющий высоту 2 см. Наконец, от этого цилиндра ступенчато отходит, с легким заovalиванием граней, усеченный конус острия низа амфоры.

Найденные в надсводном пространстве Драндского храма амфоры, причем в большом количестве и разнообразной формы, представляют большой интерес и являются объектом специального исследования. Их изучением занята в настоящее время сотрудник Абгосмузея М.К. Хотелашвили.

Для нас же, они особенно интересны главным образом, как датирующий материал для определения времени строительства Драндского храма.

Как мы могли убедиться из описания найденных амфор, все они, имеют какой-нибудь изъян, брак, порчу. Для употребления по назначению они были непригодны и потому были использованы как строительный материал для создания облегченного заполнения надсводного пространства, т.е. использовались для строительства храма.

Поскольку нет никаких ни исторических, ни письменных, ни вещественных материалов для датировки этого памятника, наличие превра-

ценных в строительный материал амфор, которые могут быть отнесены к определенному времени, делают их особенно ценными для датировки изучаемого памятника.

Как показывают соответствующие параллели, все амфоры, найденные в надсводном пространстве, могут быть датированы V и VI веками¹.

Расчистка Драндского храма еще не доведена до конца. Несомненно, когда из его помещения будет вынесен весь строительный мусор и земля, покрывающие пол, когда этот уникальный памятник будет окончательно очищен от всех поздних наслоений, это даст много нового для изучения.

¹ Античная древность и средние века (АДСВ) № 7. Свердловск, 1972 г., стр.; Якобсон Л. А. МИА № 168. – М. С.

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Утверждено к печати Абхазским институтом гуманитарных
исследований им. Д.И. Гулиа АН Абхазии

Научное издание

**АԨԶУАԤЦААРА
АБХАЗОВЕДЕНИЕ**

**Археология
АԤоурьх
Аетнологиа**

**Археология
История
Этнология**

**АԤьжьра
X
Выпуск**

Редактор Л.С. Пачулия
Корректор Л.М. Чок
Компьютерный набор Л.Р. Чамагуа
Верстка Н.Г. Гунба

Формат 70x100 $\frac{1}{16}$. Тираж 500. Физ. печ. лист 15,5.
Усл. печ. лист 20,15. Заказ №34.

РУП «Дом печати», г. Сухум, ул. Эшба, 168.